

Явление героя

В четвертом круге Преисподней, на краю мира, называемого Когхагидобон, над Гниющей Бездной, высился Замок Гхадаби. Возведенный в незапамятные времена, он пережил длительный период упадка и забвения. Время оставило на нем свой след, но не столь заметный, какой могло бы — магия, сотворившая это место, все еще действовала и хранила его. Замок лепился к стене над обрывом — возвышался над землей на шестьсот футов, словно протыкая небеса тонкими и длинными иглами своих башен, и простирался вниз, в Гниющую Бездну, более чем на милю. Нижняя часть замка местами сливалась со скалой, она была длинной и вытянутой, формой напоминая сужающийся к низу конус, а из самой нижней точки этого конуса в бездну сочился мутный темный поток. Испарения Гниющей Бездны не позволяли приблизиться к замку живым — ни путешествующие чародеи из мира людей, ни демоны Когхагидобона, ни даже небожители, по неведомой причине забредшие в этот уголок Ада, не смогли бы выжить, вдохни они смрад, поднимавшийся из глубин. Бездна защищала замок от незваных гостей, а источник в нижней части замка питал Бездну. Старые демоны рассказывали, что во время древней войны, едва не погубившей все сущее, это место выглядело иначе и по краю Бездны можно было ходить безбоязно, да и сама Гниющая Бездна называлась тогда иначе. Но потом что-то произошло: замок, бывший одной из многочисленных резиденций Темной Княгини — имя которой позже им повелели забыть — изменился. Наполнился силой и обрел нынешний вид; его обитатели погибли, и полагали, что их уничтожила сама госпожа; а из Бездны, стены которой покрылись ядовитой слизью, источающей удушающий пар, поднялся нестерпимый смрад. Отравленные пары окутали замок и распространились на многие мили окрест, уничтожив все живое; яд, разлитый в воздухе, был полон магии, бороться с которой могли лишь немногие. Однако не только ядовитый пар защищал замок. Старые демоны помнили бессмертного чародея, сумевшего подобрать достаточно сильные заклятья для того, чтобы уберечься от яда — он вошел в туманную муть, окружавшую замок, и вскоре пропал из виду. Назад он так и не вернулся, а само это место осталось без всяких изменений.

Если бы кто-нибудь осмелился повторить путь этого чародея, то после долгого путешествия по безжизненной равнине перед ним предстали бы темные ворота, на одной из створок которых было изображено растение, с цветков и шипов которого падали капли, а на другой — тварь, совмещавшая в себе черты змеи и скорпиона. Более чем явно указание на то, кому принадлежит это место — если предыдущих намеков все еще было недостаточно.

Пропавший столетия назад бессмертный чародей не пытался взломать ворота.

Явление героя

В четвертом круге Преисподней, на краю мира, называемого Когхагидобон, над Гниющей Бездной, высился Замок Гхадаби. Возведенный в незапамятные времена, он пережил длительный период упадка и забвения. Время оставило на нем свой след, но не столь заметный, какой могло бы — магия, сотворившая это место, все еще действовала и хранила его. Замок лепился к стене над обрывом — возвышался над землей на шестьсот футов, словно протыкая небеса тонкими и длинными иглами своих башен, и простирался вниз, в Гниющую Бездну, более чем на милю. Нижняя часть замка местами сливалась со скалой, она была длинной и вытянутой, формой напоминая сужающийся к низу конус, а из самой нижней точки этого конуса в бездну сочился мутный темный поток. Испарения Гниющей Бездны не позволяли приблизиться к замку живым — ни путешествующие чародеи из мира людей, ни демоны Когхагидобона, ни даже небожители, по неведомой причине забредшие в этот уголок Ада, не смогли бы выжить, вдохни они смрад, поднимавшийся из глубин. Бездна защищала замок от незваных гостей, а источник в нижней части замка питал Бездну. Старые демоны рассказывали, что во время древней войны, едва не погубившей все сущее, это место выглядело иначе и по краю Бездны можно было ходить безбоязно, да и сама Гниющая Бездна называлась тогда иначе. Но потом что-то произошло: замок, бывший одной из многочисленных резиденций Темной Княгини — имя которой позже им повелели забыть — изменился. Наполнился силой и обрел нынешний вид; его обитатели погибли, и полагали, что их уничтожила сама госпожа; а из Бездны, стены которой покрылись ядовитой слизью, источающей удушающий пар, поднялся нестерпимый смрад. Отравленные пары окутали замок и распространились на многие мили окрест, уничтожив все живое; яд, разлитый в воздухе, был полон магии, бороться с которой могли лишь немногие. Однако не только ядовитый пар защищал замок. Старые демоны помнили бессмертного чародея, сумевшего подобрать достаточно сильные заклятья для того, чтобы уберечься от яда — он вошел в туманную мусть, окружавшую замок, и вскоре пропал из виду. Назад он так и не вернулся, а само это место осталось без всяких изменений.

Если бы кто-нибудь осмелился повторить путь этого чародея, то после долгого путешествия по безжизненной равнине перед ним предстали бы

темные ворота, на одной из створок которых было изображено растение, с цветков и шипов которого падали капли, а на другой — тварь, совмещавшая в себе черты змеи и скорпиона. Более чем явно указание на то, кому принадлежит это место — если предыдущих намеков все еще было недостаточно.

Пропавший столетия назад бессмертный чародей не пытался взломать ворота. Он сумел временно нарушить работу заклятий, защищавших одну из семи основных башен, и переместился в ее центр, в бесплотном виде пройдя через стену. Внутренняя часть башни напоминала лабораторию. В верхней части, из темного пятна, которое вполне могло быть входом в какой-нибудь другой мир, вытекала багряная жидкость. Она попадала в широкую металлическую воронку, стекала вниз по серебристой трубке, взбалтывалась в следующей емкости, проходила через дисцилиацию и нагрев. Полученные пары охлаждались, проходили еще цепь преобразований и в конце концов в виде изрядно посветлевшего потока по очередной серебристой трубке уходили куда-то вниз, на более глубокие уровни замка.

Здесь были остатки дверей — некогда запечатанные владелицей замка, а позже взломанные пришлым чародеем; за дверями — коридор, пустые лестницы и залы. Что-то таилось здесь в темноте, незримое и неосязаемое, иногда оно казалось крошечным, а иногда — большим, выглядывающим одновременно из всех темных углов и ниш. Если бы пришедший в замок обладал способностью созерцать прошлое, то увидел бы, как пришлый чародей усилил защиту, но это его не спасло — он не успел добраться даже до первой из лестниц, как был убит. Бесформенное нечто, уничтожившее его, уползло во мрак и вновь притаилось в нем: бессмертный демон, поглощавший заклятья столь же легко, как и плоть. У демона не было хозяина; может быть, лишь Солнечный Убийца, Властелин Небытия, мог бы управлять этой тварью, ибо охранявший Гхадаби демон не был порожден силой какого-либо из Князей, а призван из беспредельной пустоты, окружавшей Сальбраву. Нельзя сказать, что он существовал прежде, чем был призван — магия, доступная лишь Князю, сделала ничто чем-то как бы существующим: у этого ничто не было даже имени и существовать в Сальбраве оно не могло — но замок, однако, был сделан таким образом, что только здесь и мог существовать пустотный демон. Внутреннее пространство замка представляло собой совершенно особую область — здесь часть привычных законов Сальбравы была отменена, другая искажена, третья — интерпретирована в весьма причудливом виде. Без всякого сомнения, создать подобное место мог бы лишь один из

Князей, но даже ему потребовалось бы немало усилий для того, чтобы это место стало таким, каким оно было задумано. Замок постоянно требовал огромного количества энергии, и было семь миров — по числу семи основных башен — которые, вместе с потоками яда, ему эту энергию предоставляли. В каждой из башен располагалась лаборатория, подобная той, что открылась взору бессмертного чародея, убитого стражем Гхадаби. Страж обитал на верхних и средних уровнях замка — и хотя он не имел хозяина, он не мог покинуть это место. Ядовитые потоки смешивались на подземных этажах и текли вниз, проходя новые и новые преобразования. Число их менялось, но в самом конце их вновь становилось ровно семь — там, на самом нижнем уровне замка, находился бассейн, который питало семь потоков, а полученная от их соединения темная смесь стекала вниз и по длинному желобу покидала Гхадаби. Смесь проливалась дождем в Гниющую Бездну и поднималась затем из нее в виде ужасного пара, убивавшего все, что с ним соприкасалось.

Семь духов, соответствующих семи отравленным потокам, в незримой форме парили над ядовитым бассейном. Бесчисленное множество лет они провели тут без всякого движения, в состоянии, среднем между медитативном трансом и сном. Они были похожи друг на друга по своей природе, но различались так же, как один человек отличается от другого: каждый из них созерцал в глубоком трансe те миры и те потоки силы, которые были ближе ему самому. Если бассейн с темной жидкостью был сердцем замка, то семь духов были его душой.

У них не было имен и не было иных целей, кроме бесстрастного ожидания итога: каждый из них знал, что когда-нибудь они исполнят свое предназначение и исчезнут. Небытие не пугало их и не манило — они не ведали страха смерти и не томились от скуки. Магия, поддерживающая замок, могла истощиться, камни — превратиться в пыль, ядовитые потоки — иссякнуть, а безжизненная равнина — зазеленеть; могло произойти все что угодно, но семеро духов остались бы ожидать своей судьбы там же, где некогда были оставлены своей госпожой.

Они не вели счет времени, и не могли сказать, сколько именно лет прошло, прежде чем что-то начало меняться: столетья были для них калейдоскопами снов, составленных из видений, относящихся к различным мирам, но неуловимо связанных между собой — эта связь была настолько тонкой и зыбкой, что никто, кроме семи хранителей Гхадаби, не смог бы уловить ее. И все же изменения наступили. Первыми их ощутил четвертый дух, соответствовавший желтому потоку. Он почувствовал, как дрогнули далекие Сферы, долгое время остававшиеся покинутыми; их движение

изменилось; населявшие их обитатели — кхаду и лганарэ, ведущие жизнь, более похожую на прозябание — затрепетали и подняли головы: их сознание стало яснее, цель и причина их существования — четче, их магия ожила, а тела наполнились силой. Высохшие русла энергий наполнились свежими потоками; по небесам множества миров пронесли ветра, о существовании которых давным-давно позабыли. Эти ветра несли не свежесть, а смерть; одни создания гибли, вдыхая их, другие менялись. Затем перемены ощутил седьмой дух, соответствовавший темному потоку: он смотрел вниз, в глубину Преисподней, и увидел, как засочились жгучей росой обугленные ущелья и трещины; как взвились над пустошами бесплотные призраки; как затанцевали, слипаясь и соединяясь друг с другом, осколки Сфер, некогда разрушенных Князьями Дна в качестве свидетельства верности договору, заключенному между Светом и Тьмой. То, что было позабыто, теперь возвращалось; древние печати оказались сорваны; а те, кто должен был исчезнуть в результате сделки между Князьями Света и Тьмы, снова вступали в этот мир. Это был знак, и седьмой дух верно истолковал его.

Третий дух, соответствующий желтовато-зеленому потоку, следил за малым, а не за великим: предметом его созерцания многие тысячи лет был один-единственный цветок, растущий в пространстве сновидений. Однако его созерцание было столь тонким и изощренным, что в этом цветке для него отображалась вся Сальбрава со всеми Сферами ее миров; и в капле росы на листке воображаемого цветка он разглядел тьму, надвигающуюся на замок Гхадаби — тьму, которую они так долго ждали.

Затем перемены ощутили первый, второй, пятый и шестой духи — каждый по-своему. С какого-то момента перемены стали заметны и для обычных обитателей этого мира: лиловые небеса Когхагидобона темнели и наполнялись мечущимися тенями; подули ветра, убивающие и извращающие все живое. Буря из теней двигалась с запада на восток, и когда она подошла к пустому пространству вблизи замка, то ядовитые испарения Гниющей Бездны слились с ней и, казалось, еще больше усилили ее.

— Вот и все, — сказал первый, наблюдая за этой картиной. — Она уже здесь.

— Не она, — возразил пятый. — Теперь это он.

— Как такое может быть?

— Боги двуполы, — объяснил третий. — Прежде ее женская часть была выражена сильнее, теперь более выражена мужская.

— Его сила влияет не только на то, что мы видели, но и на нас самих.

— Сказал четвертый. — Даже сейчас, когда он еще далеко, я чувствую себя иначе. Мой ум стал яснее, а зрение четче.

— Он близко, — вновь возразил пятый.

Духи смотрели, как буря, протянувшаяся с запада на восток, коснулась замка и, словно дым, стала втягиваться в его стены и башни. Чары, окружавшие постройку, должны были препятствовать любому проникновению извне — но вместо этого они свободно пропускали внутрь ту силу, которой была наполнена буря.

— Почему мы были оставлены? — Спросил шестой дух. — Раз конец близок, я хочу это знать.

— Я не знаю. — Ответил первый.

Остальные также сказали, что не представляют, с какими целями и для чего это было сделано.

— Мы важны для него, — сказал седьмой. — И этого достаточно.

— Он не видит нас и не помнит, — вновь возразил пятый. — Как же мы можем представлять для него ценность?

— Верно и то, и другое, — произнес третий. — Он не помнит, но мы важны. Он еще не знает, в чем наша ценность, но когда он спустится сюда, то поймет.

— Откуда ты это знаешь? — Спросил шестой.

— Мы все помним разное, представляя собой различные аспекты сущности, которая прежде была единой. Я уверен в том, что сказал, но ты наверняка знаешь нечто такое, что мне неизвестно.

— Для чего же мы были разделены? — Спросил четвертый.

— Это другой способ спросить о цели нашего существования, — произнес седьмой. — А нам ее знать не нужно. Знание об этой цели не напрасно разделено между нами; все обретет смысл, когда мы соединимся вновь. Торопить события не следует.

Бесстрастно духи наблюдали за тем, что происходит наверху. А наверху бушевал хаос: бессмертный страж вступил в сражение с тенями, проникшими в замок. Ни демон, представлявший собой ожившую и бесформенную пустоту, ни тени, бывшие частями одной соборной сущности, не имели четких размеров и форм. Их битва шла сразу по всему надземному пространству замка, во всех башнях и залах. Поначалу казалось, что демон одерживает верх: он пожирал тени, оставаясь неуязвимым к их собственным попыткам воздействовать на него. Но буря продолжала вливаться в Гхадаби и тени появлялись вновь, проникая с каждым разом все глубже и глубже. Теперь они появлялись уже не только на верхних уровнях замка, но и на средних, и демону пустоты приходилось

действовать все активнее, чтобы успеть везде.

— Разве так должно быть? — Спросил первый. — Он сам оставил демона здесь. Почему демон не служит ему так же, как служит замок и Гниющая Бездна?

— Может быть, мы ошиблись? — Задумчиво произнес второй. — Может быть, пришел не тот, кого мы ждем, а кто-то похожий на него?

— У демона нет хозяина, — сказал шестой. — Он нападет на любого. Я помню, как создавался этот демон и знаю его уязвимые места.

— А я знаю, что памяти наш господин лишил себя не зря. — Отрезал седьмой. — Демон связан с замком, а господин не должен помнить ничего, что связано с ним.

— Тогда, может быть, стоит подать ему знак? — Обеспокоился шестой. — Как-нибудь сообщить о том, каким способом можно одолеть стража?

— Нет! — Седьмой и третий произнесли это одновременно. Затем седьмой замолчал, и далее говорил только третий:

— Если это он, то справится сам. Найдет способ. Если же это не он, а кто-то другой в его личине — то страж здесь был поставлен не напрасно.

Духи смотрели на разворачивающееся сражение. Теперь оно охватило и большую часть средних уровней замка. Звучала Истинная Речь, но и ее власти не хватало для того, чтобы смирить пустотного демона. Но, по крайней мере, тени теперь гибли реже: пришелец, пусть не всегда и не полностью, за счет Истинных Имен мог сдерживать силу демона или уклоняться от его прямых ударов.

— Единственный способ победить — это... — Начал было шестой, но седьмой рявкнул:

— Молчать!

И подсказка, которую мог бы услышать пришелец, осталась произнесенной.

Тем временем, часть башен наверху рухнула, удивительные лаборатории оказались разрушены.

— Думаю, есть и другой способ, — задумчиво проговорил четвертый. — По крайней мере, я знаю один. А раз мы помним разное, то, вероятно, это какой-то другой способ, а не тот, что помнишь ты.

— Возможно.

— Я помню несколько неправильных способов, — похвастался пятый.

— Демон может существовать только в особой среде, которая создана в нашем замке. — Заметил второй. — Почему бы просто не разрушить ее?

— Это и есть один из неправильных способов. Если так сделать, распространение пустоты, из которой состоит демон, станет

взрывообразным. Да, в итоге демон исчезнет, но вместе с ним исчезнет и вся Сфера, весь Когхагидобон, не говоря уже о Гхадаби.

Сражение завершилось столь же внезапно, как и началось. Поле замка искажилось, сжалось и часть его словно втекла во врата в иной мир, что располагались на вершине одной из семи башен. Врата закрылись, на той стороне поле замка распалось, не имея более возможности существовать в прежнем виде. Духи Гхадаби в медитативном созециании бесстрастно наблюдали, как оправдываются слова пятого: далекая Сфера, куда вместе с большей частью энергии замка был выброшен пустотный демон, стремительно вспухает и разрушается, превращаясь в рой обломков, кружащихся между многочисленными мирами Сальбравы.

— Это не тот способ, который я помню, — сказал четвертый.

— И не тот, который помню я, — откликнулся шестой.

— Но и этот неплох.

— На мой вкус, слишком грубый.

— Это все из-за вашей подсказки, — процедил седьмой. — Он услышал ее и использовал в своих целях. И как мы теперь можем быть уверены, что это именно он, а не кто-то другой?

— Мне кажется, он был слишком занят, чтобы кого-то слышать... — Виновато промямлил пятый.

— Он бог. У него множество обликов и тел. Одной своей частью он мог сражаться, другой — слышать нас, третьей — заниматься другими делами в иных мирах, а четвертой — отвечать на молитвы демонов и смертных. Вы глупцы.

Семеро хранителей Гхадаби смотрели, как теньевые ветра проникают на средние уровни замка (верхние в ходе битвы были разрушены полностью), соединяются и обретают форму немолодого темноволосого человека — с белой кожей, тронутой гниением, с темными прожилками вен, с губами, искривленными злой усмешкой. Несколько видоизменений — кхаду... кадет... теньевой демон... многоголовая змея... и снова человек. Человек огляделся по сторонам и стал спускаться вниз. Он мог бы стать потоком теней и добраться до нижних уровней очень быстро, но он не торопился. Кажется, он пытался что-то вспомнить — и не мог, и это беспокоило его. Тени танцевали вокруг него — неразличимые во тьме для обычного взгляда, но вполне явные для того, кто мог видеть в темноте. Ядовитая аура, окружавшая человека, сделалась столь плотной и концентрированной, что ему не приходилось открывать двери — они истлевали, когда пришелец подходил к ним. Задержись он на каком-либо месте надолго, вероятно, аура прожгла бы дыру даже в каменном полу, но

он, хотя и не спешил, не останавливался.

— Поздно беспокоиться, тот ли это, кого мы ждали, или кто-то другой, принявший его облик, — заметил третий. — Сейчас он придет сюда и все в любом случае закончится.

— Не закончится, а только начнется, — возразил седьмой. — Мы его тени, мы — те части его божественной души, которые он почел нужным на время удалить от себя. Знания и память, цели и желания, замыслы и предчувствия... и даже сама память о Гхадаби и о том, что он от чего-то избавлялся. Все здесь, в нас, и все обретет смысл, если он — действительно тот, кого мы ждали. Но из-за пятого я уже не уверен в этом.

— Я сделал то, что был должен. — Сказал пятый. — Я не чувствовал запрета. Может быть, он предвидел, что может ошибиться и сделал меня специально, чтобы я его уберег? Во всяком случае, мое желание сказать то, что я сказал, было слишком сильно, и ни седьмой, и ни кто-либо другой из вас мне не указ.

— Ты безответственен и глуп, — ответил седьмой. — Нечего оправдывать свою болтливость тайными намерениями господина.

— Хватит спорить, — вмешался первый. — Третий прав: совсем скоро мы будем знать точно — ошиблись ли мы или действовали верно.

Остальные, даже седьмой, молча согласились с его словами. Более семеро хранителей Гхадаби не произнесли ни слова. Паря над бассейном, наполненным жгучим ядом, с помощью мистического видения они наблюдали, как спускается на нижние уровни замка Темный Князь, принявший облик смертного человека.

Глава первая

К северу от Ильсильвара, за Гирским Проливом, лежат два крупных острова: Эн-Тике и Гоураш. Гоураш славен своими медными и серебряными рудниками, а Эн-Тике — воинственным и непокорным населением. Со времен распада Империи Порядка энтикейцы не переставали беспокоить берега Ильсильвара и острова Выплаканного Моря. Ильсильвар неоднократно покорял Эн-Тике, но стоило армии южан покинуть остров, как население устраивало бунт, вырезало гарнизон и коллабационистов, и принималось за старое. В конце концов Ильсильвар изменил политику и, оставив попытки покорить Эн-Тике силой, стал покупать верность энтикейских кланов и приглашать на службу их дружины. Это оказалось удачным решением, потому что хотя Эн-Тике и расцвел, золото изменило сердца энтикейцев, прежде всецело принадлежавших Ульвару, Богу Гнева. Пиратских набегов становилось все меньше, на побережье Эн-Тике росли города, и узкие северные корабли, прежде перевозившие только бойцов, все чаще стали использоваться для перевозки товаров. Дхагос, некогда выбранный королем вольными людьми на тинге, объявил о том, что отныне верховная власть будет передаваться по наследству. Случился бунт, но слишком многое к тому времени успело измениться на Эн-Тике, и в кровавой гражданской войне Дхагосу сопутствовал успех. Отвергавшие чужих королей, энтикейцы в конце концов покорились своему собственному, и новый порядок вещей закрепился на острове. Потомки Дхагоса заключали браки с герцогскими семьями Лавгура, Браша и Маука, в результате чего королевский трон Эн-Тике стали занимать персонажи, в жилах которых ильсильварской крови текло больше, чем энтикейской.

Но не все были довольны таким положением дел. Незадолго до того, как Хальстальфар стали покидать рыцарско-магические Ордена, позже названные Изгнанными, униженные и лишённые многих своих привилегий кланы вступили в заговор с Катольдом, одним из дальних родственников тогдашнего короля Эн-Тике, пообещав ему свою поддержку в обмен на возвращение вольностей. Король был предательски убит, как и его самые верные слуги, прочие же покорились, а внучка короля была взята Катольдом в жены. Укрепив свою власть, новый король предал казни своих бывших союзников — как самих предводителей кланов, так и их семьи,

чем спровоцировал очередной бунт, вскоре, впрочем, подавленный.

Именно в этот год два Хальстальфарских Ордена высадились в Минзале и Курбейке. Ильсильвар переживал не самые лучшие времена, многие его регионы были разорены из-за неурожая и борьбы за власть, которую вели между собой три претендента на трон. Ордена обладали огромной магической властью и были уверены в том, чтобы быстро покорят эту страну. Один из претендентов присоединился к ним, другой, выжидая, затаился на юге, третий, принц Лекхан, стал объединять под своими знаменами всех, не желавших покоряться захватчикам. Ордена наступали, а союзники Лекхана терпели одно поражение за другим. Хотя армия ильсильварского принца и превосходила армии обоих Орден, и, вдобавок, Ордена действовали порознь — Орден Семириады на северо-востоке государства, Орден Золотого Огня в центральной и юго-восточных его частях — однако, положение Лекхана представлялось многим безнадежным, ибо рыцари Орден превосходили защитников Ильсильвара как воинской, так и магической подготовкой. Заморские колдуны вызывали огненные дожди и насылали теневые бури, создавали иллюзии и превращали дисциплинированных солдат в неуправляемые, обезумевшие от страха орды.

Лекхан проиграл три сражения, но сумел сохранить часть армии и готовился дать под Дангилатой решающий бой. Именно тогда в его дворец пришли двое — мужчина с осанкой воина, но не имевший при себе ни доспехов, ни какого-либо оружия, и женщина, которую этот мужчина почтительно называл «госпожой настоятельницей». Стража не приняла их всерьез и не пожелала пропускать к королю, и тогда мужчина голыми руками покалечил несколько десятков вооруженных людей. Обеспокоенные шумом, рыцари из свиты Лекхана пытались задержать пришедших, но преуспели не больше стражников. Придворные маги использовали против пришедших свои самые сильные заклятья, но женщина легко обратила эти заклятья против самих чародеев. Неизвестно, о чем они говорили с королем и какую цену назначили за свою помощь, но известно, что некий договор был заключен и далее пара разделилась: мужчина по имени Хазор, забрав половину армии принца, отправился к наступавшему с востока Ордену Семирамиды, женщина же, носившая имя Кертайн, выступила вместе с Лекханом на юг, но вскоре покинула лагерь, наказав принцу продолжать движение навстречу Ордену Золотого Огня.

Прошла неделя, и под Обийтом состоялось первое из двух сражений, определивших дальнейшую судьбу Ильсильвара. Адепты Семирамиды полагали, что одержат верх без особых усилий, но все изменилось, когда,

предваряя сражение, Хазор превратился в клинок из сияющей голубой стали и устремился к захватчикам. Магия, в которой Орден Семирамиды был искусен более, чем любой другой из Орден, оказалась бессильна повредить этому живому мечу, он же выкашивал рыцарей и руководителей Ордена с легкостью, и никакие доспехи не могли устоять перед его натиском. Когда в лагере Семирамиды начался хаос, по нему ударили войска принца Лекхана. Магистр и пятеро из семи кардиналов Семирамиды погибли, Орден был полностью разгромлен и лишь малой части прибывших в Ильсильвар удалось спастись бегством. Позже они покинули страну на одном из своих кораблей. Два кардинала выжили лишь потому, что не участвовали в бою, находясь в тот день вдали от основного лагеря: занимались упрочнением положения Ордена на захваченных территориях. Узнав о поражении, они немедленно бежали и позже сумели восстановить Орден Семирамиды.

Вскороности состоялась еще одна битва, на юго-востоке, и была она даже более поразительной, чем разгром Семирамиды на севере. Магистр Золотого Огня обвинил часть кардиналов в измене и приказал другим атаковать их. Начался магический бой, во время которого погибла не только большая часть «верных» Магистру и все «изменники», но также множество рядовых членов Ордена. Когда бой был закончен, Магистр добил оставшихся «верных» и принял облик настоятельницы Кертайн. Видевшие это превращение говорили, что столь совершенной и искусной была игра Кертайн, что будто бы сам Князь Лжи в ее облике проник в расположение Ордена Золотого Огня и, избавившись от настоящего Магистра, нацепил его личину и развалил Орден изнутри. Второй армии Лекхана, отправленной на юг и водительствоваемой самим принцем, осталось лишь разбить остатки армии захватчиков и вернуть покоренные ими земли. Поскольку все высшие посвященные этого Ордена погибли, то восстановиться после поражения он уже не смог.

Совершив все это, Хазор и Кертайн исчезли. Поначалу многие гадали, кто они и для чего оказали содействие Ильсильвару в этой войне, но никто не сомневался, что это были двое могущественных бессмертных, ибо смертному человеку не под силу совершить те чудеса, которые показали они. Что до цены спасения, то о ней ходили разные слухи: одни говорили, что эти бессмертные происходили из глубин Ада и Лекхану пришлось заплатить своей душой за их помощь; другие утверждали, что Хазор и Кертайн являлись воплощениями божественных духов, оберегающих Ильсильвар, и потому ничего не потребовали от принца; третьи полагали, что последовавшие изменения в религиозной политике Ильсильвара,

каким-то образом увязаны со всеми этими событиями. Лекхан, ставший королем, изгнал из страны гешских священников, ограничил власть собственного духовенства, изъял в государственную казну многие земли и строения, ранее принадлежавшие монахам, открыл бесплатные школы и университеты и повелел учить, что знание, обыденное и колдовское, обретается человеком самим, не являясь милостью или сверхъестественным даром, вкладываемым Князьями Света и их ангелами в умы людей; что вся вселенная заключена в человеческой душе и что боги живут за счет человеческой веры и порождены ею, а если вера иссякнет — боги ослабнут и сгинут; что сами Светила, время и бытие берут свой исток в человеке.

За все эти воззрения в Геше объявили Лекхана еретиком и прокляли как его, так и подвластную ему страну. Реформы короля и проклятие настроили против него многих: он не процарствовал и семи лет, как был отравлен, а занявший его престол кузен был вынужден вернуть священству некоторые его права и привилегии — дабы проклятье, наконец, было снято. Переговоры еще шли, когда Хальстальфар покинула последняя группа изгнанников — Орден Лилии и Орден Крылатых Теней заключили военный союз. Смута и разброд в Ильсильваре, гешское проклятье и честолюбивое желание добиться успеха там, где потерпели неудачу два других Ордена побудили Лилию и Тень предпринять новую попытку захватить эту страну. Однако, Орден Лилии не сумел даже высадиться на берег. Когда хальстальфарская флотилия подошла к Ильсильвару, к флагману приблизился ялик, которым управлял старик. Без каких-либо предупреждений он принял облик меча, убил всех на флагмане, пробил борта нескольких кораблей и лишь после этого убрался восвояси. Орден Лилии избрал нового Магистра взамен убитого и, кое-как починив корабли на одном из ближайших островов, направился на север. Некоторые говорили, что этот страшный старик — постаревший Хазор, другие указывали на то, что видевшие Хазора описывали иной рост и иные черты лица.

Крылатые Тени высадились южнее и повторили судьбу Ордена Золотого Огня. Поначалу все шло успешно, однако перед решающим сражением Магистр был убит, а между кардиналами началась колдовская дуэль. Войска Ильсильвара, куда как более слабые, воспользовались моментом и разгромили захватчиков. К счастью для Теней, более половины их Ордена уцелело — в Хальстальфаре они собрали значительное войско и за один раз перевезти всех через море было просто невозможно. Корабли ушли обратно в Хальстальфар, а следом за ними

прибыла весть о поражении Теней и Лилии.

Теперь следует вернуться назад и рассказать, что произошло с единственным уцелевшим Орденом из тех двух, что первыми пытались высадиться в Ильсильваре. Погрузившись на корабль, адепты Семирамиды двигались вдоль береговой линии на север, ибо гордость не позволяла им вернуться в Хальстальфар. Так они добрались до Эн-Тике и предложили свои услуги королю Катольду, положение которого после расправы с лидерами кланов и их семьями было очень непрочным. Катольд позволил Ордену поселиться на острове, обязав Семирамиду оказывать военную помощь королевству. Позже рыцари Золотого Огня также добрались до Эн-Тике и здесь влились в ряды Семирамиды, способствуя укреплению и восстановлению этого Ордена. Спустя несколько лет, когда в Ильсильваре еще правил Лекхан и положение его казалось прочным, Хальстальфар покинули Орден Полумесяца, возглавляемый бессмертным Элгаром Атфитритом и Орден Свинцовой Горы, возглавляемый Тарго Къельдефом. Они не пытались завоевать себе землю в Ильсильваре или где-либо еще, но прямо отправились на Эн-Тике и там присягнули Катольду. Потерпевшие неудачу Лилия и Тень вскоре присоединились к ним. Итого, менее чем за десять лет Хальстальфар покинули шесть магических Орденов, один был уничтожен, а три из пяти оставшихся лелеяли мечту когда-нибудь вернуться в Ильсильвар и предать эту страну огню и мечу, мстя за унижительное и бесчестное поражение.

Катольд отдал Орденам восточную часть Эн-Тике, где они возвели Асфелосту — большой укрепленный замок с пятью высокими башнями по бокам, каждая из которых принадлежала одному Ордену и низкой и широкой башней в центре, где находились зал совета и общая трапезная. Владения Семирамиды лежали к северу от Асфелосты, владения Горы — к западу, владения Полумесяца — к востоку, владения Лилии — к юго-западу, владения Крылатых Теней — к юго-востоку.

Спустя тридцать семь лет, в год, когда на небе появилась зловещая комета в виде змеи, предвещавшая скорые несчастья, эпидемии и предательства, Ордена уже давно и прочно обосновались на острове. В целом, они вели мирную жизнь, восстанавливали свою численность, укрепляли положение и оттачивали магическое искусство. Чтобы не разучиться воевать они приняли участие в нескольких военных кампаниях на Вельдмарском архипелаге и даже помогли наследнику Катольда захватить соседний с Эн-Тике Гоураш. Было несколько морских сражений с Ильсильваром, в которых Ордена одержали верх, и это вновь убедило их в том, что без помощи бессмертных Ильсильвар никогда бы не смог

оказать им достойное сопротивление. Ордена предпринимали экспедиции даже на север, к диким островам, населенным троллями, драконами и иными чудовищами. Ученые Ордена Семирамиды искали средства подчинить своей воле драконов, но за все годы необходимых для этого заклинаний они так и не сумели сыскать.

В одну из прохладных сентябрьских ночей Кельмар Айо, командор Ордена Лилии, в сопровождении двух оруженосцев, обходил юго-западные стены и башни Асфелосты — сначала внутренние, затем внешние, спускался в каменные дворы, бегло оглядывал просторные галереи и навесы. Каждый из Орденцев охранял свой участок крепости, и стражей на юго-западном участке командовал Кельмар. В последнюю неделю, в связи с безумной атакой Брашского герцога на порт Терано, караулы были удвоены, а крепость переведена на военное положение, и нарушения устава, на которые прежде могли бы закрыть глаза, стали чреваты карцером или работами на кухне. Тезак Ротдельф, сдавший смену Кельмару, отправил двоих на кухню за то, что улеглись у стены и чесали языками вместо того, чтобы поглядывать по сторонам; а сам Кельмар в предыдущее дежурство осчастливил недель карцера рыцаря и двух мистериалов, вздумавших протащить в караулку выпивку.

Обход Кельмара завершился на барбакане, защищавшем ворота. Трое солдат, сидевших у жаровни с огнем, поспешно вскочили и приветствовали командира, отвечавший за пост рыцарь и пожилой мистериал, стоявший у самых зубцов, молча отсалютовали Кельмару. Кельмар перебросился несколькими словами с рыцарем и его подчиненными, а затем подошел к зубцам. Находившегося там мистериала, Хейна Цирнана, он хорошо знал. Хейну было уже за тридцать пять, когда Кельмар, четырнадцатилетний мальчишка из Барсучьего клана, был принят в Орден Лилии и стал оруженосцем при рыцаре Кае Дифдельте, хорошо помнившим исход из Барт-Кенда и сокрушительный разгром в Ильсильваре. Прошло двадцать лет, за это время Кельмар был посвящен в рыцари Ордена, затем стал командором, и многие полагали, что если он не совершит за следующие десять лет никаких серьезных промахов, то сможет подняться еще выше, пройдет высшее посвящение и станет одним из кардиналов Ордена Лилии. Хейн же так и остался мистериалом — не обладавший, в отличие от Кельмара, колдовским Даром, он мог бы рассчитывать на продвижение по карьерной лестнице лишь в случае большой удачи, исключительных способностей или наличия связей в

руководстве Ордена, но за все время службы удача Хейну так и не улыбнулась, исключительных способностей он не имел, как и высоких покровителей. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Хейн был как-то особенно недоволен своей судьбой: простолюдин по происхождению, находясь вне Ордена, он бы имел намного меньше, чем пребывая в нем. Хейн привык к своему месту и довольствовался им, не претендуя на большее и не забывая своих обязанностей — и был одним из тех, к кому Кельмар относился с уважением, не смотря на различие в ранге. Кельмар стал командором, но не забыл, как Хейн во внутреннем дворе крепости тренировал его и других подростков, уча их пользоваться оружием и сражаться в строю.

Кельмар пожал руку пожилому министерялу и облокотился на каменный зубец, оглядывая окрестности.

— Ну что, все тихо? — Спросил он для проформы и, не дожидаясь ответа, задал вопрос не по службе:

— Уже вернулся? Что там с твоим внуком?

Кельмар знал, что пожилой министерял пару дней назад брал увольнительную для того, чтобы съездить к семье. Отпускать его, в связи с военным положением, не хотели, как и любого другого солдата, но все же он сумел переубедить своего командира. Причина была весомой: самый старший из его внуков оказался при смерти, и министерял боялся уже не увидеть его живым.

Хейн поморщился, услышав вопрос.

— Полез на спор на дерево — кто быстрее, значит — ну и упал с него. Расшибся страшно, думали помрет. Поначалу хотели в крепость его везти...

— Хейн помолчал, покачав головой. По негласному обычаю, не только рыцари Асфелосты, но и члены их семей имели право рассчитывать на медицинскую и колдовскую помощь со стороны чародеев Пяти Орден — пусть и не всегда, а лишь в самых исключительных случаях. — Но... не довели бы мы его.

Он опять помолчал и Кельмар не стал торопить министеряла, предоставляя Хейну возможность говорить так, как тому было удобно.

— Ведьма хорошая, — наконец сказал Хейн. — Из этих... из Трясогузок.

Он краем глаза посмотрел на командира, не зная, как тот воспримет упоминание клана, с которым у Барсуков была старая кровавая вражда.

— Да, — сказал Кельмар, чуть улыбнувшись. — Ведьмы у них... сильные.

Перед его глазами промелькнула мимолетная картина, свидетелем которой он был почти тридцать лет тому назад: исходящий дымом, орущий

от боли Барсук, кожа которого по всему телу свертывалась и отмирала, обнажая кровавое мясо. Мать выгнала мальчика на улицу, запретив смотреть на умирающего мужчину, приходившегося ей братом, но еще много ночей после того, как крики проклятого утихли, Кельмар боялся заснуть, ибо во сне к нему приходил дымящийся человек без кожи, оставляя за собой кровавые пятна следов.

Кельмар отогнал воспоминание. Все это уже давно не имело для него никакого значения. Когда он пришел в Орден, о всех старых клятвах и вражде между родами следовало забыть, и он старался следовать этому принципу даже тогда, когда под его началом оказывался кто-нибудь из Трясогузок или Волков.

— Ага, сильные, — подтвердил Хейн. — Эта поворожила над Маэком чего-то, водой побрызгала, дыма напустила — так он сразу и на поправку пошел. Уж на следующий день глаза открыл и говорить стал — правда, пока тихо совсем, с трудом. Ну, думаю, если так и дальше пойдет, нечего мне тут рассиживаться. Потому и вернулся на день раньше.

— Что ж, бывает и от Трясогузок польза... — Признал Кельмар. — Откуда только взялась она там у вас?

— Да вот, прибилась. То ли прогнали ее, то ли сама ушла от своих. Блажная она немного. Не в себе то есть. Болтает всякое.

— Да? Интересно. Что же она болтает?

Хейн Цирнан пожал плечами.

— Всякое, что в голову ей только взбредет, то и говорит. Говорит, мол, скачет на змеиной комете Мать Демонов, но мать эта — уже не мать, а мужчина.

Кельмар рассмеялся, услышав ответ.

— Как это понимать?

— Да никак, — ответил Хейн. — Говорю же, блажная она, с головой не дружит. Но дело свое знает, а это самое главное.

Кельмар хмыкнул и спросил о другом:

— Что у вас говорят о Терано?

— Перепуганы все. Как узнали про флот Брашского герцога — стали собирать барахло и закапывать, что поценней, в огородах. А потом, как второе известие пришло, напугались еще больше. Откуда только взялись эти твари?.. Недоброе что-то пришло в Терано, пусть даже город и цел остался.

Командор Лилии задумчиво кивнул, соглашаясь. Халдор, герцог Браша, обложил Терано с моря и с суши. По неизвестным причинам он медлил до наступления сумерек, а когда решил нанести удар, небо и землю объяла

тьма. Из тьмы вышли исчадия ада — кошмарные, многочисленные, невообразимо алчные и уродливые — и немедленно набросились на ильсильварцев, за считанные минуты уничтожив как их армию, так и их корабли. Самое поразительное состояло в том, что Терано и окресные деревни чудовища не тронули, а после разгрома исчезли во тьме также внезапно, как и появились. Взошедшее утром солнце осветило горы трупов на полях вокруг города, и обломки кораблей на море.

Военное положение, введенное при первых известиях о появлении брашского флота, не снимали по двум причинам: во-первых, атаковать Эн-Тике силами лишь одного герцогства было глупо, а значит где-то могли бороздить волны союзники или наемники Халдора. Во-вторых, сила, защитившая Терано, беспокоила Ордена еще больше, чем нападение южан. Избирательность демонов в выборе целей свидетельствовала о том, что ими кто-то управлял, и этот кто-то не был демоном. Многие полагали, что сил обычного мага на подобное никак не могло хватить, а значит — действовала либо группа демонологов, либо бессмертный, сила которого происходила от Нижних Миров. Но что могло понадобится демонологам или темному бессмертному, здесь, на острове? Этого никто не знал, но на всякий случай Ордена готовились к войне. Высшее руководство Изгнанных собралось в Асфелосте и ожидало дальнейшего развития событий. Шпионы Крылатых Теней были направлены в Терано, но пока никаких определенных известий от них, насколько было известно Кельмару, не приходило. Впрочем, могло быть и так, что Тени уже вынюхали все секреты, но не спешили делиться ими с остальными — заключившие союз Ордена хотя и сотрудничали друг с другом, однако оставались весьма далеки от безоговорочного доверия.

Но было еще кое-что...

— Сегодня или завтра в крепость должен прибыть король, — сообщил Кельмар Айо. — Так что смотрите в оба.

— Энклед? — Удивился Хейн. — Что он тут забыл?

— Не знаю, — командор пожал плечами. — В письме, которое он прислал нам из Терано, об этом не говорится.

— Вот так дела... И как он только успел? Он только-только до порта из своего Кайёля должен был добраться.

— Он был в Терано неделю назад, это совершенно точно. — Ответил Кельмар. — Письмо было вручено гонцу на следующий день после разгрома ильсов. Некоторые полагают, что он был в городе и в ту ночь...

Командор не стал заканчивать мысль, предоставляя ветерану Лилии самому сделать вывод.

— Так что же, это он все устроил? — Удивился Хейн. — Облако тьмы, накрывшее город... демонов?... это он призвал?..

— Вряд ли. Говорят, что колдовской талант Энкледа не слишком велик и хотя нельзя исключать возможность, что в Терано показал свои силы кто-то из его свиты, вероятность этого невелика, потому что столь значимую фигуру в окружении Энкледа мы бы не пропустили... Скорее уж, его величество хочет узнать от нас, какого черта происходит на его острове, магическую безопасность которого мы некогда обязались блюсти.

— Но если он был в Терано в ту ночь — может, сам порадует нас какими-нибудь интересными известиями?

— Это было бы неплохо. — Согласился Кельмар.

Подошли рыцарь Лилии Углар Шейо, отвечавший за караул на барбакане, и Дольн Кайе, оруженосец Кельмара.

— Командор, не знаете, когда выдадут жалование? — Спросил Углар. — Задерживают уже неделю, а у меня свадьба...

— Не знаю, — ответил Кельмар. — Свадьба подождет.

Углар — красивый, подвижный и общительный — происходил из Соболиного клана. Он был склонен к фамильярности и не слишком дисциплинирован, а женских сердец им было разбито без счета. Кончились его похождения тем, что отец очередной охмуренной крестьяночки пожаловался в Асфелосту на «насилие», учиненное над его дочерью, предъявляя в качестве доказательства беременную дочь, и Орден, не желавший скандала, надавил на Углара, заставив его согласиться на брак. В отличие от Ильсильвара, где крестьяне были закрепощены, или от Речного Королевства и Алмазных Княжеств, где простые люди на земле сеньора приравнивались к бесправным рабам, на Эн-Тике положение земледельцев было другим. Земли принадлежали кланам, и хотя различие внутри клана между бедняками и знатью было огромным — но о том, что даже последний из клана является членом большой и влиятельной семьи Барсуков, Медведей или Соболей, не забывали. Личное оружие тут было запретно лишь рабам, которых завозили из других земель в весьма небольшом числе; простые же земледельцы Эн-Тике оружие имели, умели им пользоваться и по доброй воле шли за своими предводителями, когда те затевали очередной пиратский набег на земли Ильсильвара, Хальстальфара, Эдшарских островов или Вельдмарского архипелага.

Друзья полагали, что Углар воспротивится давлению Ордена, не желая прощаться с веселыми деньками, но тот не стал упираться, полагая, видимо, что вынужденный брак не станет большим препятствием к пирушкам и любовным похождениям в других поселениях, ибо отследить

все перемещения рыцаря Асфелосты семья жены вряд ли окажется способна.

— Ага, подождет, — рассмеялся Углар. — Папаша ее грозился мне все что можно отрезать, если опять свадьбу отложим. На сносях она, свадьбу сыграть хотим до того, как родит.

— Ты это Халдору скажи, — откликнулся Хейн. — Что, мол, ошибся он с атакой, неудачное время выбрал. Не учел, что у тебя скоро свадьба.

Засмеялись все, даже командор улыбнулся.

— А разве удачное? — Хмыкнул Углар. — То-то его размазали враз.

— Знать бы еще, кто размазал, — подал голос Дольн, которого должны были посвятить в рыцари Ордена через два или три месяца. — И как бы потом этот «кто-то» к нам бы не пришел.

— А я вот думаю, это-то как раз было бы неплохо, — отмахнулся Углар. — Повеселимся хоть.

— Я уж точно повеселюсь, — усмехнулся Кельмар. — Когда из тебя демоны омет сделают.

Углар принял расстроенный вид.

— Эх... не любят тут Соболей...

— Что это? — Вдруг воскликнул Хейн, вглядываясь в темный мир за пределами крепости, и его взволнованный тон остудил веселье.

Кельмар повернул голову и несколько секунд смотрел в темноту. Обычная ночь...

— Где?

— Там, — Хейн вытянул руку, показывая на холмы вдалеке. — Что-то мелькнуло...

— Уверен? — Спросил Углар, рисуя в воздухе Знак Лилии. Там, где он проводил пальцем, оставалась светящаяся линия.

— Да... Вот опять!

Теперь заметили все. Четыре рыжие точки там, где проходил открытый участок дороги, петлявшей между высоких холмов. Кельмар последовал примеру рыцаря и быстрым, привычным движением сотворил зримый образ Ключа. Сотканая из света Лилия повисла перед ним, источая вокруг себя крошечные сияющие огоньки, насыщая пространство силой и волшебством. Кельмар воспользовался аспектом Ключа, усиливающим чувства, вдохнул аромат призрачного цветка — и ощутил тысячи запахов, услышал шаги и разговоры солдат на всей юго-западной стене, увидел, как светлеет ночь. Когда он вгляделся вдаль, мир как будто сместился и далекое стало близким. Четыре рыжие точки превратились в четыре факела, что несли скачущие к Асфелосте всадники. Один из всадников нес

знамя, и хотя Кельмар не мог еще рассмотреть рисунка, само наличие знамени свидетельствовало о том, что сюда направляется не простой гость. Прошло немного времени, всадники приблизились, ветер развернул знамя так, что свет факела упал на него, и Кельмар увидел ладью с мечами вместо весел...

— Королевское знамя, — констатировал Углар. — Посланник?

— Или его величество. — Ответил Кельмар. Рассеял Лилию и обернулся к министрам и оруженосцам:

— Дольн, найди сенешаля или кого-нибудь из его помощников и узнай, готовы ли апартаменты, предназначенные для короля.

Дольн убежал, а Кельмар указал на одного из солдат.

— Ты. Как твое имя?

— Фагас Зейан, господин командор.

— Беги в конюшню и растолкай конюхов, а потом на кухню, и посмотри, есть ли там кто-нибудь из поваров. Возможно, наши гости захотят поесть или выпить.

Когда Фагас последовал за Дольном, Кельмар обернулся к рыцарю.

— Продолжайте наблюдать, если что-нибудь еще заметите — немедленно сообщайте. Я буду внизу.

В сопровождении второго оруженосца командор спустился вниз. Внутренние ворота были открыты, Кельмар пересек каменный коридор внутри барбакана и добрался до караула у внешних ворот. Потрескивали вложенные в скобы факелы, один из караульных сидел у стены и дремал, но был разбужен пинком второго, заметившего командора, и вскочил на ноги, как ужаленный.

— Опускайте мост, — приказал Кельмар.

Министры бросились к подъемнику.

— А ворота? — Спросил один из них, крутя ворот.

— Не надо. Сначала пусть назовутся.

Мост был уже опущен, как внизу появился Хейн.

— Господин командор, Углар разглядел всадников. Это не посланник, а сам король.

Кельмар кивнул, разрешая ветерану вернуться наверх.

— Открывать? — Снова спросил тот же караульный, кивая на ворота. Кельмар посмотрел на него с раздражением.

— Плохо слышишь? Я же сказал: сначала пусть назовутся. Мы уже и так избавили их от необходимости орать с той стороны рва.

Потянулись минуты ожидания. Прибежали караульные с двух других постов на стенах, дабы сообщить о приближающихся всадниках. Кельмар

отправил их обратно, отчитав за нерасторопность. Затем вернулся Дольн.

— Комнаты готовы, господин Кельмар. Сейчас греют воду.

— Почему ты так долго?

— Спали все. Пока разбудил...

Спустя еще несколько минут Кельмар услышал топот копыт по опущенному мосту. Рвавшийся открыть ворота караульный отодвинул доску, закрывавшую смотровое окошко и прокричал:

— Кто вы такие?

— Энклед Первый, хозяин моря и земли, король Эн-Тике и островов. — Прозвучал ответ.

— Теперь открывайте, — приказал караульным Кельмар и двинулся обратно во двор. Встречать короля в каменном коридоре барбакана, путаясь под копытами его лошади, командору не хотелось.

Он услышал лязг засова и скрип петель за своей спиной. Отошел в сторону, пропуская всадников. Их лица Кельмар не успел рассмотреть, но по богатству одежды и конской упряжи король узнавался сразу. Когда всадники миновали барбакан, Кельмар поклонился, и его примеру последовали все слуги, оруженосцы и министерялы, находившиеся во дворе.

— Вижу, мое сообщение достигло вас, — сказал невысокий рыжеволосый мужчина с жиденькой бородкой и невыразительными чертами лица, ловко спрыгивая с лошади. — Надеюсь, все Магистры здесь?

— Да, ваше величество, — ответил Кельмар. — Мы получили послание и главы всех Орденов собрались, как вы и хотели. Комнаты для вас и ваших людей приготовлены, о лошадях позаботятся. Прошу следовать за мной.

Глава вторая

В полдень, в зале совета, расположенном в центральной башне Асфелосты, собрались все участники встречи.

Зал представлял собой высокое помещение с полом и стенами из серого мрамора. Многочисленные зеркала заставляли казаться и без того не маленький зал еще большим, чем он был. У стен располагались столики, за которыми обычно сидели кардиналы Орден — сегодня их, однако, не позвали. В центре находился длинный стол. Некоторые полагали, что Элгар Атфитрит, традиционно занимавший место председателя, уступит его королю, но этого не произошло — Энкледа, со всем уважением, попросили занять место напротив.

Прежде чем начать говорить, Энклед бегло оглядел присутствующих.

...Тарго Къельдеф, Магистр Свинцовой Горы, высокий и грузный, едва умещается в кресле, которое угрожающе скрипит под тяжестью его тела. Когда-то о силе этого человека ходили легенды, но и теперь, не смотря на то, что от долгой спокойной жизни его мышцы заплыли жиром, он кажется старым, но все еще опасным огром. Выцветшие каштановые волосы, обильно присыпанные проседью, серовато-голубые глаза, мощные челюсти, утопающие в многочисленных подбородках, и руки, толщиной превосходящие ляжки худощавого короля. Тарго, оправдывая название своего Ордена, сам кажется горой — громадной, старой и непоколебимой. На Тарго одежда серого, зеленого и бурого цветов. Плаща нет, а пышный, но поизносившийся камзол грозит лопнуть, если его обладатель сделает слишком резкое движение.

Справа от Тарго сидит Тидольф Алкертур, Магистр Ордена Лилии, воплощающий в себе все внешние черты, традиционно приписываемые хальстальфарцам — соломенные волосы, голубые глаза, высокий рост, стройное телосложение. Если Тарго кажется олицетворением дикой первобытной мощи, то Тидольф — идеальный рыцарь. Он так привык к доспехам, что даже на эту встречу явился в парадной броне, отполированной до блеска.

Место напротив Тидольфа занимает изящный Лейнар Гельхаен, Магистр Ордена Семирамиды — темноволосый эйнаварец, тонкий в кости, роскошно одетый. Длинные пальцы украшены перстнями, одежда — драгоценными камнями. Не воин, а заклинатель и интриган.

Справа от Лейнара и слева от короля сидит глава Ордена, прибывшего на остров последним — Огинеиз Хабул Китод, отпрыск семьи, ведущей свое происхождение из Алмазных Княжеств. Смуглая кожа, черные волосы и глаза. Огинеиз одет в простую удобную одежду темно-серых цветов, его лицо ничего не выражает. Кажется, что если он отойдет от стола, то тут же, как и положено Крылатой Тени, растворится в полумраке в дальней части зала, куда не проникает падающий из окон свет. Энклед нисколько не сомневается, что в широких рукавах его одежды припрятаны метательные ножи, длинные иглы или, может быть, даже небольшие механические арбалеты.

Последний из Магистров, на которого обращает взгляд Энклед — и первый по значимости среди них — наименее колоритен. Элгар Атфитрит, Магистр Ордена Полумесяца, облачен в длинную золотисто-серую мантию. Он не кажется ни изящным, ни громоздким, ни рыцарственным, ни чрезмерно таинственным. Грубоватое лицо, не вполне здоровая кожа, серые глаза, волосы с проседью — лицо и фигура обыкновенного крепкого мужчины пятидесяти лет. И тем не менее, его превосходство во всем ощущается сразу. Скрытая в нем сила угадывается во взгляде, в осанке, в пластике скупых движений.

«Согласится Элгар — согласятся и все остальные...» — Встречая взгляд Элгара, думает король. Однако, его томит предчувствие, что одними словами сегодня обойтись не удастся...

— Господа Магистры, рад видеть всех вас в добром здравии, — произнес Энклед. — Сорок шесть лет тому назад первый из Орденов прибыл сюда после сокрушительного разгрома в Ильсильваре. — Взгляд в сторону Лейнара Гельхаена. — Спустя несколько лет к нему присоединились Полумесяц и Свинцовая Гора, а затем Лилия и Крылатая Тень. — Упомянув каждый из Орденов, Энклед переводил взгляд на соответствующего Магистра. — Все вы дали клятву верности моему деду, подтвердили ее моему дяде, затем моим родителям, и, наконец, мне. Сегодня я хочу призвать вас к исполнению этой клятвы. Я знаю, что хотя сердца ваши и горели жаждой мести, до сих пор вам не доставало решимости осуществить ее. Но час пришел. Я собираюсь завоевать Ильсильвар и хочу, чтобы вы приняли участие в этом походе.

«Молодой идиот», — раздраженно подумал Элгар Атфитрит. — «И что не сидится этому сопляку в своем замке? Захотелось славы? Молокосос... Но добро бы, сдохни он в Ильсильваре один. Нет же, он тащит с собой и нас!.. И почему только короны достаются таким дурням?! Он готов пустить по ветру все, что так долго создавали здесь и мы, и его предки...»

— Что скажете, господа Магистры? — Произнес Энклед, прерывая затянувшееся молчание. — Я понимаю, что мое сообщение стало для вас неожиданностью, но подобные замыслы нельзя доверять бумаге, и именно поэтому я желал встретиться с вами лично.

— Замысел дерзкий, — хмыкнул Тарго Къельдеф. — Но неосуществимый.

— Простите, государь, но это безумие, — произнес Тидольф Алкертур. — Вы не представляете, какие силы будут выпущены на волю, если мы вновь ступим на землю Ильсильвара.

— Каков ваш план, государь? — Спросил Лейнар Гельхаен. — На что вы рассчитываете?

Огинеиз Хабул Китод промолчал, Элгар Атфитрит холодно заметил:

— Я согласен с сиром Тидольфом. Это безумие. Вы не имеете представления, с чем столкнетесь в том случае, если в завоевании Ильсильвара вам будет сопутствовать успех.

— Вот как? — Король поднял бровь. — Что же именно я не представляю? Развейте мое неведение. Расскажите мне о Школе Железного Листа что-нибудь такое, чего я еще не знаю.

Магистры переглянулись.

— Позвольте спросить, государь, а что вы вообще знаете о ней? — Поинтересовался Элгар Атфитрит.

— Знаю, что там полно бессмертных третьего поколения — мечей, корон и масок. Знаю, что Школа считает своим долгом вмешиваться в дела государства в том случае, когда Ильсильвар сталкивается с угрозой внешнего завоевания. Знаю, что многочисленные ереси, которые постоянно терзали Ильсильвар и особенно расцвели при короле Лекхаме, питаются духом Школы, укрытой в этой стране. Знаю, что один из мечей-оборотней разгромил ваш Орден, сир Лейнар, а другой — ваш Орден, сир Тидольф. Знаю, что бессмертные маски, принявшие облик высших членов Ордена Крылатых Теней, едва не уничтожили его — так же, как ранее уничтожили Орден Золотого Огня.

— Не стану спрашивать, откуда вам все это известно, — произнес Элгар. — Хотя ваша осведомленность удивляет. Но еще более удивляет другое: почему, зная все это, вы собираетесь атаковать Ильсильвар и, вдобавок, зовете нас в поход, который не может кончиться ничем другим, кроме как еще одним бесславным поражением?

— О, вы так уверены в поражении... — Улыбнулся Энклед.

— Скажите нам, на что вы рассчитываете, — произнес Тидольф.

Выдерживая паузу и продолжая улыбаться, Энклед вновь оглядел всех

присутствующих.

— Один из моих предков, — сказал он наконец. — Майдкан, прозванный Искуссным, правил Эн-Тике задолго до вашего появления. Королем он пробыл недолго, как государственный деятель не успел совершить ничего выдающегося, и оттого о нем мало кто помнит даже на острове, и совсем никто — за его пределами. Между тем, это была выдающаяся личность — хотя его таланты не имели никакого отношения к государственному управлению или военному делу. Он был магом, и возможно, даже бессмертным. В хрониках говорится, что, процарствовав недолго, он уступил место другому королю, а сам удалился в один из отдаленных замков, где умер — но, полагаю, что его смерть, если она вообще была, или исчезновение, что более вероятно, никак не связаны с делами мира людей. Я уверен, что настоящие причины были скрыты от его современников, и остаются скрытыми от нас. Однако, рассказать я хотел не об этом. Интереснее другое — не так давно мы обнаружили в Кайёле секретные апартаменты, где Майдкан проводил свои опыты незадолго до того, как покинул королевский замок — а быть может, возвращался туда и после своей мнимой смерти. Из записей Майдкана я узнал, что он неоднократно предпринимал путешествия в Верхние и Нижние Миры — не одним только духом, но забирая с собой в странствия также и тело. Во время одного из таких путешествий он наткнулся на темницу высшего демона, одного из приближенных Темной Княгини, известной нам как Отравительница и Мать Демонов. Демона звали Гхадабайн, и запечатан он был в той темнице в ходе Войны Остывших Светил силами Князей Света. Майдкан сумел извлечь из его цепей одно звено и сделал из звена браслет, с помощью которого получил власть вызывать этого демона и заставлять его служить себе. Браслет находился в той же потайной комнате, и я забрал его, — Энклед поднял правую руку, демонстрируя украшение на запястье в виде трижды обвившейся вокруг руки змеи из темного серебра с изумрудами вместо глаз. — Я испытал силу этого демона и свою власть над ним и с тех пор мысль о том, как правильно использовать те возможности, что дало мне магическое наследство Майдкана, неотступно преследовала меня. Совсем недавно представился случай испытать эту силу еще раз. Я говорю о наглой атаке, устроенной Брашским герцогом Халдором. Как только пришло известие о флоте, приближающемся к Терано, демон перенес меня из Кайёля в порт и там я приказал ему уничтожить ильсов. Результат вам, я полагаю, известен. Увиденное поразило меня. Свой замысел по завоеванию Ильсильвара я больше не хочу откладывать... тем более, что эта атака Халдора — как, впрочем, и

иные недружественные шаги ильсов, совершенные ранее — развязывают мне руки, избавляя от соблюдения любых договоренностей, заключенных с Ильсильваром ранее. Вот о чем я желал сообщить вам, досточтимые Магистры. И теперь, я надеюсь, ваше мнение относительно безуспешности любых атак на это королевство переменялось.

— Нисколько, — произнес Элгар Атфитрит прежде, чем кто-либо из остальных успел вымолвить и слово. — Власть имеет свою цену. Ваш колдовской Дар не слишком велик, государь, и вы не можете быть уверены в том, что вполне контролируете этого демона. Простите, но вам следовало известить нас об этой находке, позволить изучить браслет и дневники Майджана прежде, чем безрассудно надевать эту вещицу.

— Согласен! — Сказал Лейнар. — Очень бы хотелось на них взглянуть. Энклед рассмеялся.

— Поразительно! Мало того, что вы смеете указывать — мне, своему королю! — что мне следует делать, вы еще и полагаете меня глупцом, не способным разобраться управляет ли он тем, чем владеет!

— Вы сами хотели, чтобы эта встреча прошла без лишних свидетелей, — ответил Элгар. — Поэтому позвольте говорить откровенно.

Ирония в голосе Магистра ясно показывала, что говорить откровенно он будет в любом случае, позволят ему это или нет.

— Конечно, — Энклед отмахнулся так, как будто бы речь шла о чем-то пустячном.

— Связь с силами, превышающими наши, всегда может иметь последствия, которые мы не способны предугадать. Вам может казаться, что вы управляете ситуацией, но на деле это может обернуться иллюзией и сила, на которую вы привыкли полагаться, в решающий момент покинет вас или предаст. Разве мало было подобных случаев, когда люди заключали соглашения с обитателями Преисподней? Демоны обманывали и много более могущественных властителей, чем вы, государь.

— Мы можем сгореть в этом зале заживо, — пожал плечами король. — И в доказательство я могу сослаться на тысячи случаев, когда люди сгорали в своих домах. Однако, мы все еще сидим тут и мирно беседуем, а не выбегаем с воплями о пожаре? Почему так? Может быть, потому, что глупо кричать «пожар!» до того, как появится пламя или потянет дымом?

Огинеиз Хабул Китод едва заметно усмехнулся. Аналогия, приведенная королем, ему понравилась.

— От истории с могущественным демоном, вынужденным подчиняться тому, кто испортил удерживающую его цепь, тянет дымом более чем явно, — возразил Тидоль Алкертур. — Пусть это существо и служит вам...

пока... но очевидно, что оно желает большего. И при удобном случае постарается изменить положение вещей. Ударит вам в спину.

— Как и некоторые из моих подданных, — спокойно ответил король. — Подчиняются, но ждут своего шанса. Я к этому привык и не вижу в этом ничего удивительного.

— Положим, все так, — высокий, мелодичный, похожий на мурлыканье, голос Лейнара скорее бы подошел придворной даме, нежели мужчине. — Но под вашей властью лишь один демон. В то время как Школу оберегает множество бессмертных.

— Бессмертные не равны между собой, как и смертные, — ответил король. — Если вас, сир Лейнар, выставить против десяти обычных солдат, кто победит? А ведь они превосходят вас числом.

— Вы полагаете, что ваш демон настолько силен? — Прищурился Элгар.

— Я полагаю, что будет лучше, если вы сами испытаете его силу и меру моей власти над ним, — Энклед широко улыбнулся, вставая. — Господа, прошу вас. — Он сделал движение рукой, приглашая Магистров покинуть свои места. — Приготовьтесь.

Магистры встали один за другим — напряженные, настороженные. Тидольф положил руку на рукоять меча, Лейнар наложил защитное заклятье, Огинеиз коснулся темного камня на перстне, Тарго презрительно усмехнулся. Элгар Атфитрит не сделал ничего и никак не выразил своего отношения к происходящему — поднялся на ноги и продолжил внимательно наблюдать за действиям короля.

Энклед отвернулся и сделал вращательное движение рукой с браслетом.

— Гхадабайн! — Требовательно позвал он.

И я пришел.

...раздвигая складки миров...

...потокотеней вдоль линий силы...

...дымом видений и кошмаров...

...молитвенной песней скайферов над телами принесенных в жертву людей...

...скольжу сквозь паутину заклятий, что окутывают Асфелосту — не замечая грубые людские чары и не задерживаясь ими...

...подавляю свою силу и забываю о полноте власти, вливаясь в подготовленную заранее форму...

...собираю тело из частиц темноты и ядовитого пара...

...возникаю в комнате, между Энкледом и незажженным камином, и

смотрю на четырех смертных и одного бессмертного, которых я должен буду впечатлить. Сейчас король им об этом скажет.

Для этой встречи я выбрал облик ангутея — черную фигуру, отдаленно схожую с фигурой человека в длинном плаще. Достаточно зловеще, пусть и банально.

— Плени их, но не убивай, — говорит мне человек с браслетом в виде змеи, указывая на пятерых Магистров. — Бессмертным займись в последнюю очередь. Пусть увидит, что ты можешь и не говорит потом, что это нападение было слишком неожиданным.

Я начинаю действовать еще до того, как он заканчивает говорить: уже после первой фразы Энкледа Огинеиз совершает движение столь быстрое, что его не способен различить человеческий глаз. Шестью потоками дыма я огибаю Энкледа и собираюсь вновь между ним и Магистром Ордена убийц; хищные рты, образующиеся в моем теле, раскрываются и проглатывают две метательные иглы, предназначавшиеся для короля. Орден Крылатых Теней не склонен соблюдать правила честного боя, они всегда ищут уязвимое место и бьют туда, и прорехой в моей броне Огинеиз счел короля-призывателя. Я не удивлен, ведь частица меня, некогда бывшая человеком, успела тесно познакомиться с Крылатыми Тенями во время их бесславного похода на Ильсильвар.

Я даю Огинеизу шанс чем-нибудь удивить нас сегодня и не трогаю его первым. Шагаю к могучему, но медлительному толстяку Тарло, преодолевая десять шагов за один, и вонзаю в его тело дымный жгут, вырастающий из моего правого бока. Тарло содрогается и дико хрипит, раскачиваясь на моем бесплотном щупальце как свиная туша на стальном крюке. Его кожа приобретает зеленоватый оттенок, из пор выступает вонючий пот, глаза закатываются, изо рта дергающегося в конвульсиях тела брызжет слюна.

Я не смотрю на все эти превращения — двигаюсь назад, оставляя Тарло висеть в воздухе, потому что Огинеиз Хабул Китод вновь пытается устранить короля: переходит в форму хайтана, четырехрукого теневого охотника, и движется к королю почти столь же быстро, как я, намереваясь убить, покалечить или, самое меньшее, приставить один из четырех клинков к горлу Энкледа, требуя, чтобы король отозвал меня — но я никак не могу допустить всего этого. Я перехватываю Огинеиза в двух шагах от короля, жгуты дыма блокируют клинки, мы оказываемся предельно близко друг к другу — не существа из плоти и крови, а два хищника из мира теней, и я дышу в лицо Огинеизу, и когда мое дыхание проникает в него, он беззвучно корчится от боли и опускается на пол, вновь обретая

плотский облик. Я двигаюсь к оставшимся трем, а из моей поясницы вырастает новое дымное щупальце, на которое я насаживаю Огинейза и подвешиваю его в воздухе так, как только что проделал это с Тарло.

В этот момент король заканчивает говорить.

Паутина чар, окружающая Лейнара, сгнивает быстрее, чем я добираюсь до Тидольфа Алкертура. Гниющее волшебство становится ядом — силой, которой я в Сальбраве повелеваю абсолютно, ибо сам являюсь ее началом и источником. Отравленные энергии, в которые превратилось защитное заклятье Магистра Семирамиды, вливаются в его Холок, Шэ и Тэннак, обездвиживая их — дымное щупальце из моего плеча пересекает пространство над головой Лейнара, изгибается и идет вниз, входя в его позвоночник на уровне лопаток и выходя из солнечного сплетения. Сплести заклинание Алкертур не успевает, но колдовской клинок, которого он касается, сам накладывает заклятье на своего хозяина, и медлительный человек меняется — энергия, текущая из меча, ускоряет его реакции многократно. Он успевает выхватить меч и сделать выпад. Я блокирую его меч своим клинком, вырастающим из правой руки и ничем не отличимым от той полупризрачной субстанции, из которой состоит мое тело. У Тидольфа отличный меч — та часть моего тела, которая стала клинком, дымится и разлагается, теряет форму и плотность. По движению тела Тидольфа я угадываю его следующее движение — он хочет описать мечом полукруг и ударить меня по левому, незащищенному плечу. Но вывести из блока оружие ему не удастся. Моя расплавленная и дымящаяся плоть растекается по мечу Тидольфа, обволакивает его, полудюжиной тоненьких ручейков поднимается вверх, захватывает рукоять и прожигает перчатку Магистра Лилии, входит в его тело, проникает в мышцы и кровь. Внутри Тидольфа я двигаюсь от локтя к плечу, к груди, распространяюсь по чернеющему телу. Кисть рыцаря разжимается, меч падает на пол, я делаю правую руку дымным щупальцем, основание которого смещаю к лопатке, а взамен отращиваю себе новую руку и оборачиваюсь к Элгару Атфитриту. У бессмертного было достаточно времени для того, чтобы оценить мои возможности и подготовиться.

Он не стесняется в средствах — призывает Плод Иссохшей Молнии, дерево которых принадлежит Лунному Князю Цадиафо. Это магия высшего порядка, основанная на прямом использовании божественных атрибутов, дарованных первыми Детями Светил последующим поколениям бессмертных. Я могу призвать аналогичную силу, чтобы отразить удар, но в этом случае крепости, где мы находимся, придет конец, и пострадает немало людей. Подобный исход не входит в мои планы, и поэтому, когда

Иссохшая Молния покидает Плод, я называю призванную Элгаром силу ее Именами, обретаю над ней власть и завершаю заклятье Именем Пути. Молния, наполненная колоссальной разрушительной мощью, тает в воздухе, уходя в один из пустынных миров по соседству с миром людей. Не давая Элгару выкинуть еще какую-нибудь глупость, я выращиваю дымное щупальце из своего живота, насаживаю на него бессмертного как бабочку на иглу, насыщаю ядом и поднимаю в воздух, присоединяя к четырем другим тушкам, болтающимся между полом и потолком.

И после того, как я проделываю все это, за моей спиной раздается голос — низкий, холодный и лишенный всяких эмоций, совершенно непохожий на легкомысленный тенор короля Энкледа:

— Что за бестолковое выступление? Зачем ты лишил их сознания? Так они ничего не увидят и не поймут. Приведи их в чувство.

Улыбаясь, я поворачиваюсь, развожу руками и даже слегка приседаю в поклоне.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель, — не скрывая иронии, говорю я своему брату.

Он не понимает шутки. У него плохо с чувством юмора с тех пор, как его силу извратили много тысячелетий тому назад, сбросив с небес, где он некоторое время успешно притворялся благочестивым, верным Золотому Светилу, созданием.

Я ввожу в тела пленников новую порцию яда, которая входит в химическую реакцию с ядом, уже содержащимся в них. Четверо смертных и один бессмертный приходят в себя, их сознания ясны и чисты как никогда, но ни магия, ни собственные мышцы им по-прежнему неподвластны.

— Великолечно, Гхадабайн, — говорит король своим легкомысленным, немного скучающим, высоким голосом. — А теперь отпусти их и уходи до тех пор, пока я тебя снова не позову.

Пять тел опускаются на пол, я вливаю в них толику нового яда, предназначенного стать противоядием отраве, которой я наполнил их раньше, изымаю из тел дымные щупальца и ухожу вниз, в Сферы, населенные демонами, в Нижние Миры.

— ...Прошу прощения, господа Магистры, — произнес Энклед, совершая легкий галантный поклон. — Надеюсь, эта демонстрация не оскорбила вас. Но, право, что мне еще оставалось делать? Вы сомневались в моих словах относительно силы этого демона и моей власти над ним —

как еще я мог убедить вас в том и в другом?

Магистры не ответили. Хотя уже ничто на них не влияло, память о переживаниях боли, бессилия, мерзкого тошнотворного ощущения, охватывающего все тело, еще была слишком сильна. Тарго тяжело дышал, опираясь на стол; Тидольф был бледен как смерть; Огинеиз сидел на полу и пытался вернуть себе полный контроль над функциями физического, жизненного и магического тел; Лейнар, держась за живот, блевал в углу; Элгар медитировал, закрыв глаза.

— Что это... за тварь? — Кое-как отдышавшись, спросил Тарго.

— Хороший... вопрос... — Лейнар несколько раз сплюнул, избавляясь от мерзкого вкуса во рту, и вытер губы кружевным платком. — Элгар, вы долго против него продержались?

— Сколько же, сколько и вы, — негромко ответил бессмертный.

— Что же это такое? — Тидольф холодно посмотрел на короля. — Один из Темных Князей?

Энклед рассмеялся.

— Не думаю, что Темный Князь станет служить какому-то смертному, — солгал он, не произнеся ни слова лжи.

Магистры молчали, и напряжение по-прежнему витало в воздухе, и поэтому король заговорил вновь. Теперь он просто лгал, уже не прикрываясь правдой:

— Мне представляется верным то, что я прочел в записях Майдкана и то, что это... существо... само рассказало о себе. Это бессмертный третьего поколения, чья сила соответствует венцу в одной из трех нижних рук Картваила — бессмертный древний и могущественный, приближенный одного из Темных Князей. А точнее — Княгини: сила Гхадабайна, как вы видели, тесно связана с ядами. Разумно предположить, что это — один из фаворитов Отравительницы.

— Предположить? — Приподнял бровь Элгар. — Почему вы не спросите у него прямо?

— Он еще не вполне... понятлив, — ответил король. — Мир людей ему внове и наши способы беседы... наш язык и система понятий... не всегда еще даются ему. Он ведь столько тысяч лет провел в заточении...

— Позвольте спросить, сир, — подал голос Тидольф Алкертур. — Имея под своей властью такую силу — зачем вам нужны мы?

— Это же очевидно, — пожал плечами король. — Демоны умеют разрушать, но они плохо годятся для того, чтобы контролировать и сохранять в целостности завоеванное. Я не хочу оставлять от Ильсильвара выжженную пустыню. Кроме того, для успешной кампании одного воина

— пусть даже и непобедимого — недостаточно. Нужно ударить по Ильсильвару с разных сторон — и на кого я еще смогу положиться в этом деле, как не на вас?

— Когда вы планируете выступить, сир?

— Самое позднее — через месяц.

— Так скоро? — Тидольф приподнял бровь. — Подготовка такой кампании займет много времени...

— Я не хочу медлить. Не тешусь иллюзиями, что враг останется в неведении о наших приготовлениях. Значит, чем дольше готовиться будем мы — тем больше времени на подготовку будет у ильсов. Кроме того, скоро зима. Нужно выступить до того, как берега пролива замерзнут.

— За месяц мы не найдем достаточного количества кораблей. — Подал голос Огинеиз.

— Значит, имеющиеся корабли сделают несколько рейсов.

— Не успеют. Зима.

— Перевезут столько, сколько успеют.

Магистры переглянулись.

— Атаковать Ильсивар без надлежащей подготовки, в спешке — это безумие, — сухо произнес Элгар. — Бросать вызов организации, состоящей из нескольких десятков бессмертных, полагаясь только на одного демона, происхождение и верность которого по-прежнему остаются под вопросом — это безумие вдвойне. Мой Орден в этом участвовать не будет. Мы клялись в верности, а не в том, что будем поддерживать любую авантюру, которая только взбредет в голову потомку Катольда!

Энклед прищурился.

— Осторожнее, сир. Право говорить свободно не означает права оскорблять короля.

Элгар сжал губы и ничего не ответил. Энклед бросил беглый взгляд на остальных. Они не были настроены так же решительно, как глава Полумесяца, но чувствовалось, что в случае прямого конфликта поддержат бессмертного, а не монарха. Они слишком привыкли к тому, что здесь, на Эн-Тике, именно пять Орденов являлись самой могущественной силой, подчиненной короне лишь номинально, и даже продемонстрированная несколько минут назад мощь Гхадабайна не была достаточной, чтобы их в этом переубедить. Продолжать давить сейчас было бы ошибкой.

— Я полагаю, на сегодня мы уже достаточно поговорили, — сказал Энклед. — Я понимаю, вам требуется время, чтобы все обдумать. Обсудите услышанное и увиденное со своими кардиналами. Но знайте: этот поход будет предпринят с вашей помощью или без нее. Отомстить за

унизительное поражение, завоевать славу и земли — или же прослыть трусами и изменниками, решать вам. Благодарю за беседу, господа.

Он двинулся к выходу из зала, легко улыбаясь и зная, что как только закроется дверь за его спиной, в его адрес прозвучит немало нелестных эпитетов, а все его косточки будут перемыты самым тщательным образом. Но уже через несколько шагов Энклед перестал улыбаться. Атфитрит путал все карты. С ним нужно было что-то делать.

Элгар Атфитрит, лунный бессмертный, посвященный Древа Иссохшей Молнии и Лабиринта Безысходности, устало откинулся в кресле. Был поздний вечер. Оруженосец Магистра, Катаус Фейн, приготовил своему господину горячее вино. Элгар пригубил вино, отослал Катауса и тяжело вздохнул. Отвратительный, длинный день, наполненный неприятными сюрпризами, долгими спорами и дурными предчувствиями. Король Эн-Тике сошел с ума и связался с демонами. Он грезит завоеваниями, не понимая, что сам слишком слаб, чтобы быть чем-то большим, чем пешкой в чужой игре. Энклед обречен, но плохо то, что он тащит на дно вместе с собой Ордена и весь остров. Уничтожить Школу Железного Листа? Как бы ни был силен Гхадабайн, это невозможно. Кроме того, Элгар отчасти сочувствовал целям тайного ильсильварского ордена смертных и бессмертных, поставивших своей задачей освободить человечество от рабства Темным и Светлым Князьям. Из-за бисуритов религии боги обрели огромную власть, но образовавшаяся связь имеет и иное свойство: если теперь вера в миродержцев иссякнет, они станут слабее, чем были до того, как связали себя с человечеством. И если это произойдет, оковы, некогда наложенные Солнцем на силу Серебряной Госпожи и ее детей, Лунных Князей, ослабнут, и они сумеют вырваться из темницы. Поэтому, даже будь уничтожение Школы возможно, Элгар не пошел бы в этот поход за своим королем. Впрочем, в полной мере «своими королями» правителей Эн-Тике Элгар Атфитрит никогда всерьез не считал — не смотря на то, что, как и остальные Магистры, приносил клятву верности каждому из них после Катольда. Кто ему эти короли? Бабочки-однодневки перед лицом бессмертного...

Вернулся Катаус Фейн. Элгар вопросительно посмотрел на него. Катаус выглядел смущенным.

— Что тебе? — Спросил Магистр.

— Господин мой... я давно хотел сказать... я очень благодарен вам за все, что вы для меня сделали.

Элгар задумчиво посмотрел на юношу. Несколько дней назад Катаус опять завел разговор о том, чтобы стать рыцарем. Элгар пресек эти разговоры — резче, чем в предыдущий раз. Мальчик не понимал, что иногда министериял имеет большее значение, чем кардинал. Элгару не нужен был амбициозный помощник, ему требовался слуга, точно выполняющий указания, верный и знающий свое место. Катаус, как ему казалось, подходил на эту роль, но в последнее время он начал в этом сомневаться. Сможет ли юноша довольствоваться тем, что есть? И что означала его реплика? Это была попытка сообщить Элгару о том, что он все понял и готов оставить свои амбиции? Или же это была обыкновенная лесть, нацеленная на то, чтобы заслужить расположение господина, а затем выпросить желаемое посвящение?

Элгар чуть кивнул Фейну, показывая — я тебя услышал, можешь идти. Но юноша не уходил.

— Для меня большая честь находиться в Ордене. — Катаус замолчал, подыскивая слова. — Здесь вся моя жизнь. Не так уж важно, кто я — рыцарь или простой оруженосец... Главное, что я могу... приносить пользу Ордена. Я буду делать то... что мне доверено... так хорошо, как только смогу, сир. Спасибо, что... помогли мне понять.

Катаус шагнул к Магистру и, опустившись на колени, поцеловал его кисть, расслабленно лежащую на подлокотнике кресла. Элгар ощутил раздражение. Достаточно было бы и того, чтобы мальчик уяснил все это молча, а не вываливал сейчас перед ним свои переживания вкупе с демонстрацией преданности. Черт возьми, разговорами был заполнен весь день! Элгару просто хотелось посидеть одному, в тишине.

Он уже открыл рот, чтобы приказать Катаусу Фейну покинуть комнату — тем более, что юноша припал к руке так пылко, что до сих пор не мог от нее оторваться и это уже, в конце концов, становилось неприличным — когда Катаус повернул голову и внезапно впился в кисть зубами. Ощувив боль, Элгар попытался вырвать руку, но Катаус сжимал челюсти с предельным усилием, и Элгару пришлось дважды ударить его, прежде чем челюсти оруженосца разжались. Катаус упал на пол, но успел упереться рукой в пол. Он поднял голову, глядя на магистра безумным веселым взглядом. Сломанная Элгаром челюсть нелепо топорщилась с одной стороны, и рот кривился, с другой же стороны краешки окровавленных губ в ухмылке поднимались вверх. Элгар произнес заклятье, которое должно было обездвижить Катауса, но тот продолжал тянуться к нему, и Элгар поразился тому, насколько слабыми и неуверенными вышли его чары. Спятивший оруженосец не мог представлять никакой угрозы для

бессмертного, но... было что-то еще. Что-то, пугавшее Элгара до дрожи, что-то, незримо присутствовавшее в это комнате, что-то, делавшее бессмысленные действия Катауса наполненными каким-то особым, недоступным для Элгара значением. Заклятье не оказало эффекта, юноша тянулся к господину, Элгар хотел ударить его еще раз, оттолкнуть, отскочить — но не смог сделать ни первого, ни второго, ни третьего, а лицо Катауса вскипало и текло, словно беловатая каша, обретая новые черты...

Энклед покинул Асфелосту следующим утром. Перед отбытием он встретился с Магистрами Лилии и Семирамиды — известил их о своем отъезде и сообщил, что внял голосу разума. Это не означало, что он готов отказаться от войны с Ильсильваром, совсем нет. Но предупреждение о том, что артефакт, способный повелевать приспешником одного из Темных Князей, может содержать в себе скрытые свойства, следовало учесть. Поэтому он оставляет браслет для всестороннего изучения Элгару Атфитриту, с которым в приватной беседе, состоявшейся вчера вечером, сумел найти общий язык. Элгар, в свою очередь, пообещал ему, что поддержит поход на юг. Лейнар и Тидольф выразили свое удивление столь резкой переменой мнения Магистра Полумесяца — еще вчера он был настроен весьма решительно против этого похода. Поэтому, расставшись с королем, они направились в восточную башню, занимаемую Орденом Полумесяца, однако Атфитрит отказался их принять. Гатон Фьердельт, адъютант Магистра, сообщил о том, что Элгар заперся в своих покоях и велел не беспокоить его до обеда.

Оказавшись за воротами Асфелосты и отъехав от замка достаточно далеко, король приказал сопровождающим возвращаться в Кайёль без него. Свита запротестовала. Энклед велел им заткнуться и выполнять приказ.

— Скажите, куда вы направляетесь, сир? — Спросил один из телохранителей.

— Этого я сказать не могу, — ответил король. — Не беспокойтесь за меня — я буду в столице раньше вас. Делайте, что я сказал.

Далее он совершил нечто еще более странное — слез с лошади, велел свите позаботиться о ней, запретил рассказывать кому бы то ни было о его приказе до того, как отряд достигнет столицы и затем направился к роще, неподалеку от которой они остановились. Сопровождающие принялись обсуждать приказ между собой: какую тайну хотел скрыть король и почему он сказал, что будет в Кайеле раньше? Что с ними сделают во дворце, если

правитель острова пропадет или будет убит где-нибудь по дороге? Вскоре они решили, что стоит еще раз попытаться убедить Энкледа позволить им сопровождать своего монарха, какое бы дело он не затеял. Однако, обыскав рощу, они никого не нашли. Несомненно, в этом деле была задействована какая-то магия. Кто-то предложил вернуться в Асфелосту и просить тамошних чародеев найти Энкледа, но эту идею отвергли, ибо никому не хотелось нарушением прямого приказа навлекать на себя королевский гнев. И вот, всадники снова заняли свои места в седлах лошадей и направились на запад, к горам Бекьерн, обогнув которые, они, спустя полторы недели, смогут достичь столицы.

Спустя несколько минут после того, как в роще к востоку от Асфелосты бесследно сгинул король, Элгар Атфитрит вдруг вышел из своей комнаты. Он выслушал сообщения, оставленные другими Магистрами, от Гатона, и велел отправить ответы. Также он приказал доставить приглашения всем кардиналам Полумесяца, в данный момент находящимся в замке: в середине дня, как они и запланировали вчера, должен состояться большой совет, на котором они обсудят приказ короля. Перед тем, как отправиться выполнять приказ, Гатон спросил:

— Простите, мой господин, а Катаус был не с вами? Все утро не могу его найти...

— Катауса мы здесь больше не увидим, — равнодушно ответил Элгар. — Он давно просил меня разрешить ему уйти, и я наконец пошел ему навстречу. Забудь о нем. Более он не один из нас.

Глава третья

Холодное голубое небо высоко и недостижимо, как Эдем и троны богов. Внизу — зной, духота, пыль на дорогах. В жаркий летний день по одной из них налегке, без оружия и без вещей, шли двое: высокий голубоглазый мужчина в потрепанной темной одежде, и с ним девушка — хрупкая, светловолосая, одетая в длинное белое платье. На ногах у девушки — сандалии, ремешки которых сеткой обвивают ноги почти до колен; подол платья оторван, ткань местами испачкана, на локте ссадина, слева и справа на щеках около губ следы от черники, которую они ели сегодня утром. Девушка смотрит вокруг с интересом и выглядит радостной и довольной: еще бы, ведь она — богиня, которая почти двадцать тысяч лет провела взаперти, видя смутные сны, но не имея возможности ни двигаться, ни действовать. Ее спутник смотрит хмуро: он всего лишь бессмертный, и был рожден тридцать шесть лет тому назад самой обычной смертной женщиной. В нем слишком много от человека, и постоянные бестолковые задержки на пути ему не нравятся. А останавливаются они часто: то у Мольвири развязывается ремешок на сандалях, то она увлекается какой-нибудь бабочкой или птицей, то сворачивает на обочину, заметив сухое или больное растение. Когда она притрагивается к такому растению — дереву, кусту, а иногда и цветку, сломанному ногой путника — происходит маленькое чудо, сухое вновь наполняется соками, гнилая древесина заменяется здоровой. Если она, наклонившись над цветком, случайно касается земли — обычное, ничем не примечательное место неуловимым образом меняется, становится каким-то особенным, красивым, полным внутренней тишины и гармонии. Мольвири беззаботно улыбается, шепча что-то ласковое птицам и цветам.

После того, как Эдрик освободил ее из плена, на Слепой Горе они оставались недолго. Некоторые стражи пытались помешать им уйти, и Эдрику пришлось превратиться и уничтожить их. Но Австевер, бог чувственного мира, не вмешался, и большинство стражей — также: они были слишком заняты поисками воскресшего Лицемера. За разрушенным святилищем находился портал, с помощью которого прошедшие Игольчатый Мост могли попасть в любое место любого из миров Сальбравы, и к этому порталу бессмертный меч-оборотень повел освобожденную им богиню-отступницу. Он думал, куда хочет попасть,

пока они, поднявшись по проплавленной Фрембергом Либергхамом лестнице, преодолевали завал из камней и мусора — единственное, что осталось теперь от святилища, уничтоженного в ходе боя между Фрембергом и Лицемером. Мысль о том, чтобы отвести Мольвири в Школу Железного Листа, он отбросил сразу. Выпускник Школы, он слишком хорошо знал своих настоятельниц. Он еще не был полностью уверен, что освободил именно богиню, а не какого-нибудь бессмертного демона, выдающего себя за нее, однако если существовал хоть какой-то шанс, что она говорит правду, в Школе ее ничего хорошего не ждет. Не было уверенности, как именно они поступят, но то, что они наложат на нее свои лапы и воспрепятствуют развитию их знакомства, Эдрику представлялось очевидным. Позволять настоятельницам проводить над юной богиней свои эксперименты Эдрику также не хотелось. Но если не в Школу, то куда? Портал между тем был уже близко и решать нужно было скорей. Большую часть своей жизни он провел в Школе, а последние семь лет — в плену, в одной из камер в глубине Обсидиановой башни. Потом был договор с Фрембергом, миссия в Речное Королевство, поход с Льюисом Телмаридом на юг, к Пустому Морю... Возвращение в Рендекс исключено, как и в любое другое княжество Эйнавара: он убил королевского посланника и жить ему спокойно там не дадут. И тогда он вспомнил о коротком периоде после ухода из Школы и до того, как стал пленником Обсидиановой Башни — он успел посетить немало странных мест, но было одно, где он задержался. Он даже рассчитывал получить баронский титул и мирно прожить на острове несколько лет — просто для того, чтобы узнать, что это такое: дом, семья, ведение хозяйства. Теперь он подумал, что можно было бы вернуться туда, в место, где тихо и спокойно, где ничего не происходит, и провести там какое-то время, пока не станет ясно, что делать дальше и действительно ли его спутница — та, за кого себя выдает. Он представил, как выглядит остров Хадой, если стоять на горе, называемой Великаньей Мозолью, лицом к востоку: внизу — смешанный лес, липы, лиственницы, дубы и ели — все вперемешку. Вдалике видна дорога, ведущая к замку Кхотайн, а в ясный день, если приглядеться, можно увидеть дымки, поднимающиеся над деревушкой, расположенной на юго-востоке. Представил, взял девушку за руку и шагнул в портал.

Три дня они провели в лесу. Пища не нужна бессмертным, но наслаждение вкусом они способны испытывать, поэтому Эдрик нашел ягоды и предложил их Мольвири. По ее удивлению он понял, что прежде она никогда не употребляла земную пищу, даже мысль о чем-либо

подобном не приходила ей в голову, однако он настоял, она попробовала и ей понравилось.

— Это потому, что я в человеческом теле, — предположила она задумчиво, немного погодя, облизывая пальцы, испачканные соком черники. — Наверное, я и боль могу ощутить.

Для проверки она укусила себя за палец.

— И как ощущения? — Посмеиваясь, поинтересовался Эдрик.

— Странные.

Позже она рассказала Эдрику о себе. Солнце сотворило ее перед тем, как между Светилами был заключен договор, согласно которому они обязались не творить более новых Князей — позже, однако, все трое Изначальных нарушили эту клятву, пусть и в разное время. Долгие годы Солнце скрывало свою последнюю дочь в себе, не выпуская в мир и сохраняя ее дух в младенческом состоянии. Золотое Светило опасалось, что чувственность и порок, распространяемые Луной и Горгелойгом, необратимо исказят Сальбраву и самих Князей Света; Мольвири должна была стать той, чья чистота останется незапятнанной, чтобы когда-нибудь, после победы и окончательного уничтожения соперников, явиться и очистить Сальбраву от всякого зла. Однако, этим планам не суждено было сбыться. Горгелойг сотворил последнего Темного Князя, Солнечного Убийцу, вложив в него всю свою разрушительную силу и ненависть; Солнце же пыталось обойти клятву, не желая нарушать ее прямо — вобрало в себя силу Истязателя и перенаправило ее ток, родив таким образом нового Светлого Князя — Ульвара, бога гнева. Однако, в итоге клятва все равно оказалась нарушенной и нечистое, которое Солнце пыталось сделать чистым, осквернило само Светило. Поэтому-то Мольвири и была выпущена в бытие раньше срока: ей пришлось отдать большую часть своих сил для того, чтобы исцелить отца. Братья и сестры возвели для нее дворец в Эдеме и заботились о ней, видя ее слабость. Но шло время, и все сильнее в ней нарастало ощущение собственной бесполезности. Полностью Солнце она так и не смогла исцелить. Это было и вовсе невозможно сделать, потому что Солнце желало остаться незапятнанным, используя скверну Горгелойга в своих целях, и все усилия Мольвири пропадали впустую, так как сколько бы она не очищала силу Золотого Светила, скверна Горгелойга, неотделимая от сущности поработанного Солнцем Темного Князя, продолжала отравлять ее. О полном уничтожении лунных и темных бессмертных не шло уже и речи: убийство и изгнание из Сальбравы одного только Горгелойга и малой части его отродий повредило Сальбраву; окончательное же уничтожение

всех, кроме верных Солнцу, означало также разрушение всего мироздания. Поэтому Мольвири оказалась не у дел: нет никакого смысла очищать мир, оскверняемый ежечасно.

В те дни Эдем еще не был бесконечно далек от мира людей: по сути, этот прекрасный рай тогда располагался на вершине исполинской горы, на склонах которой жили духи, ангелы, схиархи и стихии, внизу же, в долинах, находились поселения смертных. Она спустилась вниз и некоторое время провела среди духов и ангелов, затем она достигла долины людей. Птицеголовый бог сказал ей, что она должна вернуться назад: мирам суждено разделиться, а смертным — стать пищей богов. Она ослушалась и осталась на земле: созерцать оскверненную чистоту небес ей было невыносимо. За внешним блеском, пафосом и торжеством таилась гниль, проникшая в самую сердцевину света. Когда, в какой день и час боги Света стали говорить и действовать так, как полагалось бы говорить и действовать Темным Князьям? Дурное и доброе, небесное и демоническое, смешивались до неразличимости, и она не могла ничего изменить в происходящем. Братья и сестры считали ее слишком юной, слишком наивной, слишком беспечной. Поэтому она пришла туда, где все темное и светлое должно было быть смешано по замыслу с самого начала — в мир людей, равноудаленный от всех Светил: здесь это смешение не терзало ее, не вызывало чувство мучительной дисгармонии. Однажды она увидела человека, медитирующего под персиковым деревом — человек сказал, что ждал ее появления и что его зовут Хеллах. Мольвири провела рядом с ним последние дни, которые им оставались, а потом пришли ее братья, пленили ее и убили Хеллаха. Он знал, что так будет — сказал ей, что это цена, которую он должен заплатить за то, чтобы мир продолжал жить. Ни смерть, ни божественный гнев не пугали его, и в богах света, пришедших забрать его жизнь, чтобы остановить ту ересь, которую он распространял по земле, он не видел врагов. Мольвири забрали в Эдем, был суд, и было вынесено решение, сделавшее ее пленницей в недрах Слепой Горы на долгие века. Она была лишена силы, и погружена в сон, а на земле без ее участия был создан культ Мольвири — благой богини духовной и телесной чистоты, заступницы слабых, утешительницы сирых и убогих. Со временем ее культ обрел большую популярность, его бисурит окружил ее душу и ум подобно невыносимому душному облаку. Прочие Князья Света наслаждались поклонением, для нее же оно было пыткой. Мистическая сущность бога огромна, она включает в себя множество тел, мест и даже духовных миров — чтобы спастись от бисурита, распространявшегося по ней словно болезнь, пожиравшего и уродовавшего все, чем она была,

Мольвири уходила все глубже внутрь себя, отказываясь от того, чем уже не могла бы владеть, не теряя себя. Бисурит, созданный из молитв, слез, жертв, религиозного рвения, правил и догм, придуманных людьми, медленно поглощал свою богиню. Она перестала ощущать свои миры, растеряла все облики и все альтер-эго, и в конце концов осталась единственная связка из семи тел — та связка, что была заключена в темницу в недрах Слепой Горы. То, чем она стала, было ближе к человеку, чем даже к бессмертному, могущество же бога стало для нее чем-то бесконечно далеким. Однако, полностью человеком она так и не стала. Частица силы в ней еще сохранилась, и она надеялась, что пройдет время, и этот крошечный, едва тлеющий огонек, превратится в ровное и сильное пламя.

— Как ты думаешь, что будет дальше? — Спросил ее Эдрик, когда она закончила рассказ. Они полулежали-полусидели, расположившись под сенью старого вяза на Великаньей Мозоли.

— Не знаю, — она пожала плечами. — Откуда мне знать, что будет?

— Твои братья правы в одном: ты слишком беспечна. Для того, чтобы знать, что будет, не нужно предвиденья, иногда достаточно обыкновенной логики. Но перворожденные Светил не особенно любят думать. Я понял это еще тогда, когда ребенком читал мифы.

— Фу. — Богиня нахмурилась и легонько пнула Эдрика по бедру босой ножкой. — Опять меня обижаешь?

— Даже и не думал, моя госпожа. — Эдрик наклонил голову и сделал жест рукой, будто совершал галантный поклон — задницу он, при этом, однако, от земли отрывать не стал. — Я всего лишь хочу сказать, что лучше б то, что я сейчас услышал, оказалось бы плодом твоей бурной фантазии. Потому что если это правда, богам не составит труда найти нас. Тебя вернут обратно в тюрьму, да и мне... вряд ли спасибо скажут.

Мольвири задумалась, и на ее лице отразилось беспокойство.

— Тебе лучше уйти.

— Неужели?

— Да! Может быть, тогда они не обратят на тебя внимания...

— Я не собираюсь ни от кого убежать. Да и бросать тебя не хочу. Ты же как ребенок. Богиней быть не можешь, а опыта жизни человеком у тебя нет. — Он насмешливо посмотрел на девушку.

— Ну, и кто из нас беспечен? — Ответила она в ему тон. — Глупо умирать просто так, а ты, кажется, стремишься к смерти.

— Ничуть. Убегать и прятаться было бы еще глупее. Какой смысл в жизни, если проводить ее в страхе? И наоборот — когда нет привязанности

к собственному существованию, ты начинаешь ценить каждое мгновение прожитого как драгоценнейший дар.

— Да, я помню... — Ее взгляд затуманился. — Хелах говорил похожие вещи.

— Неудивительно. — Усмехнулся Эдрик.

— Хорошо, пусть так. — Сказала она. — Останемся здесь и будем ждать мести моих братьев.

Но прошли вечер и ночь, за ними наступил новый день, и никто за ними так и не пришел. Либо боги по каким-то причинам не могли найти их, либо не хотели искать, либо давно нашли, но по необъяснимым причинам не стали мстить.

— Что это за место? — Спросила она на третий день. — Почему ты привел меня именно сюда? Оно какое-то особенное?

— Нет, нисколько, — Эдрик покачал головой. — Разве что самую малость и только для меня. У тел-ан-алатрита нет и не может быть дома, но это правило, а значит — его следует проверить на прочность. Когда-то я собирался остаться здесь, завести дом и семью, верно служить своему господину, заботиться о ближних и сделать еще тысячу других вещей, противоречащих философии, в духе которой меня воспитали. Это было бы ценным опытом. Но я не был достаточно осторожен, и мой господин узнал о моей силе. В это же время он прослышал о пустующей Обсидиановой Башне и захотел заполучить над ней власть. Я пытался отговорить герцога — а он в ответ посулил мне баронство, если я помогу ему добиться цели. Увы, этот поход закончился неудачей. Герцог Ульфил погиб, как и все, кого он взял с собой... кроме меня. Я оказался в плену и был освобожден лишь несколько месяцев назад. Фремберг Либергхам, хозяин Обсидиановой Башни заключил со мной контракт — в обмен на свободу я должен был провести небольшое расследование в Речном Королевстве... Я свою часть сделки выполнил, но кончилось вся эта затея тем, что в итоге погиб и этот мой наниматель. Впрочем, эту часть истории ты уже знаешь: его лицо нацепил Лицемер, и мне пришлось отправить вашего Темного Князька искать себе другую маску.

— Будь уверен, он ее найдет, — негромко сказала Мольвири. — Быть может, потому меня и не ищут... Князь Тьмы, свободно ходящий среди людей, может принести вашему миру неисчислимое множество бед. Наверное, сейчас мысли моих братьев направлены лишь на то, как изловить его и вернуть в Озеро Грез.

— Меня это полностью устраивает, — откликнулся Эдрик. — Пусть боги занимаются друг другом и оставят землю в покое.

Мольвири улыбнулась и, наклонив голову, посмотрела на Эдрика.

— Что? — Он усмехнулся. — Ты исключение.

— Пойдем куда-нибудь, — предложила она немного позже. — Не будем же мы тут все время сидеть.

— Пойдем, — согласился Эдрик. — В конце концов, во гневе твои братья могут сразу утопить весь остров, с них станется. Так что не столь важно: пойдем мы к людям или нет — если твоим родичам приспичит явить свою мощь, мы никого не убереем, даже если останемся здесь.

Они поднялись на ноги и спустились с горы. Вскоре они нашли дорогу, которая вела на северо-восток. Наблюдая, как Мольвири склоняется над очередным сухим растением, Эдрик сказал:

— На людях тебе лучше не демонстрировать свою силу. Иначе немедленно получишь кучу боготворящих тебя идиотов у своих ног. А ведь именно этого ты, кажется, хотела избежать?

— Мне вообще ничего нельзя делать? — Мольвири посмотрела на него почти жалобно.

— Вообще. — Отрезал Эдрик.

Через час они увидели справа от дороги небольшую деревушку, а вскоре еще одну. Последнюю часть пути их провез на своей телеге усатый крестьянин, ехавший к замку Айдеф. Крестьянин всю дорогу болтал, Эдрик поддерживал разговор короткими репликами, а Мольвири сидела среди кочанов с капустой и ничего не делала — но от одного ее присутствия старая скрипучая телега начинала казаться таинственной мистической повозкой, способной привезти каждого, кому повезло оказаться в ней, в давным-давно утраченный рай. К счастью, болливый мужчина следил за лошадьми и назад не оглядывался, но Эдрик всерьез задумался о том, как поведут себя люди, когда юная дочь Солнца окажется среди них.

До замка они добрались, когда солнце уже начинало клониться к закату. Телега проехала во двор и там остановилась. Крестьянин заговорил с прислугой, а Эдрик помог Мольвири выбраться из телеги. Когда ее ноги коснулись грязи, что-то неуловимо изменилось. Вода в мутной луже стала прозрачной и чистой, вязкая жижа подсохла и почти не испачкала ни ног Мольвири, ни ее обуви. Пока эти мелочи замечал только Эдрик, но он понимал, что рано или поздно их заметят и другие. Она и так привлекала слишком много внимания. Она казалась дыханием надежды и юности — здесь, среди обычного, серого, будничного, и подчас уродливого мира.

Слуги оглядывались на нее, стражники переговаривались на посту у

ворот, кивая на нее, а по деревянной лестнице со стены уже спускался упитанный сержант с усами и короткой бородкой. За ним следовал худощавый юнец. Эти двое пересекли двор, при том юнец пялился, не отрывая глаз, на богиню, а упитанный мужчина взглянул на нее лишь пару раз, сосредоточив свое внимание на поджидавшем его Эдрике.

— Это... ты? — Спросил он, подходя ближе и с прищуром вглядываясь в лицо Эдрика.

— Порядом ты растолстел, Рейдаф, за последние семь лет, — вместо ответа произнес бессмертный.

— Некому было гонять, — хмыкнул Рейдаф и протянул руку, которую Эдрик пожал, усмехнувшись в ответ: семь лет назад он некоторое время занимал в замке Айдеф должность военного инструктора, и Рейдаф был одним из тех, кого он тренировал.

— Значит, ты жив. — Констатировал сержант. — А что случилось...

— Я все расскажу, — перебил его Эдрик. — Но сначала — хозяину замка. Кто тут сейчас заправляет? Ховард?

Рейдаф покачал головой.

— Он погиб через год после того, как сгинул старый герцог. Пираты... — Солдат помолчал. — Лорд Эдар дал им отпор и защищал остров, пока не прибыл младший с острова Шеварт, Гэйбар.

— У Ульффила был еще один сын? Не знал. — После короткой паузы Эдрик произнес:

— Мне нужно поговорить с ним. Рассказать об отце.

— Хорошо, это можно устроить, — кивнул Рейдаф. Бросил взгляд на Мольвири. — А это...?

— Моя... — Эдрик собиравшийся было назвать Мольвири своей сестрой, прикусил язык. Если он скажет так, ее поместят на женскую половину дома, а там быстро раскроется, кто она такая. Поэтому он сказал нечто иное, заработав ревнивый взгляд от юнца, восхищенно разглядывавшего богиню, и изумленный — от самой Мольвири. — Это моя жена, Мальварин.

Он слегка изменил ее имя, потому что давать своим детям имена богов люди не осмеливались, и назови он ее настоящее имя, Мольвири привлекла бы к себе еще больше внимания.

— Красивая... — Сказал сержант и, слегка поклонившись, представился:

— Рейдаф Первельт, сударыня, так меня зовут.

Чувствуя, что от нее ждут какой-то реакции, богиня стрельнула взглядом в Эдрика, тот чуть покачал головой, и она промолчала. Так и не

дождавшись ни «будем знакомы», ни «мне очень приятно», сержант вздохнул еще раз и повел Эдрика и его супругу в центральную башню.

Рейдаф поговорил с одним из помощников сенешаля, тот ушел, обещав доложить его светлости о новоприбывших. Вскоре Эдрика и Мольвири пригласили в трапезную.

Молодой герцог сидел за длинным столом, изогнутым в виде буквы «П». Рост выше среднего, длинные вьющиеся волосы, серые глаза; белая рубашка с кружевами и темный камзол, росшитый золотом. Слева от Гэйбара сидела его жена Эльза, растерявшая большую часть своей привлекательности за время беременности, но все еще миловидная. Слева и справа расположились придворные, у выхода из зала стояли стражники. Эдрик поклонился; Мольвири же, не обученная людским обычаям осталась неподвижна, с любопытством разглядывая все, что ее окружало. Старый половичок под ее ножкой сам собой незаметно избавился от прорех, обрел такой же цвет, ярость и четкость рисунка, как и в тот день, когда его только что сшили.

Придворные смотрели на Мольвири не отрывая глаз; герцог прищурился, разглядывая девушку, затем перевел взгляд на Эдрика.

— Мне сказали, что вы были с отцом, когда он уплыл в Скальфальтар искать бессмертия в Обсидиановой Башне, — произнес хозяин замка; голос его звучал мелодично. — Это правда?

— Да, это так. — Подтвердил Эдрик. — Сожалею, но я не смог защитить его.

— Как он погиб?

Правдивый ответ «от голода» вызывал бы в дальнейшем законный вопрос о том, как выжить в камерах Обсидиановой Башни удалось самому Эдрику, поэтому он солгал:

— Его растерзал магический Страж, оставленный в Башне ее хозяином Фрембергом Либбергхамом.

— Но вы выжили?

— Совместными усилиями нам удалось убить Стража, хотя большая часть отряда и погибла при этом.

Еще одна ложь. Усилия спутников Эдрика не имели никакого значения, да и ему самому пришлось постараться, чтобы одолеть эту тварь. Жизнь герцогу он тогда спас — не зная еще, что вместо быстрой смерти от пламени Стража обрекает его на мучительную смерть от голода и жажды внутри камеры из живого обсидиана.

— Совместными усилиями? — Гэйбар приподнял бровь. — Значит, вы не единственный выживший?

— Скорее всего, единственный. Во всяком случае, о судьбе прочих пленников мне ничего неизвестно.

И опять ложь. Стоит только вступить на эту скользкую дорожку...

— А как вам удалось выбраться оттуда?

— Спустил семь лет заточения меня отпустил хозяин Башни.

Гэйбар взболтнул вино в чаше и вздохнул. Вновь быстро посмотрел на Мольвири. Нахмурился, заметив, что слуги перестали накрывать на стол, а вместо этого столпились у дверей, пялясь на гостью.

— Позволю себе осведомиться — с какой целью вы прибыли в замок Айдеф?

— Сообщить вам все то, что я только что рассказал вам, милорд.

— А девушка с вами... — Гэйбар показал глазами на Мольвири. — Кто она?

— Моя жена, Мальварин Мардельт. — Спокойно ответил Эдрик.

Мольвири посмотрела на герцога и улыбнулась. Оконные стекла в зале сделались чище, а пламя в факелах перестало чадить — но и этих перемен никто не заметил. Однако, впечатление, которое она производила, было настолько сильно, что никого не покорила ее вопиющая невежливость — она вновь не поклонилась и не стала приветствовать хозяина замка.

Герцог судорожно вздохнул, затем с трудом перевел взгляд на свою жену. В последнее время она стала раздражать его, к тому же у них давно не было близости; но сейчас он ощутил, как копоть, день за днем покрывавшая его сердце, вдруг оказалась смыта. В груди защемило, он ощутил прилив нежности и теплоты. Он прикоснулся к руке Эльзы, затем бережно положил ладонь на ее круглый живот.

Когда он снова обернулся к гостям, то уже мог смотреть на Мольвири спокойно. Эта девушка производила наистраннейшее впечатление, но безумных мыслей о том, что в зал явилась подлинная любовь всей его жизни, о которой он не знал ничего до тех пор, пока не увидел — более не появлялось.

— Вы можете гостить здесь сколько хотите, — сказал он обоим, касаясь кончиками пальцев тонких пальцев жены. — Я велю сенешалю подыскать вам подходящие покои. А сейчас, прошу вас — присоединитесь к нашему ужину.

— Благодарю вас, ваша светлость, — Эдрик опять коротко поклонился, и Мольвири опять не последовала его примеру.

Они заняли два ближайших свободных места. Справа от Мольвири

оказался молодой рыцарь, который сначала побледнел, а затем густо покраснел, но за все время ужина так и не нашел в себе смелости заговорить с соседкой.

Распорядитель слуг опомнился и, щедро раздавая подзатыльники, погнал своих подручных на кухню.

— Господин Эдрик, — произнес молодой герцог. — К какому роду вы принадлежите? Я никогда не слышал о семье Мардельт.

— Я не с Архипелага, — сказал Эдрик, накладывая грибы с кусочками жаренного мяса в тарелку, которую они, согласно местным обычаям, должны были делить вместе с Мольвири. — Вырос в Ильсильваре, куда моя семья переехала из Хальстальфара. Я был простым наемником, когда пришел в Айдеф на службу вашему отцу. Милорд Ульфил сделал меня военным инструктором, а затем произвел в рыцари.

— Вот как? Воистину, стремительный взлет... Вы настолько хороши? — Спросила Эльза.

Эдрик чуть усмехнулся.

— Думаю да, моя госпожа.

— Покажете нам, что умеете? — Спросил пожилой рыцарь.

Эдрик перевел взгляд на герцога. Тот согласно кивнул.

— После ужина. — Сообщил Эдрик.

Он съел несколько ложек, но Мольвири не притронулась к еде.

— Поешь немного, — шепнул он. — Хотя бы для вида. Ты и так слишком много внимания привлекаешь.

— Что это? — Спросила Мольвири, поджав губы. Когда он объяснил, на ее лице появилась гримаса отвращения. — Мертвая плоть?.. Более скверной пищи ты предложить мне не мог, даже если бы захотел. Поеданию трупов вас научили Князя Ада, а не мы. Как вы только можете это делать?.. Неужели вы не испытываете никакого отвращения?..

— Нет в этом никакой скверны, — раздраженно ответил Эдрик. — Человек принимает в дар чужую жизнь, и знает, что когда-нибудь отдаст земле и червям свою.

— Но я не человек. — Едва слышно напомнила она.

— Вашей пресветлой компании не мешало бы научиться отдавать, — хмыкнул бессмертный. — Тогда, когда вы берете, это уже не так напоминало бы грабеж.

Мольвири холодно на него посмотрела. Эдрик усмехнулся и съел еще несколько ложек, выпил вина и взял большой ломоть мяса с блюда, стоящего слева. Когда он закончил жевать, Мольвири протянула руку и взяла грибочек из их общей тарелки. Эдрик видел, что ей стоит немалых

усилий поднести его ко рту, а затем проглотить: видимо, с ее точки зрения, скверна от тела убитого животного пропитала гриб слишком сильно. Эдрик вздохнул и покачал головой. Он чувствовал, что еще намучается с ней.

После ужина герцог поинтересовался у Эдрика, готов ли тот показать им свои таланты, как обещал. Эдрик пожал плечами. Он был не против вернуть себе место военного инструктора в этом замке, а в том, что таковое предложение незамедлительно последует после демонстрации, несколько не сомневался.

Служанка показала Мольвири комнату, выбранную сенешалем — просторную, светлую, располагавшуюся на третьем этаже основного здания, примыкавшего к донжону. Мольвири посидела на просторной кровати, заглянула во все шкафчики и ящички, и подошла к окну. Стемнело, начинался дождь. Она думала о том, каково это — быть человеком? Она боялась, что отравится, поев оскверненной пищи, но этого не произошло. Может быть, мертвая плоть не так сильно повлияла на гриб, как она боялась? А что, если бы она съела само мясо?.. Мольвири поежилась от этих мыслей.

И все же... Эдрик сказал странную вещь. Подобное она уже слышала один раз — много тысяч лет тому назад, от Хелаха. Она увидела, как мужчина и женщина удовлетворяют телесную страсть и сказала Освобожденному, что это отвратительно.

— Почему? — Спросил Хелах.

Она попыталась объяснить: нечисты их тела, отвратительны выделяемые ими жидкости, и еще омерзительнее испытываемые ими страсти.

— Если люди подобны богам, — сказала она, — как ты веришь, они не должны выглядеть столь ничтожно и гнусно.

— На земле все не так, как у вас, — ответил Хелах. — Впрочем, и у вас уже все не так, как было и никогда, как было, больше не будет. Силы трех Светил смешались и взаимно изменили друг друга; на земле, в мире людей, равноудаленном от всех Светил, лишь наиболее отчетливо видно, к чему все это привело. Когда любовь и страсть соединяются в одно целое, нет больше необходимости заботиться о том, чисто ли это или нечисто. Нечистота земли наполнена высшей чистотой, для которой нет никакой противоположности.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала она.

— Придет время, и ты поймешь, — улыбаясь, пообещал Хелах.

...Она стояла у окна и думала о его словах. Чистота Небес слабела и таяла на подступах к человеческому миру, но и со скверной Ада — если

верить Эдрику и Хелаху — происходило тоже самое. Что же явится в итоге? Породит ли соединение сил нечто более величественное и прекрасное, чем источники, давшие жизнь этому соединению — или же силы просто взаимоуничтожат друг друга, и серость и ничтожество, как чума, распространятся повсюду?.. Ее братья были уверены во втором. Люди слишком жалки и слабы, чтобы позволить им идти самим; нужны пряник и плеть, чтобы вести их — только таким образом, постепенно очищаясь от страстей, от животных и демонских желаний, они смогут хотя бы в малой мере уподобиться великолепным и вечным созданиям Света.

Пришел Эдрик, сел на кровать, а затем откинулся назад и потянулся.

— Надо подумать, чем займемся ночью, — сообщил он, разглядывая потолок. — По замку бродить не советую: возникнут вопросы, какого черта ты не спишь.

— Что будет, если я скажу им, кто я? — Задумчиво произнесла Мольвири, обращаясь не столько к Эдрику, сколько к самой себе.

— Ничего хорошего, уж поверь мне, — пробурчал Эдрик.

Она долго молчала, не отходя от окна.

— Я тебе много рассказала об Эдеме и о том, что было раньше, — сказала Мольвири, оборачиваясь к бессмертному. — Теперь твоя очередь. Расскажи мне о мире людей.

— Что именно тебе рассказать? — Настороженно спросил он.

— Все.

Эдрик тяжело вздохнул.

Глава четвертая

К белым перилам на Утесе Воспоминаний Кадан подошел в полдень. Облокотился, вдохнул сладкий и томный аромат цветущих слив, и посмотрел вниз. Далеко внизу плыли облака. Жаль: ведь он надеялся увидеть мир людей — а это становилось возможным лишь при условии ясной погоды. Якши, служащие в Аннемо, белокаменном Замке Ста Башен, утверждали, что нижнее небо сегодня будет ясным, но они могли и ошибаться. Духи и божества, управляющие погодой, могли наврать им — либо ответить честно, но позже переменить свои намерения.

Кадан вздохнул и, перегнувшись через перила, перевел взгляд вправо. Утес закрывал от него почти всю нижнюю часть Фойдана, Города Слив, но домик с малиновой черепицей он сумел разглядеть. Там жила девушка, из-за которой он полторы тысячи лет тому назад принес клятву верности старому Янхату, правителю Фойдана и Аннемо. Девушку звали Цидейна Нибравельт, и он очень любил ее. Увы, она была смертной, и в свое время должна была состариться и умереть. Чтобы не допустить этого, он привел ее на второе небо, в мир стихиаблей, служебных духов и младших богов, где заключил договор с королевским домом Аннемо. В обмен на его службу Цидейне разрешили остаться в Фойдане. Плоды священной сливы вернули ей молодость. С тех пор раз в год, вместе с прочими жителями Фойдана, не обладавшими бессмертием по своей природе, на Празднике Обновления, посвященном великой Богине Жизни Аллиналейн, она съедала одну сливу и молодела на один год, оставаясь таким образом вечно прекрасной и юной.

Их любовь не продлилась вечно, как им казалось когда-то. Спустя триста лет они расстались — Кадан заводил романы с придворными дамами в Замке Ста Башен, а Цидейна полюбила Дифлара — духа озера, что располагалось на севере Хальстальфара. Из-за долгих зим озеро большую часть года оставалось замерзшим, и его хозяин проводил время в Фойдане. Он был куда внимательнее и заботливее Кадана, и совершенно лишен его ветренности и холодности. Кадан мог убить или умереть ради своей любви, но стать примерным семьянином он не был способен. Дифлар не был героем, но он был надежным и верным...

Кадан улыбнулся, думая о Цидейне. Она счастлива, и это хорошо. Хотя они и расстались больше тысячи лет тому назад, он не забыл ее и знал, что

она его не забыла.

Он вновь посмотрел на облака внизу — высокий, сильный, темноволосый и темноглазый юноша в длинном плаще поверх багряно-серого дублета. Темно-серые штаны и высокие черные сапоги с отворотами, многочисленными ремешками и кольцами. На поясе — изогнутый тальвар в богато украшенных ножнах. Длинные и густые волосы, кончики которых достают до бедер, заплетены в косу на уровне лопаток и перехвачены тонкими ремешками, а ниже середины спины — вновь распущены. В волосы вплетены крошечные колокольчики, едва слышно звенящие при движении или при дуновении ветра; верхнюю часть головы охватывает тонкий венец из темного серебра, расширяющийся к серебине лба, украшенный драгоценными камнями и искусственной гравировкой. Кадану не нужны сливы из садов Аллиналейн для того, чтобы сохранять молодость; венец — символ его бессмертия, его судьбы... и его поражения.

Он услышал шаги за спиной, но обернулся не сразу — ждал, пока она спустится по лестнице, ведущей к белокаменной площадке на вершине Утеса Воспоминаний и пройдет две сотни шагов, приближаясь к перилам на краю площадки. Она двигалась тихо, но у него был острый слух.

Кадан обернулся, когда она была в двадцати шагах. Она? Он? Оно?.. Хотя существо, приближавшееся к краю площадки и носило женскую одежду — женщиной оно не было. Как, впрочем, и мужчиной. И дело заключалось не только в форме тела, которую оно могло легко сменить по своему желанию, нет — столь же легко оно могло сменить поведение, менталитет, эмоциональный строй.

Однако, бесполое местоимения так и не прижились. По ряду причин бессмертные, возвращенные в Школе Железного Листа и после прыжка в Кипящую Реку узревшие, как загорается маска в руке Картивеля, предпочитали находиться в женских обличьях. Вот и сейчас приближавшаяся к Кадану фигура была женской, и женственной была пластика ее движений. Цельность образа нарушалась длинным мечом на перевязи за спиной гостыи, рукоять которого торчала из-за ее левого плеча, а также тем обстоятельством, что у гостыи не было лица. Вместо лица был кисель цвета плоти, медленнодвигающийся по часовой стрелке в бесконечном круговращении.

— Рималь, — произнес Кадан. — Давненько ты к нам не заходила.

Он узнал ее по пластике, по запаху души, по походке, одежде и оружию... но не стоило исключать того, что перед ним какая-то другая настоятельница, специально замаскировавшаяся под Рималь, перенявшая,

чтобы одурачить его, все те внутренние и внешние качества, с помощью которых Рималь позволяла себя идентифицировать. Они обожали это делать во время учебы.

— Соскучился? — Голосом, в котором сочетались насмешка и нежность, спросила Рималь, подходя к перилам и останавливаясь в паре шагов от Кадана. Отсутствие рта говорить ей, конечно же, не мешало.

— Каждый день страдаю от разлуки с вами, — в тон ей ответил Кадан и ощутил, как она улыбнулась. Это казалось странным, потому что у нее не было рта, которым можно было бы изобразить улыбку, телесный кисель на ее голове так и не сложился в лицо и даже не изменил своего вращения, но ощущение ее улыбки было совершенно отчетливым и ясным.

Сказанное им действительно было забавным, если учитывать, что в большинстве случаев последнее чувство, которое испытывает ученик Школы Железного Листа прежде, чем стать тел-ан-алатритом и раздавить в себе все человеческие чувства и слабости — является чувством всепоглощающей ненависти. Потом, когда воспитанник убивал всякую жалость в своем сердце, это обстоятельство переставало иметь хоть какое-либо значение. Ненависть пропадала, потому что умирал тот, кто испытывал ее — умирал, чтобы возродиться вновь, в виде бессмертного и бесстрастного создания. Но хотя ненависть и страдание уходили, память о них сохранялась у Освобожденных навсегда. Эта память жила ясно и в Римали, в Кадане, и поэтому его фраза о страдании в разлуке прозвучала так забавно.

— Ты, кажется, нашел свое место в мире, — сказала Рималь, глядя вниз, на облака. — Как и все, кто получил венец.

— В этом слышится какой-то упрек, — ответил Кадан. — Какое-то сожаление, которое вдвойне нелепо звучит от бессмертной маски.

— Нет, что ты. Никаких сожалений. Лишь констатация факта.

— Зачем ты назначила встречу, Рималь? — Спросил Кадан после короткой паузы. На гостью, прибывшую из мира людей, он не смотрел. — Неужели только для того, чтобы выяснить — настолько ли я вжился в роль небесного придворного, чтобы меня задела твои слова о том, что я так и не достиг подлинной силы, разменяв ее всего лишь на бессмертие? Нет, не настолько. А может быть, — добавил он, опять помолчав, — и наоборот: я вжился настолько, что меня это уже не волнует. Нет смысла гнаться за Хелаксом, отвергая то, что имеешь. Это все равно что раздавить крошечный цветок, пытаясь схватить звезду. Раньше я думал, что все цветы мира не стоят даже отблеска звезды, но теперь я понимаю, что в малом сокрыта такая же бесконечность, как и в великом. Поэтому я не терзаюсь мечтами о

звездах, а наслаждаюсь цветами, и мир в моей душе тебе не нарушить.

— Bravo, — Рималь легконько хлопнула в ладоши своими изящными руками, облаченными в тонкие ажурные перчатки. — Ты стал поэтом.

— Зачем ты пришла? — Повторил Кадан.

— У Прорицательницы было видение.

Кадан почувствовал себя так, как будто посреди теплого и тихого дня вдруг налетел порыв холодного ветра. Прорицательница возглавляла Школу Железного Листа бесчисленное множество лет, говорили даже, что она помнила самого Хелаха. Она никогда не покидала Зал Пустого Зеркала, сокрытый в подземных пещерах под Монастырем Освобожденных, и никак не участвовала в обучении послушников. Кадан видел ее лишь раз, уже после того, как прошел последнее испытание в кровавой Кипящей Реке и стал бессмертным, приняв венец из рук Картивеля. После того, как побродил по земле и пожил в мирах духов, после того, как полюбил и понял, что достигнутое за годы обучения бесстрашие тает, как восковая фигура в доме, охваченном огнем. Он приполз к Прорицательнице для того, чтобы сообщить, что теряет себя, что в нем что-то испорчено, что в силу необъяснимых причин его Освобождение не было полным и что не смотря на то, что он сумел выжить в Кипящей Реке, доказав тем самым совершенную независимость от влечений, владеющих обычным человеческим сердцем, по прошествии времени, однако, что-то в нем изменилось. Он пришел потому, что полюбил и не мог понять, в чем причина и где исток этого чувства — а Прорицательница вместо того, чтобы указать ему, как избавиться от напасти, повелела поддаться ей и утратить себя. Он так и сделал, и лишь много лет спустя осознал, что он не утратил, а обрел...

Кадану стало ясно, что этот визит не был личной инициативой Рималь. Прорицательница желала призвать Кадана на землю? Или хотела поручить ему какую-то особую миссию? Или хотела предупредить о чем-то важном? Или...

— Надвигается тьма, — прервала Рималь его мысли. — По меньшей мере один из Последышей вырвался на свободу. На Слепой Горе что-то произошло. Прорицательница уже отправила туда нескольких посланников, но они еще не успели вернуться. Ей нужно знать, что говорят у вас. Что собираются предпринять Старшие Боги, которым ты теперь служишь; удалось ли им уже обнаружить беглеца и если да — то где он и как именно они собираются расправиться с ним. Нам важно это знать, потому что если он скрывается на земле...

Маска не договорила, но этого и не требовалось. Во время прошлой

войны с Темными Князьями жезл Осалогбора расколол материк, а всемирный потоп, вызванный Салургом, едва не истребил человечество. Никто не хотел, чтобы нечто подобное повторилось вновь, но если беглый Последыш скрывается в мире людей и если боги Света все же решат нанести по нему удар, не взирая ни на какие жертвы — Школа хотела знать, где и когда это произойдет, дабы быть готовой к удару, и, по возможности, минимизировать жертвы... хотя бы среди своих.

— У нас все тихо и нет никакой суеты... — Кадан задумался, а затем добавил:

— Правда, еще вчера серафим доставил послание, в котором королевскую чету Аннемо пригласили прибыть на девятое небо, в Алмазный Дворец, и сегодня они отбыли, но до того, как ты рассказала о видении Прорицательницы, я и не предполагал, что их могли вызвать по столь серьезной причине.

— Разве ты не должен сопровождать их? Ты ведь телохранитель королевы.

Кадан отрицательно покачал головой.

— Был когда-то, а сейчас я капитан гвардии Замка Ста Башен, и обеспечиваю безопасность всего Аннемо, а не одной только королевы.

— Ты сделал карьеру.

— Да, я хорошо устроился. — Кадан чуть улыбнулся, проигнорировав скрытую в словах маски насмешку. — Ты это уже говорила. Я помню.

— Они ведь откровенны с тобой? Дай знать, что они расскажут, когда вернутся.

— Всенепременно.

Рималь уже собралась уходить, когда он спросил:

— Почему я?

— Что?

— Почему Прорицательница обратилась ко мне? — Произнес Кадан. — Я знаю, что десятки... может быть, даже сотни бессмертных венца, возвращенных Школой, живут в различных небесных мирах. Город Слив — это всего лишь второе небо. В Эдем нашу верхушку приглашают лишь по большим праздникам, а зачастую и вовсе забывают позвать. Наша знать не близка к Старшим Богам и вряд ли получит какие-либо эксклюзивные сведения о происходящем. Между тем, есть бывшие ученики Школы, живущие в более высоких мирах и имеющие куда больше возможностей держать руку на пульсе событий. Почему Прорицательница обратилась именно ко мне? Мне предназначена какая-то особая роль в том, что должно будет произойти?

— Мне об этом ничего не известно, — ответила Рималь, уходя. — Но с чего ты взял, что она обратилась только к тебе одному?

Бессмертная маска покинула Утес Воспоминаний, а Кадан вновь облокотился о перила и посмотрел вниз. Облака почти рассеялись, и теперь далеко внизу можно было различить далекие горы, зеленое полотно леса и синюю ленту реки... Как и всегда в такие минуты, Кадан ощутил легкую тоску по некогда оставленному миру людей.

«Якши не ошиблись, — подумал он. — Тучи на нижнем небе уходят на юг, и погода сегодня будет ясной.»

Огинеиз Хабул Китод, Магистр Ордена Крылатых Теней, отослал оруженосцев и вошел в ту комнату в своих покоях, что предназначалась для сна и медитаций. Вторая комната служила ему одновременно кабинетом, приемной и столовой: там был потертый ковер, стол, шкаф с книгами и две стойки с оружием. Первая же была обставлена совсем аскетично: голые стены, матрас на полу и циновка с выцветшим геометрическим узором. Скрестив ноги, Огинеиз сел на циновку. Привычно отогнав лишние мысли и настроив свой дух, он стал дышать медленнее, беззвучно повторяя мантру Беспредельного Созерцания. Это была его ежедневная практика, но сегодня она была нужна ему не только для самосовершенствования. Он хотел получить ответы, хотя и не был уверен в том, что сможет правильно сформулировать вопросы. Медитация должна была прояснить его ум — а может быть, и принести откровение.

Огинеиз происходил из семьи торговца, переселившегося в Хальстальфар из Алмазных Княжеств; он был принят в Орден в четырнадцать лет. Он был посвящен в рыцари спустя восемь лет, на корабле, перевозившем Крылатых Теней в Ильсильвар. После захвата Льюхвила он был оставлен в порту, в то время как основное войско Теней двинулось к столице. Потом пришли известия о поражении и гибели Магистра; оставшиеся в гарнизоне Тени перенесли своих раненых на корабли, забрали тех немногих беглецов с северо-запада, которым удалось добраться до Льюхвила, и спешно отплыли из бунтующего города, поднявшегося против захватчиков. В Ильсильвар приплыло четыре десятка кораблей, из Льюихвила же отошло всего шесть. Половина из них, везшая хальстальфарскую знать, повернула на восток, а те, что везли Теней, двинулись на север. Место Магистра занял Лато Хакьеден, бывший до этого кардиналом. Орден был принят на Эн-Тике, присягнул Катольду и стал восстанавливать свою численность.

Спустя тридцать лет Лато добровольно ушел из жизни — выполнил обряд Великого Дара и предал свою душу Найкэрану, Алчущему Червю. Своим преемником он выбрал Огинейза, уже достигшего к тому моменту кардинальского титула, и давно уже бывшего зрелым и опытным воином тени. Огинейз получил высшее посвящение и стал хозяином мистического орденового Ключа, однако не изменил своих привычек. Аскетика была частью его образа жизни, хотя и не всегда было легко совмещать ее с руководящей должностью. Еще будучи кардиналом он имел большое влияние в Ордене, в том числе и среди тех, кто был ему равен; он умел руководить и еще при Лато взвалил на свои плечи массу организационных хлопот, позволяя пожилому Магистру сосредоточиться на мистике. Однако только организационных талантов было недостаточно для того, чтобы занять место Магистра — Огинейз помнил об этом и не забрасывал собственную мистическую практику. Когда-нибудь, возможно, он также выполнит обряд Великого Дара и предложит свою душу одному из верховных демонов, возлежащих на Дне. Если его воля будет чиста и тверда, а дух очищен от сомнений и страхов, Темный Князь, возможно, обратит на него внимание, заберет его душу из смертной оболочки и сделает своим приближенным, а может быть, и дарует бессмертие. Крылатые Тени всегда, с самого начала Ордена, были связаны с Нижними Мирами; возникнув изначально в Алмазных Княжествах, спустя некоторое время Орден был вынужден перебраться на север — по инициативе гешского священства, местные князья регулярно устраивали охоту на Теней. В Хальстальфаре также далеко не все были довольны их существованием, однако королевская власть длительное время поддерживала Орден, получая взамен верную службу и возможность в любой момент устранить лидеров неугодных королю партий, каковых в Хальстальфаре всегда хватало. Но потом ситуация изменилась: продолжающаяся, в том числе и усилиями самих Орден, централизация власти достигла такого уровня, при котором королю стали мешать уже сами Ордена. Белый Дракон — Орден, лидером которого стал сам хальстальфарский король — распростер свои крылья над всей страной, пожрал множество благородных семей и несколько Орден, заподозренных в измене, и тогда пятеро оставшихся покинули страну, став Орденами Изгнанников.

Лато Хакъеден любил повторять, что всему суждено исчезнуть: не исключено, что если бы Убивающий возлежал на Дне, Лато предал бы свою душу ему, а не Найкэрану. Однако, Солнечный Убийца, персонификация конечной смерти и пустоты, был надежно изолирован от

мира Князьями Света, и Лато отдал себя Алчущему Червю, которого также называли Пожирателем. Огинеиз помнил о присказке Лато и признавал правоту его слов — однако, он не желал, чтобы Орден Крылатых Теней, имевший длинную и противоречивую историю, исчез бы при его жизни. Тени обожглись на Ильсильваре один раз, и хотя Огинеиз до сих пор хорошо помнил о том, как он, совсем молодой еще рыцарь, стоит на палубе отходящего от Льюхвила корабля и с ненавистью смотрит на город и всю эту страну, едва не уничтожившую Орден, и мечтает о мести — все же от того юноши Магистра отделяли тридцать семь долгих лет. Сейчас Крылатые Тени оказались перед выбором; решать ему, Огинеизу, ведь он теперь глава Ордена — однако, принять верное решение было не так-то просто, учитывая, что ценой ошибки могло стать само существование Ордена. Школа Железного Листа казалась силой, с которой Орденам справиться невозможно даже с помощью могучего бессмертного демона, в силу неизвестных причин обреченного повиноваться королю... А может, это демон обрел над ним власть? Впрочем, это не так уж важно. Как бы ни был силен Гхадабайн, ему не одолеть Школу. Поэтому разумно было бы отказаться от похода и убить короля, устроить государственный переворот на Эн-Тике и посадить на трон более здравомыслящего монарха. Огинеиз Хабул Китод, несомненно, отдал бы этот приказ, если бы не внезапная перемена, произошедшая с Элгаром Атфитритом, лунным бессмертным. Магистр Полумесяца, поначалу категорически отвергавший мысль о вторжении, вдруг сделался ее сторонником; возможно, что и на него повлиял браслет, отданный Энкледом — однако, Огинеиз сильно сомневался в том, что один бессмертный так легко способен подчинить другого. Дело было в чем-то еще, однако не оставляло сомнений, что Элгар этого похода желает и будет добиваться его осуществления, даже если погибнет Энклед: таким образом, убийство монарха ничего не давало Теням — нового короля Элгар постарается перетянуть на свою сторону и вторжение все-таки будет осуществлено, хотя и позже. Тени получают ссору с Полумесяцем, к Элгару присоединится Тидольф — слишком благородный и слишком верный клятве, чтобы закрывать глаза на предательство короля; Тарго пойдет за Тидольфом, а Лейнар Гельхаен, обычно склонный к интригам и нейтралитету, увидев расклад, присоединится к более сильной партии — либо, в лучшем случае, останется в стороне. Огинеизу не хотелось междоусобицы — очевидно, что на этом пути Крылатых Теней не ждало ничего хорошего. Можно было не трогать короля и просто отказаться от участия в походе: однако, с большой вероятностью, это означало необходимость подыскивать себе новый дом,

поскольку Энклед не замедлил бы обвинить Теней в измене и нарушении присяги, что, в свою очередь, вызвало бы раскол уже внутри самих Теней, так как, и в этом Огинеиз был уверен, среди молодежи найдется немало желающих отправиться в славный военный поход на материк. От многих пришлось бы избавляться, бежать из Асфелосты (куда?), искать себе новый дом и заработать репутацию трусов в том случае, если вдруг, каким-то образом, четыре оставшихся Ордена и энтикейцы добьются победы. Кто знает, вдруг Школа не станет вмешиваться в войну на этот раз? Ведь Ильсильвар за свою историю пережил множество войн, а Школа открыто влезла в его политику лишь два раза; были другие захватчики и другие войны, которые она не пыталась остановить. Попытка избежать войны могла обернуться для Крылатых Теней в стратегической перспективе таким же сокрушительным поражением, как и неудачное в ней участие. Требовалось все взвесить и принять решение, однако, чтобы это сделать, Огинеизу нужно было лучше понять, какая именно сила желает этой войны. История о предке короля, выковавшего волшебный браслет для управления бессмертным — скорее всего, ложь. Но что, если Князя Демонов желали этой войны, а Гхадабайн был их посланцем? Ильсильварская ересь могла раздражать их не меньше, чем Князей Света. Нужно понять волю тех, с кем была связана сила орденового Ключа — понять и учесть при вынесении решения.

Ум Огинеиза погружался вниз, в бездонные ущелья, в ямы, в которых таятся слепые змеи, в подземные пещеры, населенные устрашающими созданиями тьмы. Сквозь мутный дым и кружащийся пепел, сквозь ядовитый пар и миазмы Преисподней — вниз, все глубже и глубже, дорогами призраков и теней, путями, могущими быть открытыми лишь тому, кто верно настроил свой дух. Духовное путешествие Магистра не состояло в одном лишь созерцании Нижних Миров: эти Миры жили в нем, и проникновение в них одновременно означало и проникновение в глубины своей собственной души. Каким-то непостижимым образом внешнее и внутреннее сходились воедино: внутри самого себя Огинеиз видел Сальбраву, величественную и необъятную, токи ее энергий были его кровью, ее скалы — костями, ее воздух — воздухом в его легких, ее обитатели — его напряженными нервами. Сходя вниз, в миры демонов и внутрь себя самого, там, в глубинах собственной души он обретет искомое знание и отыщет ответы: услышит эхо голосов тех, кто возлежит на Дне или тех, кто к ним приближен, и поймет, каково участие Тьмы в предстоящем походе и в чем состоит замысел Князей Дна — если, конечно, таковой замысел относительно Ильсильвара у них вообще есть.

Он погружался все ниже, но не достиг еще и середины пути, как ощутил взгляд и присутствие. Ядовитых миазмов стало больше, незнакомые тени танцевали в дыму, сочились соком странные растения в зловещих темных лесах. Созерцая все это, одновременно Огинеиз увидел себя в своей комнате, в Асфелосте. Комната изменилась: тени танцевали и тут, стены искажались, словно состояли из плавящегося воска, а там, где они оставались целыми, по ним, словно струйки черной воды, скользили проворные змейки. Ощущение присутствия усилилось, пространство смотрело на Огинеиза со всех сторон, и от этого взгляда было не скрыться; ему показалось вдруг, что великан с глазами, расположенными на стенках желудка, проглотил его и теперь разглядывает, одновременно переваривая, и что Нижние Миры, которые созерцал Огинеиз, были не только частью его души, но и частью души великана, и что великан, безусловно, имел над ними куда большую власть, чем он. Его сознание искажалось, а порядок вещей становился другим; в какой-то момент он понял, что получит ответы, которые искал, но прежним уже не будет. Он осознал вдруг, что на совете Магистров видел лишь один из множества обликов Гхадабайна, и что этот демон намного сильнее, чем ему показалось тогда.

— Огинеиз... — Прошептала тьма. — Огинеиз Хабул Китод, я помню тебя...

Перед внутренним взором Магистра вдруг пронеслась картина из далекого прошлого: носилки с раненым министералом, полевой госпиталь под Льюхвиллом, и мальчик четырнадцати лет — новобранец, помощник лекаря — выполняющий тяжелую и грязную работу, полагающуюся новичку. В какой-то момент их глаза встречаются, и во взгляде мальчика клубится та же темнота, которая смотрит на него сейчас со всех сторон и от которой невозможно спрятаться или убежать, и Огинеиз не знает: искажается ли его память, или же, напротив, он вспоминает то, на что не обратил внимание тридцать семь лет назад, упустил из виду, забыл, не захотел замечать. Действие замирает, взгляд длится и длится, остальные части картины — госпиталь, раненные, собственные бытовые заботы и мысли тогдашнего Огинеиза — все это тает и растворяется в тенях, и в конце концов в них растворяется и сам мальчик, и остается только его взгляд.

— Огинеиз... — Шепчет тьма. — Приди ко мне. Будь со мной. Ты так долго искал меня, не зная, что ищешь. Теперь ты нашел.

— Да. — Отвечает Магистр, ибо происходящие в его внутреннем мире перемены таковы, что он не смог бы ответить отказом, даже если бы захотел. Но он не хочет. В этой темноте, одновременно убивающей его и

наполняющей его своим соком, своей силой и цельностью, он наконец обретает понимание того, что происходит. Грядет новая война, она затронет все миры, и небеса, и преисподнюю, и война в Ильсильваре — лишь крошечная часть этого вселенского конфликта, предсказанного пророками давным-давно.

— Они не знают, — шепчет тьма, и Огинеиз понимает, что речь теперь идет о прочих Магистрах. — Они еще слепы и не способны понять. Но ты не таков. Ты выбрал верно, и твой прежний путь окончен. Будь со мной. Служи мне, и я дам тебе все.

...В Джудлисе, столице Эйнавара, Речного Королевства, в уютном двухэтажном домике на Кривоклонной улице, второй час шел обыск. Джанго Хабера Эйка, толстого пожилого звездочета, прибывшего в столичный Университет менее года тому назад для чтения лекций по астрологии и подозреваемого ныне в распространении еретической литературы, уже увели. Профессор все отрицал, рассказывал сказки о том, что ильсильварские книги нужны ему для работы, а если и есть среди них что-то запретное, то исключительно в единственном экземпляре и только для нужд самого Джанго...

— Для каких это нужд вам понадобились еретические книги? — Презрительно спросил у него Шенар Ульвейн, жрец Мольвири.

Джанго, запинаясь, заныл о том, что понадобились ему эти книги лишь для того, чтобы в спорах с еретиками опровергать их ложные учения всестороннее, с цитатами и подробным разбором нелепостей и подлогов, обычно грудой наваливаемых еретиками в своих сочинениях. Шенар слушал, усмехаясь и кивая, а в это время сыщики под началом Монтара Кардельта, лейтенанта Белого Братства, уже обнаружили в доме два тайника, содержащих три полных рукописи запрещенной «Истории Духа» и одну незаконченную. Не оставалось сомнений, что звездочет из Алмазных Княжеств был тайным лекханитом — сторонником возникшей в Ильсильваре ереси, названной так по имени короля Лекхана Гнилоуста, открыто говорившего о том, что люди превосходят богов — ереси, пустившей свои отравленные побеги в самых отдаленных частях света. Монтар приказал своим людям надеть на южанина колодки и увести его в цитадель Братства, где еретику предстояли долгие дни и ночи утомительных допросов, а возможно — и пыток разной степени тяжести прежде, чем состоится суд. Сам лейтенант остался в доме, ибо обыск еще не был закончен.

Все найденные бумаги — от записок экономки до алхимических трактатов — сыщики несли в кабинет. Жрец сидел за столом и просматривал найденное, Монтар прогуливался по дому, следя, чтобы его подчиненные ничего не украли. Позже составили опись драгоценностей и денег, сложили все в ларец, который Монтар мог забрать с собой — что он и сделал, после чего проследовал в кабинет и занял второе кресло. Дом уже перетряхнули весь, теперь простукивали — а кое-где и ломали — полы и стены.

— Взгляните, лейтенант, — Шенар протянул рыцарю-монаху увесистую книгу.

Монтар взял ее, открыл и на титульном листе увидел имя автора и название: это была «Священная история», написанная знаменитым Гешским богословом Кардом Хелькетом. Недоуменно посмотрел на жреца. «Священная история» была одобрена Гешским первосвященником и рекомендована для распространения в университетах и школах как в странах, окружавших Геш, так и в нем самом.

— Вы посмотрите, что там внутри, — устало произнес жрец. — Благочестивые писания святого Карда перемешаны с богохульными фантазиями лекханитов. Одна глава без искажений, другая искажена, третья написана неизвестно кем и вставлена в текст так, как будто бы принадлежит Карду, четвертая, напротив, вовсе вычеркнута из книги... У этих вырожденцев нет ничего святого — не в силах создать ничего достойного, ядом своих мерзких измышлений они оскверняют чужие труды, выдавая ложь за истину и не гнушаясь содеянным, подписывают свою богохульную отрывку именем святого!

Жрец тяжело вздохнул и стал просматривать следующую книгу. Монтар пролистал страницы «Священной истории». Жрец был прав, и ему самому, образованному и начитанному лейтенанту Белого Братства, не составило труда увидеть подлог. «Священную историю» он знал едва ли не наизусть и сейчас хорошо видел, где рука еретика-компилятора поработала над ней. Монтар вернулся в начало и, пролистнув несколько первых глав, подвергшихся незначительной обработке, наткнулся на большую вставку из какого-то еретического трактата. Чтобы чем-нибудь занять время, он стал читать...

...Когда Светила сотворили первое поколение бессмертных, Сальбрава была безвидна и пуста. Кости мира лишь обрастали плотью реальности и время еще не дробилось на мгновения между былым и грядущим. Наделенные великой свободой и великой властью, юные боги творили миры, ведь в их сердцах кипела сила анкавалэна, сообщенная им тремя

Светилами.

Поначалу Князья были всего лишь инструментами и энергиями Светил, но чем полнее и совершеннее становилась Сальбрава, тем большую обретали они независимость от тех, кто прежде был источником их силы и самого существования. И в сердцах некоторых из них зародилось желание вовсе избавиться от власти Светил, завершив творение и связав себя с ним вместо связи с тремя Изначальными.

Неизвестно, смогли бы они добиться успеха, но Светила прознали об их замысле и пришли в беспокойство. Заключили Изначальные между собой договор, согласно которому следовало им отнять у бессмертных анкавалэн и дали клятву, что никогда более не станут творить новых бессмертных.

Покорившись воле Светил, Князья отказались от своего могущества и, отвергнув его, до краев наполнили божественной творящей силой золотую чашу в сердце Сальбравы. Однако творение еще не было завершено и для того, чтобы закончить его, позволяли Светила Князьям приближаться к чаше и вдыхать пары божественного напитка. Так бессмертные на короткое время обретали прежнее могущество и приближали Сальбраву к завершению.

Но каждое из Светил втайне от других возжелало завладеть чашей и поглотить ту силу, что была в ней заключена, ведь так можно было бы обрести абсолютную власть и более не считаться с мнением двух других Изначальных. Впитай какое-либо из Светил анкавалэн, Сальбрава была бы уничтожена и все вернулось бы к хаосу, но Светил это не страшило, ведь всегда можно начать творение заново.

И приказало каждое из Светил своим бессмертным искать пути к тому, чтобы завладеть Чашей, творить оружие и атрибуты войны, пленять и убивать Князей, рожденных иными Изначальными.

Так началась первая война и была она долгой и ожесточенной. Горели миры, сходились в битвах легионы ангелов и демонов, оттачивалось искусство истребления. В тоже время, сердца и души Князей становились все менее доступными для прямого взгляда и прямой власти Светил. В их среде вызревал заговор.

Пока силы были равны, ни одна из сторон не могла подобраться к Чаше и забрать ее из того места, где она находилось. Но случилось так, что Лунные Князья заключили союз с Солнечными и сумели уменьшить власть Темных — настолько, чтобы забрать Чашу. Солнечные ликовали, полагая, что одержали вверх, ведь на словах Лунные соглашались быть вторыми, признав первенство Солнечных. Однако, это была лишь уловка: Темные отступили от Чаши потому, что сами еще прежде заключили договор с

Лунными. И поэтому, когда неприступность Чаши была нарушена и стало возможным ее забрать, Темные вернулись и вместе с Князьями Луны прогнали бессмертных Солнца.

Тогда начался между ними спор, ведь Темные хотели отдать Чашу Горгелойгу, а Лунные — своей госпоже, но кроме верных Изначальным, также были в каждой из партий те, кто призывал отбросить власть Светил и выпить анкавалэн самим. Спор перерос в новый бой, и вышло так, что Темные одержали вверх, ибо была причина, по которой мятежники сражались с Лунными, но не обращали оружия против Темных. Чашей завладели вернейшие фавориты Горгелойга. Однако до поры им было неизвестно, что среди них находится мятежница, ибо до сих пор эта мятежница ничем не выдавала себя. Завладев Чашей, она заменила Чашу с анкавалэном на другую, во всем подобную ей, наполненную ядом, ибо такова была сущность Отравительницы, Матери Демонов и Владычицы Ядов — предательство, яд и обман. А чтобы предать отраве вид и запах анкавалэна, бросила Отравительница туда одну каплю божественного напитка из подлинной Чаши.

Горгелойг осушил кубок и вскоре тяжелое забытие овладело им. Но Отравительница и мятежники не успели воспользоваться плодами своей победы. Дворец Темного Светила содрогнулся от натиска Князей Света, и само Солнце поразило спящего властелина тьмы. Горгелойг был выброшен прочь за пределы мироздания, но прежде, чем случилось это, он проклял Сальбраву и творящей мощью той капли анкавалэна, что содержалась в отраве, сотворил нового бессмертного, Убивающего, бывшего могущественнее всех прочих, ибо в отличии от других, никогда не жертвовал Убивающий своей силой и не помещал ее в Чашу. Но о его появлении долгое время знали лишь немногие.

Не смотря на победу, не достигли Солнце и его бессмертные желаемого, ибо в ходе штурма и битвы опрокинулась подлинная Чаша и дождем пролился священный анкавалэн на землю.

Тогда Солнце предложило Князьям Тьмы союз — без силы напитка не могло оно владеть всей Сальбравой, не уничтожив ее, но порождения Горгелойга должны были признать первенство небес и их порядок. Часть Темных Князей приняла этот союз — могущественные властители, они возлегли на Дне и стали владеть темной половиной мира. Но тьма, лишенная своего источника, Горгелойга, поставленная на колени и принявшая условия света, во многом перестала быть тем, чем была она прежде. Тогда-то и заговорили о том, что тьма не содержит собственной силы, но является отсутствием или недостатком света.

Другая часть Темных Князей не приняла условия победителей. Они сокрыли последнего бессмертного, рожденного Горгелойгом, возвели цитадель Шейдобх и начали готовиться к новой войне.

Победители долгое время не обращали на них никакого внимания, ибо были заняты восстановлением разрушенного мироздания и расправой над Луной и ее Князьями. Золотую Чашу, в которой прежде находился анкавалэн, Солнце переплавил своим жаром, превратив в ужасающий Серп. Солнце не могло поступить с Бледным Светилом также, как поступило некогда с Горгелойгом, ибо лишив Темное Светило бытия, оно повредило Сальбраву, и если бы подобное повторилось с Луной, ущерб, нанесенный мирозданию, мог бы стать невосполнимым. Поэтому, используя мощь Серпа, Солнце заключило свою сестру и ее Князей в Лунных сферах, сотворив гигантскую темницу, парящую в небесах.

Отравительница стала одной из Последовавших за Темным Светилом и приняла участие в возведении Шейдобха. Братья не подозревали о ее предательстве и не знали об яде, поданом Горгелойгу под видом анкавалэна. Тем временем, Убивающий рос, и отголосок его страшного могущества все больше беспокоил Солнце и его Князей, ибо они помнили последнее проклятье Горгелойга, согласно которому Солнечный Убийца когда-нибудь пожрет их всех. Так началась Война Остывших Светил, война между Последовавшими и Князьями Света, ибо два из трех Светил к этому времени были лишены возможности действовать, а Солнце долгое время не вмешивалось в битву. Во время этой войны давнее предательство Отравительницы раскрылось, и верные Горгелойгу изгнали ее из своей цитадели. Позже Солнечные Князья отыскали ее и убили, и Морфъегульд, столица ее адского королевства, был превращен в руины. Вскоре был взят и разрушен Шейдобх, а Последыши — преданы казни.

Известие о том, что священный анкавалэн из золотой Чаши был пролит на землю, обеспокоило богов, ведь это означало, что когда-нибудь их смертные творения смогут осознать и пробудить спящую в них силу, и возвысятся над богами и Светилами. Не смотря на победу над Лунными и Темными Князьями, власть Князей Света начала приходить в упадок, ибо не было больше Чаши, ароматом которой они могли бы питаться. И вот, обратились они за советом к Гайгевайсу, Небесному Советнику.

«Станем сильны их силой, — оглядев землю, произнес тогда Гайгевайс. — А люди пусть станут святы нашей святостью. Пусть они воздадут нам поклонение и воздвигнут храмы — так мы вернем себе анкавалэн, заключенный в их душах, достигнем наивысшего могущества и навечно установим мудрое и справедливое управление мирозданием. Не с

отдельными людьми будем говорить мы, но со всеми сразу...»

И склонились боги к его словам, и стали боги — богами...

Но, создав религию, оказались они подвержены человеческим слабостям, ибо, даже отведав анкавалэна, люди так и не утратили своей животной сути, к которой подмешивались темные страсти, внушенные смертным Князьями Тьмы и их прислужниками.

И по мере того, как росли бисуриты богов, мощью анкавалэна наращивая плоть миров, оживляя и наполняя силой прежде пустые Сферы, проникали в сердца богов жадность и лень, стяжательство и равнодушие...

Так смешалось земное, небесное и демоническое...

Монтар закрыл книгу. Он чувствовал раздражение.

Он хорошо помнил, как выглядела эта глава в оригинале. Священная сила анкавалэна всегда принадлежала тому, кто совершенен и свят. Луна и Горгелойг питались крохами от избытка безграничной силы Золотого Светила, но даже эти крохи они утратили, вступив с ним во вражду. Светлые Князья никогда не лишались силы, потому что она никогда им и не принадлежала — они владели высшей властью, получая ее от Солнца и могли делиться этой властью с людьми, верными им.

Луна и Горгелойг давным-давно повергнуты, но слуги их не перестают распространять ложь в мире людей. Вся их надежда — отвратить смертных от Света, поглотить те крохи силы и высшей власти, что дается людям от божественных щедрот. Люди в своем большинстве, исключая праведников, не способны пользоваться этим богатством, но духи зла — способны, и вот, они порабащают людские души для того, чтобы вернуть себе власть, отнятую у них после поражения.

Монтару нравилось читать настоящую книгу Карда Хелькета — там все было связно и целостно. Вместо еретических выдумок и запутанных интриг — чистота прямого и ясного пути: будь верным сыном Света и тебя ждет вечность блаженства, божественная слава и власть, скатись в ересь богоборчества — и ты будешь обречен на мучительное посмертие, станешь рабом и пищей обитателей ада.

Монтар встал и позвал в комнату двоих солдат, приказав им выносить во двор книги и бумаги, которые уже просмотрел жрец, и складывать их там в кучу.

Огонь — символ Солнца, и он пожрет еретические измышления также, как некогда единственный из Изначальных, заслуживающий поклонения, обратил в ничто тех, кто желал затмить собой Свет.

Глава пятая

Руины Морфъегульда лежат передо мной – изгрызенные временем, мертвые, неподвижные – и чувства, томящиеся в моей груди, подобны чувствам родителя, созерцающего скелет своего ребенка. Я многое отдал этому городу.

Окруженный темным облаком, я спускаюсь вниз, к разрушенным стенам и основаниям башен, похожим на расколотые зубы, к засыпанным подземельям, к рухнувшим стеллам, к обращенному в груды камней дворцу.

Я замираю на возвышении, раскачиваясь, перетекая из облика в облик, меняя пол, форму тела и самосознания столь непринужденно, что даже не замечаю этого. Память и ненависть соответствуют моему женскому началу, решимость и расчет – мужскому. Поэтому, вспоминая о том, каким этот город был прежде и решая, как восстанавливать его сейчас, я проявляю непостоянство в своих обликах. Наконец, цели определены. Я становлюсь бесполой тварью, похожей на фигуру темнокожего человека, соединенного в одно целое с клубком змей, распространяю свою силу на этот и соседние слои преисподней, тянусь...

Морфъегульд был сожжен и разрушен, как и множество моих миров, скрытых в сегментах моего духовного тела, но теперь пришло время для возрождения. Сила бурлит, как кипящее масло, касаясь потайных хранилищ и путей тех душ и духов, что мне подвластны. Неисчислимое множество разнообразнейших созданий откликается на мой зов – они тянутся ко мне, меняются, мучаются, умоляют и восторгаются. Я помогаю им обрести тела и посылаю восстанавливать город. Я дам новую жизнь народу демонов, некогда обитавшему здесь.

Каналы, по которым в Морфъегульд стекалась энергия, так же были разрушены либо замусорены. Я расчищаю и восстанавливаю их. Пустые жилы мировой плоти наполняются силой, вибрируют и сжимаются, перегоняя потоки мощи. Над давно потухшими углями я разжигаю пламя, и длинные языки его танцуют, открывая взгляду бесцветные провалы в темноту. Я впитываю силу этого огня, который не был огнем, и насыщаюсь...

Оставив демонов и джиннов отстраивать Морфъегульд, я шагнул туда, где камни истекали цветами, а небеса плясали в потоках серого ветра — на

встречу со своими братьями...

...Главный храм Мольвири располагался на гряде холмов вблизи Ургилия — небольшого городка на территории Геша. Хотя в Речном Королевстве, в Хальстальфаре, в Марглальде, в Ресте, в тех Алмазных Княжествах, которые приняли веру Мольвири, также имелись роскошные и известные храмы, Ургильский храм по праву почитался самым великолепным и наиболее значимым среди прочих. Помимо основного собора, способного вместить более десяти тысяч молящихся, здесь же находился крупнейший монастырь Мольвири, полный трепетных послушников, деловых монахов и благочестивых старцев. Монастырь в достатке располагал землями, лесами, пастбищами, деревнями и гостиницами для приезжих.

Собор и окружавшие его здания утопали в зелени. Аккуратные дорожки из мелкого гравия между рядов постиженных деревьев и кустов.

Бесплотным духом Лицемер проник на территорию храма, опустился неподалеку от центрального входа в собор, перешел в новоукраденный человеческий облик и вошел в храм.

Статуэти и изображения Мольвири глядели на него со всех сторон, но он не стал бы опасаться быть обнаруженным даже в том случае, если бы вошел в храм в своем подлинном, а не чужом облике. Эта богиня слепа. За ее образами нет первообраза, отраженно присутствующего в священных изображениях. Ее сила отделена от своего источника и поставлена в условия, когда она вынуждена имитировать присутствие божества. Никакой другой культ не мог стать лучшим полем деятельности для мастера кукол и повелителя марионеток.

Лицемер пересек зал, и подошел к тучному, начинающему сидеть, жрецу среднего ранга. Жрец тихо молился, меняя масло в светильнике перед изображением Мольвири.

— Благословите, святой служитель, — обратился к нему Лицемер. — Ибо я грешен и желаю раскаяться.

— Служба будет вечером, — бегло поглядев на посетителя, ответил жрец. — Тогда и приходите, вместе с другими кающимися.

— Не могу ждать до вечера, достопочтенный, ибо грех мой гнетет меня и давит. Подозреваю я в своего брата в дурном деле и таю на него злобу. Не знаю, дотерплю ли до вечера и не сотворю ли с ним что-нибудь такое, о чем после стану жалеть... Прошу вас, выслушайте мой рассказ, примите мое покаяние, дайте отеческий совет и успокойте наконец мою душу.

Жрец вздохнул.

— Ну что ж, пойдёмте...

Они отошли в правую часть храма, в отделение за занавеской, предназначенное для исповедей и духовных бесед наставников с их чадами. Единственный стул тяжело закрипел, когда жрец устраивал свой тучный зад на сиденье; Лицемер сел у его ног.

— Что же случилось, друг мой? — С хорошо усвоенной за годы тренировок, дежурной лаской поинтересовался жрец. — Расскажите обо всем по порядку и ничего не утаивайте. Прежде всего, как вас зовут?

— Гид-на-Шейеф, — ответил Лицемер. На языке мидлеев, первых людей, сотворенных богами, это имя означало «Крадущий Лица», но в мире смертных этот язык был забыт уже многие тысячи лет.

— Какое странное имя, — заметил жрец. — В какой стране детям дают такие?

— В далекой стране, достопочтенный.

— Как же она называется?

— Хауко. (Прошное)

— Никогда о такой не слышал... Так что же произошло между тобой и твоим братом, друг мой?

— Нашего отца звали Ханво-на-Кейо (Изначальный Мрак). У него было много сильных сыновей и гордых дочерей. Однако, наша семья не была дружной и мы часто враждовали друг с другом. Вышло так, что против нас выступил иной род, происходивший от Ханво-на-Зейна (Изначальный Свет). Нас сокрушили — одних истребили, других обратили в рабство, меня заточили на долгие годы в тюрьму. Не так давно мне удалось вырваться, и что я узнаю? Один из моих братьев, Дар-гун-Уллеи (Хозяин над Куклами), сумел избежать всех неприятностей — не погиб, не был искалечен, не был пленен или порабощен — но при том за все прошедшее время не сделал ровным счетом ничего, чтобы помочь своим попавшим в беду родичам. Более того, теперь, как оказывается, мой брат работает при дворе Ханво-на-Зейна: чистит его животных, седлат лошадей и дрессирует собак. Поневоле напрашиваются неприятные подозрения о том, Дар-гун-Уллеи предал свою семью, а от этих неприятных подозрений возникает желание причинить ему какое-нибудь зло. Видите, достопочтенный, какие сомнения грызут мое сердце.

— Брат мой, — обратился к Отцу Лжи устами жреца Кукловод. — Ты все не так понял.

Несколько секунд Лицемер разглядывал стоявшее перед ним существо. Жрец не изменился, разве что самую малость. Теперь он казался еще более

приторным и выученным, чем прежде: Кукловод подавил остатки самостоятельной личности и усилил свое присутствие в том, кто и без этого принадлежал ему почти целиком.

— «Не так понял»? — Переспросил Лицемер. — Я так не думаю. И тем не менее, я готов выслушать твои объяснения.

— Мы неправильно действовали, — вкратчиво сказал Кукловод. — Слишком грубо. Шли напролом. Хотя стоило бы понять, что после низвержения Властелина меряться силами с Солнечными Князьями бессмысленно. Солнце дает им силу от своего избытка, у нас же такового источника больше нет. Однако, видишь ли, они не захотели удовлетвориться некоторым преимуществом, полученным в результате победы, а пожелали вернуть себе утраченную сверхъестественную мощь. Для этого им понрадовались люди. И вот тут-то и появляется возможность их обыграть. Боги не могут допустить появления свободных и сильных людей, потому что пусть даже часть этих людей и выберет Свет, другая часть сделает иной выбор, а сами боги в любом случае отойдут на второй план, уступив первенство новым носителям анкавалэна. Им нужны покорные слуги. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы наладить мостик от идеала пусть и недалекого, но верного и по-своему благородного слуги — к реальности раба, считающего свое рабство каким-то особенно благородным и высоким состоянием духа, прославляющего свою ничтожность и бессилие, желающего везде и во всем следовать высшей воле, а свою волю полагающего нечистой и вредной. Религия, изучению и совершенствованию которой я посвятил все последние века, таит в себе колоссальный потенциал. Рабы были и будут, но только благодаря религии можно заставить множество людей желать для себя, для своих детей и ближних рабского состояния. Это потрясающе, брат мой!.. Они сами желают служить, сами желают быть одинаковыми — потому что у них есть вера в идеальный образ, которому они хотят во всем соответствовать, и есть высшие господа, чью волю они хотят исполнять, избавляясь тем самым от необходимости принимать самостоятельные решения. Разве это не великолепно?.. Я осознал вдруг, что что культам Солнечных Богов следует не противостоять, а холить их и лелеять, и всячески помогать им развиваться. Я ходил по земле, я сам был бродячим проповедником. Я зажигал веру в людских сердцах — равно как и огонь на кострах неверующих. Я был Мелдвигом Прорицателем и Эркшем Богоизбранным, Ваксилем Святолюбивым и Гиром Сокрушителем Еретиков...

— Я так и думал, — холодно проговорил Лицемер. — Ты нашел для себя теплое местечко в новом мире и забыл про остальных. Забыл наш

союз и наши клятвы.

— Брат, я ничего не забыл...

— Ты хочешь обмануть меня, Князя Лжи?! Я слышу фальшь в твоём голосе слишком отчетливо.

Кукла вздохнула.

— Это всего лишь голос пожилого жреца, утратившего веру за долгие годы молений, но столь сильно привыкшего служить и молиться, что он уже не способен и помыслить свою жизнь в каком-либо ином виде. Привычка вместо веры, имитация богообщения вместо реальной мистической связи — именно об этом я и говорю. Конечно, в этом есть элемент лжи, и неудивительно, что ты его ощущаешь, но эта ложь принадлежит моей кукле, а не мне. Я абсолютно искренен.

Лицемер повернул голову и бегло оглядел храм.

— Оставим в покое вопрос о твоей искренности. — Бросил он безразличным тоном. — Каким образом, по твоему мнению, имитация духовной связи с богиней, которая настолько не хотела создавать собственного культа, что оказалась запертой в тюрьме под Слепой горой — способна помочь вернуть нам величие и власть? Я вижу в этом выгоду только для тебя, но не для всех нас.

— А в чем заключается «наша выгода», брат мой, Крадущий Лица? Воскреснуть, затеять новую войну и вновь потерпеть поражение? Я не вижу в этом никакой выгоды. Нужно действовать иначе. Солнце захотело владеть всем? Пусть так и будет... до тех пор, пока оно не поймет, что не мир меняется под него, а оно — под мир. Бытие больше любого из Изначальных, и только владеющий анкавалэном может владеть всем. Но анкавалэн у людей, а в людях скверна. Пусть скверна проникает в богов от людей — пока белое и черное не смешаются до неразличимости и каждый не займет в мироздании то место, которое определит для него инерция его собственной природы.

— И что тогда? — Бесстрастно спросил Лицемер. — Все покорится тебе? Ты этого жаждешь?

— Иначе невозможно вернуть Властелина, мой брат, а без достижения этой цели все прочие цели теряют смысл. Ты ведь не хочешь уничтожить все сущее? А ведь именно этим все и закончится, если будет низвергнуто еще одно Светило. Недостаточно поразить наших врагов — для победы нам необходим Тот, Кто был источником нашей собственной жизни. Если я обрету высшую власть в Сальбраве, если подчиню инерции и привычке каждое живое существо, если сумею установить для каждого то идеальное правило, которое подходит только ему и целиком охватывает всю его

жизнь, все его чувства и мысли — я сумею вернуть Горгелойга.

На этот раз Лицемер некоторое время молчал, прежде чем ответить.

— Сильно сомневаюсь, — сказал он наконец. — Что это желание будет владеть тобой, мой брат, если ты достигнешь наивысшей власти. Ведь подлинный источник силы — не Светило, а анкавалэн, и где пребывает теперь этот источник, нам обоим прекрасно известно. Властелин мог бы дать бытию верный порядок, но к чему тебе чужой порядок, если ты хочешь установить свой собственный, совершенно идеальный?

— Ты ошибаешься, подозревая меня в предательстве, — недовольным голосом произнесла живая кукла. — У меня свои пути, а у тебя свои. У нас одна цель, но ты завидуешь мне: ведь я сумел избежать кары и преуспел в нашем деле более, чем все вы, вместе взятые. Благодаря моим усилиям религия Солнечных стала такой. — Жрец сделал широкий жест, охватывая все пространство храма. — Благодаря моим усилиям боги разочаровались в людях и ушли на небо. Благодаря моим усилиям своевременно устранялись все члены Школы Железного Листа, слишком близко подошедшие к овладению силой анкавалэна — и поверь, иногда мне это стоило весьма больших жертв!

— Чего будут стоить твои усилия сейчас, когда настоящая Мольвири освобождена? Она вернет себе власть над культом и очистит его — не думаю, что ей, богине чистоты, будет сложно это сделать.

— Сложно? Невозможно! Она лишена почти всей своей силы. Стоит ей коснуться своего бисурита — как культ поглотит ее и она станет тем, кем ее считают. Силы несоизмеримы: она ничего не сможет противопоставить мне... а вернее — той себе, которую я слепил из ее образа, людского раболепия и жажды власти, присущей ее братьям.

— Что произойдет, когда ты ее поглотит? — Спросил Лицемер.

— Не знаю. Никогда прежде я не проделывал подобного. Надеюсь, что получу доступ к силе Солнечной Княгини и смогу хоть пользоваться ею, хоть выворачивать наизнанку — также, как Солнечные вывернули наизнанку силу нашего старшего брата...

— Пока ты чересчур не увлекся фантазиями, — перебил брата Лицемер. — Расскажи мне о том, почему твой Камень Воли не бросили в Озеро Грез. Или не вывернули твою силу. Или не...

— Я хорошо умею прятаться.

— А Князя Света хорошо умеют искать.

— Брось, братец... — Рот куклы растянулся в неестественной улыбке. Изображение веселья без смеха, без чувства. — Было время, когда ты сам успешно дурил им головы. Они наивны. И их союз совсем не так

монолитен, как кажется.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказал, — ответила кукла после короткой паузы. — Не все из них любят друг друга. Не все из них искренни.

— Расскажи мне об этом.

— Слишком долго пришлось бы говорить. И есть слишком много нюансов, о которых рассказать не так-то просто.

— Ты заключил с ними союз?

— Какой может быть союз у слуги с господином? Те из них, кто знает обо мне, мнят меня своим слугой.

Лицемер долго молчал, а затем сказал:

— Какое место в твоём великолепном плане отводится нам — тем, кто восстал из мертвых? Я, быть может, и первый, но точно не последний.

— Я еще не думал об этом.

— Каждый раз, когда ты лжешь, я ощущаю прилив сил, — произнес Отец Лжи. — Неужели ты делаешь это специально, чтобы помочь мне побыстрее восстановить силы?

— Брат... я не могу тебе ничего посоветовать. Действуй как знаешь. От себя я готов предложить любую помощь, которая не пойдет вразрез с моими собственными планами. Я не буду выступать открыто — в этом я не силен, ты знаешь — но могу дать тебе множество своих кукол. Могу помочь даже организовать культ Убивающего... Кстати, и в самом деле — почему бы и нет? Возможно, так мы сумеем до него дотянуться.

— Это и есть твоё предложение? — Холодно спросил Князь Лжи.

— Ничего лучшего не приходит в голову.

— Хорошо, что первым вернулся именно я, а не Безумец или Палач. Они бы могли согласиться на это, — мертвый голос Лицемера прозвучал, как колокол на кладбище. — И были бы вскоре обнаружены и вновь уничтожены.

...Как старую кожу я сбросил облик темнокожего человека, соединенного с клубком змей, и стал мужчиной зрелых лет с тонкой белой кожей, сквозь которую просвечивает черная паутина вен. Лицо — почти такое же, как было у меня-Льюиса до того, как он соединился со мной-Князем. Легкие черные доспехи с лиловыми и темно-зелеными бликами, перчатки со сложным узором, плащ из теней и сумрачный ореол ядовитых испарений.

Лицемер вступил на остров в облике пожилого мужчины, но теперь он

также изменился. Маска из плоти пропала, открыв равнодушную серую маску из камня — его единственное лицо, которое можно было бы назвать настоящим. Сгорбленная фигура и клюка в руке — все как обычно.

Островок, где мы стояли, был совершенно безжизненным. Цвета сползали с камней и текли по земле, а на их месте возникали новые сочетания цветов и оттенков. Освещение постоянно менялось, хотя тут не было ничего, что могло бы светить. Вокруг острова кружил серый смерч, а мы вместе с островком как будто бы попали в глаз бури.

— Ты отыскал Крысолова? — Спросил меня Лицемер.

Я покачал головой.

— Нет. Никаких следов. Я убил тысячу крыс, проникнув в душу каждой из них по множеству путей, открываемых с помощью сложных духовных отрав. Ничего. Наш брат либо затаился слишком глубоко в своих бисуритах, в крысином Целом, либо давным-давно убит. Я полагаю, что вероятнее второе. Будь он жив, он бы как-нибудь себя проявил.

— Может быть, еще проявит.

— Да, было бы неплохо. А что с Кукловодом? Ты его нашел?

Лицемер кивнул.

— Что с ним? Почему он не здесь?

— Я не уверен в его лояльности, — с неохотой ответил Лицемер. — Он захватил культ Мольвири и морочит головы жрецам, выдавая свои нематериальные конструкты за ее божественные явления. Похоже, ему хорошо и комфортно. Новой войны он не хочет. Кроме того, по-прежнему неясен вопрос о том, как он сумел выжить и уберечься от мести. Хотя он пытается делать вид, будто обдурил Солнечных, я подозреваю, что была заключена сделка, от которой каждая из сторон получила свою выгоду. Солнечным требовался инструмент для порабощения и обуздания людей, и наш братец согласился им этот инструмент предоставить. По крайней мере, мне так представляется.

— Предательством нас не удивишь, — прошептал серый ветер, первенец Темного Светила и третий участник нашей беседы.

Намек был более чем прозрачен и я не мог не ответить.

— Верно. Я был предан вами и изгнан из Шейдобха.

— Ты предал Властелина...

— Но не вас. Да, когда-то я желал, чтобы правили Князья, а не Изначальные. Но с тех пор многое изменилось...

— Ты не изменился.

— Хватит. — Бездушный голос Лицемера ударил, как молот. — Все давным-давно выяснено и решено. Сейчас не подходящее время, чтобы

ворошить прошлое и вспоминать старые обиды. Важно то, что есть сейчас.

— Согласен, — кивнул я.

Серый ветер промолчал.

— В какой мере ты вернул власть над бисуритами и Сферами, которыми прежде владел? — Спросил меня Лицемер.

— Сложно это оценить. Предстоит еще много работы.

— У тебя не возникло никаких сложностей?

То, как он произнес последнее слово, заставило меня насторожиться.

— Есть масса сложностей, но все они решаемы. Что тебя беспокоит?

— Большая часть из нас помимо обычных бисуритов владела несколькими особенными. Понимаешь, о чем я?

— Пока не очень.

— Я говорю о духовных телах общностей, внутрь которых мы поместили особенные дары, связанные с нашими силами.

Я покачал головой.

— В отличие от крохоборов вроде тебя или Кукловода, в былые времена я не скупился, растрачивая свою силу. Я сотворил множество удивительных рас. Чуть большее значение для меня имели скайферы, но сейчас их народ в упадке. Только вага помнят еще кое-что из того, чему я научил их когда-то.

— Скупость тут не при чем, — холодно произнес Лицемер. — Моя изначальная сила была повреждена и никогда не станет прежней. Однако не всего первоначального себя я потерял при падении с неба. Кое-какие частицы мне удалось собрать и воплотить в новом народе.

— Верлиоки... — Вспомнил я.

— Да. Но теперь я не могу отыскать никаких следов ни их самих, ни даже их бисурита. Я хочу понять — уничтожена ли только особенная для меня общность, или же Солнечные Князья уделили такое же внимание каждому из нас.

— Бисурит скайферов искажен и ослаблен, но все еще...

Однако, прежде чем я закончил фразу, в разговор вмешался серый ветер.

— Целое твоих избранников действительно уничтожено, — прошептал Истязатель. — Но сделали это не Солнечные Князья, а люди.

— Люди? — Переспросил Лицемер. — Кто? Как они сумели?.. Я хочу знать!..

— Незадолго до того, как наш младший брат пал жертвой чар Элайнэ и началась последняя война, на земле, в мире людей мы с Палачом создали магический Орден и назвали его Айэл-на-Хаду-Пэо.

— Железный Лист... — Вполголоса произнес я. Так это название переводилось с мидлейского, самого первого языка людей.

— Именно так. — Подтвердил Истязатель. — Орден опирался на наши с Палачом силы — на боль, страдания, пытки, насилие, духовные муки и тому подобное. Мы научили их особым техникам, позволяющим сеять и умножать страдание. С помощью пыток и жертв они обретали необычные силы, с помощью самоистязаний входили в состояния, позволявшие им погружаться в мои владения в Нижних Мирах, приобретая там знания и разнообразные магические дары и таланты. Они были столь изощренными и искусными в боли, что страдание представляло для них целую вселенную со множеством возможностей и оттенков... Поначалу все шло хорошо. Они развивались, как мы и хотели. Но когда нас низвергли, Орден подвергся преследованиям и был почти целиком истреблен Небесными Избранниками на заре Стханата... но и это было еще не самое худшее. Худшее — в ереси, которая развилась в Айэло-на-Хаду-пэо. Появился человек, который сказал им, что страдание — это не цель, а средство. Это было не так далеко от того, во что верили они сами, но все же развитие этой идеи — уже после того, как первого еретика не стало — вывело их из-под моей власти. Еретика они стали называть Первым Освобожденным, а мои духовные дары и магические техники употребили для достижения бесстрастия.

— Так вот значит, как все началось... — Проговорил я. Лицемер молчал.

— Я еще не закончил. — Прошептал ветер. — Я видел, как они менялись, но был бессилен что-либо предпринять, чтобы вернуть их развитие в прежнее русло. Их эксперименты с магией уводили их все дальше и дальше. Занимаясь алхимией духа, они искали комбинацию тонких ингредиентов, способную пробудить силу анкавалэна. Этой цели они, конечно же, не достигли, но попутно совершили множество иных открытий. Когда они обнаружили верлиок, то сумели найти доступ к их Целому. Они выделили эссенцию твоей силы, мой брат, все еще таившейся в бисурите безликих масок, и использовали ее для новых комбинаций в своих опытах. В конце концов случилось так, что был обнаружен состав, который даровал смертному бессмертие. Тогда структура Сфер, где пребывают бессмертные сущности Анк, изменилась. Появился еще один путь обретения бессмертия, и в руке Стража Границ возникла маска. Но ничто не появляется просто так. Целое верлиок стало материалом для этого пути. Этого народа больше нет и не будет... по крайней мере, до тех пор, пока существует этот путь бессмертия и существует сама Школа.

— Школа Железного Листа будет уничтожена, — произнес Лицемер, и слово его прозвучало как приговор.

— А что насчет пути меча? — Спросил я. — Как он возник, тебе известно?

— Точно также. Для меча они использовали силу Гедкая Оружейника. Значительная ее часть была отделена от Гедкая также, как в свое время это было проделано с нашим братом.

Я помнил Гедкая. Когда-то он, как и я, входил в число заговорщиков, желавших отодвинуть Изначальных от власти. Он был Лунным Князем, возможно — лучших из тех, кого породила Серебряная. После поражения наши пути разошлись. Каждый вернулся в свой лагерь и все стало так, как есть...

— Почему его сила оказалась отделена?

— Слишком упорно сопротивлялся заточению в лоне своей Прародительницы. — Ответил Истязатель. — Слишком хорош в бою, слишком искусен. Он представлял угрозу. Поэтому, когда Солнечные нанесли удар по Серебряной и ее детям, всех кто мог оказаться опасен, они расчленили или искалечили. Живые алмазы некоторых из них были брошены в Озеро Грез, но лишь немногих — чем больше Князей удалялось таким образом с поля игры, тем активнее становилось само Озеро. Никто не знал, к чему в итоге все это может привести. Поэтому ограничились расчленением сил и заточением. А мои неверные дети нашли часть Гедкая и превратили эту часть в новый путь бессмертия. Так рук, означающих низшие виды бессмертия, у Картваила стало три. Полагаю, их могло бы появиться и больше. Скорее всего, для любого Князя при определенных условиях и большом везении можно найти рецепт, который позволил бы использовать эссенцию его силы для обретения бессмертия, и, таким образом, сформировал бы новый путь в Сферах Анка.

— Тогда можно лишь удивляться, что до сих пор они нашли только два пути помимо тех, что существовали прежде, — заметил я.

— Это действительно нелегко сделать. Нужна удача, достаточное количество нашей силы, высокое мастерство...

— Да и само бессмертие они воспринимают как поражение, — напомнил мне Лицемер.

Я кивнул.

— Наверное, так. Но я подозреваю, с тех пор они очень желают получить в свои руки эссенцию силы одного из Солнечных.

— Почему ты так думаешь? — Спросил Лицемер.

— Я — Владыка ядов. Я был одним из тех, кто стоял у истоков самого

искусства духовной алхимии — в его темной ипостаси. Поэтому я хорошо понимаю дух и логику тех, кто практикует это искусство. Наверняка у них остались ингредиенты и от твоей силы, мой брат, и от силы Гедкая. Если они получают ингредиент от силы Солнечного Князя, то могут попробовать создать универсальное зелье, в котором соединятся ингредиенты от сил всех божественных родов. По крайней мере, будь я на их месте, я бы обязательно попытался сотворить что-нибудь в этом духе.

главы 6-9

Глава шестая

Ежик сердился, фыркал и ошетикивался колючками, когда девочка по имени Дийпи тыкала в него палкой. Дийпи загнала ежа в узкое пространство между корнями деревьев, откуда ему было не сбежать, и наслаждалась своей властью, забавным поведением ежа и собственным испугом, когда еж фыркал или шипел особенно угрожающе. Два раза он чуть ее не укусил... по крайней мере, ей так казалось.

Она не услышала шагов — женщина, которая подошла к Дийпи, была босой и ступала легко. Девочка заметила ее лишь когда та оказалась совсем рядом, остановилась и чуть наклонилась вперед, разглядывая Дийпи и ежа. Дийпи узнала ее: это была жена рыцаря Эдрика, которого герцог Гейбар сделал военным инструктором. В замке все только и говорили, что об этой дикарке.

Мальварин несколько секунд разглядывала ежа.

— Ему не нравится то, что ты делаешь, — сообщила она девочке.

— Знаю, — Дийпи ожесточенно ткнула зверюшку еще раз. — Пусть помучается...

— Тебе нравится его мучить?

Дийпи с опаской поглядела на странную женщину. Обычно за этим вопросом следовала порка или оплеуха. Месяц назад, таская ее за волосы и отвешивая тумачков, мать с дюжину раз повторила «Нравится?», прежде чем отпустила Дийпи. Девочка ненавидела мать. Почему та вымещала зло на ней? При отце она и пикнуть не смела. И что такого сделала Дийпи? Подумаешь, сбросила беременную кошку со стены замка!.. Кошка расшиблась и так смешно пыталась ползти... Дийпи была в центре внимания, а мальчишки, на глазах которых она проделала все это, смотрели на нее опасно и удивленно. Не надо было им ничего показывать. Кто-то из них донес взрослым, а те рассказали матери, и тут началось то, что начиналось всегда, когда Дийпи делала кому-то больно...

Она ждала подвоха, но подвоха не было. Женщина спрашивала без осуждения, и не было чувства, что после ответа Дийпи — каким бы он ни был — Мальварин ударит ее или нажалуется матери.

— Ага, — кивнула Дийпи. Неужели она, неожиданно для себя, нашла товарища по играм? Мальчишки слабаки, но если эта женщина понимает ее, они смогут весело провести время.

Мольвири прикоснулась к руке ребенка.

— Это ненастоящая ты. — Негромко произнесла она.

Дийпи испытала странные чувства. Мир как будто стал больше и глубже. Миропорядок, в котором ее отец избивал мать, а мать жестоко наказывала ее за любую оплошность, а иногда и без всякой причины; миропорядок, частью которого она должна была стать и уже становилась — перестал иметь прежнее значение. Теперь этот миропорядок казался не чем-то естественным и единственно возможным, а темным углом, из которого ее вывели на свет; Дийпи почувствовала себя так, как будто жила среди мусора и грязи, но поднялась волна и смыла весь мусор, оставив ее на чистом и тихом островке, а следом за волной налетел ветер, принесший на смену привычной вони запахи моря, запахи цветов и трав...

Дийпи пораженно смотрела на странную женщину. Мольвири села на корточки рядом с ней и протянула к ежику руку. Тот обнюхал ее пальцы, а затем залез на протянутую ладонь. Мольвири переместила руку так, словно хотела показать ежика Дийпи. Или девочку — ежику. Но ежик смотреть на Дийпи отказывался: богиня ему нравилась намного больше. Мольвири попыталась повернуть его мордочку в другую сторону, но безуспешно.

— Прости меня, — сказала Дийпи зверюшке, чувствуя себя немного глупо.

Ежик никак не подал виду, что ее услышал. Мольвири опустила руку и аккуратно спихнула животное на землю. Ежик некоторое время побродил рядом, а затем скрылся в траве.

Дийпи переполняли чувства, которые хотелось бы как-нибудь выразить.

— Как было бы хорошо, если бы в мире не было никакого зла! — Сказала она.

— Да. Но так не будет.

— Почему?

Мольвири замешкалась с ответом. Конечно, можно было бы сослаться на Темных Князей, являвшихся рассадниками зла, но ведь дело было не только в них. Слишком многих устраивало текущее положение вещей. Даже ее отец, блистающий и всемогущий Изначальный, изменился... Тьма оттеняла его великолепие, наличие побежденных и побеждаемых демонов делало его победителем, зло становилось антитезой, благодаря которой появлялось понимание того, что есть его противоположность, добро.

«Я рассуждаю как Эдрик», — вдруг подумала Мольвири. — «Он слишком сильно на меня влияет...»

— Не знаю, — произнесла она вслух, обращаясь к девочке. — Так все

сложилось с самого начала и продолжает складываться. Я не вижу силы, которая могла бы преобразить мир, сделать его иным.

Дийпи смотрела на нее и молчала. При всем обаянии женщины поверить ее словам было трудно, потому что сила, существование которой отрицала женщина, все же была, и ее действие девочка на себе только что испытала.

— Эй!.. — Эдрик легонько коснулся ее плеча. — Ты не спишь?

— Я богиня, — ответила Мольвири, протирая глаза и садясь на кровати. — Боги не спят.

Взгляд Эдрика стал ироничным.

— И для чего же боги бормочут что-то бессвязное и мечутся по кровати?

Мольвири недовольно посмотрела на него, потом перевела взгляд на окно. За окном была ночь, шумел ветер и пели цикады. В это время суток они либо разговаривали, либо читали, либо гуляли по замку и окрестностям. Но иногда они не делали ни того, ни другого, ни третьего: Мольвири лежала или сидела на кровати, поглощенная своими мыслями или воспоминаниями, а Эдрик медитировал, сидя на коврик в углу комнаты.

— Может быть, это и был сон, — неохотно признала она. — Но не мой. Я видела страшные вещи. Остывающие миры. Погасшее Солнце. Бесконечные безжизненные ледяные равнины. Мир казался раненым зверем, из которого вытекала жизнь. Я бы хотела вылечить его, но не могла...

— Хм. Похоже, это был не сон, а кошмар. Я был прав, разбудив тебя.

— Мне кажется, я подсмотрела чей-то чужой кошмар. Но теперь он стал и моим. — Тихо пожаловалась Мольвири.

— Ты слишком много думаешь о Последышах, — уничижительное прозвище, данное людьми девяти проклятым Князьям, из уст Эдрика прозвучало особенно пренебрежительно. — Вот и видишь всякую муть.

— А если это правда?

— Послушай, люди за свою жизнь видят множество снов. — Он сел на кровать рядом с ней. — Если бы мы придавали значение каждому из них, мы бы уже сошли с ума.

— Богам не нужно спать, — сказала она сердито. — Но что такое сны, я знаю. Я видела множество снов, пока лежала под Слепой Горой.

— Ну вот и не нужно беспокоится еще об одном.

— Это другой сон.

— Другой?

Мольвири кивнула. Золотистые кудри упали вниз, почти скрыв ее лицо, а затем она тряхнула головой, откидывая их в стороны.

— Чем он отличался?

— Сны не требуют сил, — сказала она. — А я чувствовала, что человек, который его видит, напряжен. Сон забирал у него много сил. Но он был готов их отдать, как будто бы он хотел видеть этот кошмар... — Она помолчала. — Нет, не так. Ему не нравилось то, что он видит. Но он хотел видеть.

Эдрик покачал головой.

— Очень загадочно звучит. А что это был за человек?

— Не знаю.

— Он где-то здесь, в замке?

— Не знаю.

— Ну хоть что-то ты можешь о нем сказать?.. Это мужчина или женщина?.. Возраст? Настрой, характер?

Мольвири долго молчала.

— Я думаю, это женщина. И мне кажется... она не стара. По крайней мере, ее душа не стара. О ее характере я ничего не могу сказать. Она была как зеркало, в которое, когда смотришь — не видишь материала, из которого оно сделано, а видишь только собственное отражение.

Взгляд Эдрика перестал быть расслабленным. «Если это одна из настоятельница... если они обнаружили Мольвири...» — бессмертный скривил губы. Такого поворота событий он желал меньше всего.

Он мягко сжал плечо девушки, постаравшись не напугать ее и ничего ей не повредить. Просто хотел приободрить.

— Если... если увидишь кого-то странного... или поймешь, что происходит что-то странное... дай мне знать.

Эдрику не хотелось убивать настоятельница, но если они действительно тут, иного способа защитить богиню он не видел. Будучи тел-ан-алатритом, никаких чувств вроде «я воспитан Школой, поэтому я должен блюсти интересы нашей организации, а не свои личные» он не испытывал. Большинство людей находит смысл жизни, растворяя личное начало в групповом: «мой клан», «моя страна», «моя религия»; некоторые доводят это растворение до логического финала, становясь обезумевшими патриотами или религиозными фанатиками — но Школа в процессе воспитания нового ученика делала все, чтобы растворения личного в общем не происходило. Даже в отношении самой Школы.

— Но ведь тут все странное, — пожаловалась Мольвири тоном

потерянного ребенка.

Эдрик легонько провел тыльной стороной пальцев по ее щеке. Она не уклонилась, а наоборот — потерлась щекой о его руку, словно ласкающаяся кошка. При первой встрече он показался ей холодным и бесчувственным, но сейчас она ощущала исходившее от него тепло. Тепло было слабым и едва заметным, но главное было в том, что это тепло было чистым. На фоне людей, души которых казались ей грязными и мутными (ей удавалось очистить их в какой-то мере, но в полной мере — ни разу), душа Эдрика была чистой и свежей, как и его тело. Мольвири вдохнула запах его кожи, смешанный с запахом Шэ и Тэннака, и позволила поцеловать себя и увлечь на постель.

Они долго любили друг друга, и то, что прежде казалось Мольвири духовной грязью и нечистотой, обернулось чистой, пронзительной чувственностью, лишенной какого-либо порока. Они измучили друг друга и лишь когда совсем рассвело, и слуга осторожно постучал в дверь, зовя рыцаря Эдрика и леди Мальварин пожаловать к завтраку за герцогским столом — лишь тогда они прекратили любовную игру и, утомленные, замерли на кровати — Эдрик слева, Мольвири справа — держась за руки и глядя друг другу в глаза.

Мольвири слабо улыбнулась.

— Хелах был прав, — тихо проговорила она.

— В чем именно?

Ее улыбка стала шире, а на щеках появились ямочки.

— Во всем.

Юми Химей прибыла в замок Айдеф во второй половине дня, проехав большую часть дороги от порта на крестьянских телегах, останавливаясь во всех поселках, рассказывая истории и подкрепляя свои рассказы ударами медных тарелок друг о друга в особо драматических местах. Химей — впрочем, как и любую другую взрослую юми — можно было бы легко спутать с ребенком десяти-двенадцати лет, если бы не пушистый серый хвост с черными полосками и белым кончиком, и не симпатичные (и столь же пушистые) заостренные ушки с кисточками, делавшие юми похожей на полупреувратившуюся в человека огромную белку. За плечами Химей находилась котомка с разнообразным миниатюрным барахлом, а правой рукой она сжимала посох немногим длинее ее самой, украшенный разноцветными лентами, в которые были вшиты крошечные колокольчики. Три основных чувства, которые юми постоянно испытывают на протяжении

своей жизни — озорство, удивление и любопытство — пребывали в гармонии и уравнивали друг друга. Химей была обута в красивые замшевые сапожки с застежками, носила пышные желтые шаровары, белую сорочку, жилетку с завязочками и зеленую куртку. Еще имелся непромокаемый плащ, но поскольку погода стояла ясная и теплая, плащ Химей свернула и прикрепила к котомке.

Стражник Нэб на воротах Айдефа задержал ее. Не далее как вчера молодому стражнику хорошенько намылили шею за то, что он пропустил каких-то бродяг, и пригрозили лишить жалования, если оплошность повторится — и вот теперь он исполнял свои обязанности тщательно, даже слишком.

— Куда? — Спросил Нэб, заступая юми дорогу.

— Туда! — Химей показала вперед и попыталась обойти стражника.

— С какой целью? — Он опять встал на пути. — Ты к кому?

Юми недовольно посмотрела на стражника.

— Тебя что, не предупредили?

— О чем? — Взгляд Нэба сделался недоуменным.

— О Таинственных Событиях, о которых нельзя говорить.

— О каких еще событиях???

— Ты что, не слышишь меня? — Юми недовольно притопнула ножкой.

— Об этих событиях нельзя говорить!

Стражник опешил.

— Что за ерунда?

— Это не ерунда, а Секретное Послание, — заговорщическим шепотом сообщила юми. — Те, Кто Знает Что-к-Чему, меня уже ждут. И они не будут довольны тобой за эту задержку!

— Какое еще послание?!

— Секретное!

— Пропусти ее, Нэб. — С улыбкой, прячущейся в густых усах, велел сержант Рейдаф. — Это же юми. Она тебе сейчас столько лапши на уши повесит — потом год снимать будешь.

Гордо задрав подбородок, Химей обошла Нэба и вступила в замок Айдеф. Весть о ее появлении распространилась мгновенно. Дети высыпали во двор, женщины отвлеклись от работы и прильнули к окнам, и даже мужчины нет-нет да поглядывали на юми, посетившую замок. Многим хотелось погладить ее или хотя бы прикоснуться, но они не решались, ибо Химей имела вид неприступный и гордый.

Когда достаточное, по мнению Химей, количество любопытных детей собралось во дворе, она совершила театральный взмах посохом и легко

вскочила на пустую бочку, которую заранее заметила.

— Я расскажу вам Удивительную Историю, — заговорщическим тоном сообщила юми людям, окружившим ее полукругом. — Эту историю слышали до сих пор лишь Немногие Избранные, но они не расскажут о ней никому! Хотите ли вы узнать эту историю?

— Даааа! Хотим! Хотим-хотим! — Немедленно закричали дети и юми в ответ на их крики важно наклонила голову, как бы принимая во внимание их согласие.

— А почему те, кто слышал, о ней никому не расскажут? — Крикнул Зеган Целиенот, сын одного из вассалов Гэйбара. — Они что, умерли?

Вопрос погрузил двор замка в напряженное молчание.

— Нет! — Решительно отвергла юми эту версию. — Они не расскажут, потому что понимают ее Значение. Ведь эта история не для Профанов, а лишь для тех, кто Готов.

Сообщив это, юми выдержала долгую напряженную паузу.

— Рассказывай! — Закричали дети со всех сторон.

Юми сделала витиеватый жест свободной рукой, после чего легко и изящно повернулась вокруг своей оси, приподнявшись на носке левой ноги.

— Эта история началась на Далеком Острове, — заговорила она, понизив голос и тем самым заставив всех подвигнуться ближе и внимательнее прислушиваться к ее словам. — Остров был удивительно красив. Там имелись горы, и речки, и долина в центре, и разные грушевые, и яблочные, и персиковые и всякие другие деревья. А в центре этой долины находился старый храм, увитый плющом. Храм был посвящен Беззаботному Богу Кубоду. О храме заботился небольшой, но дружный клан юми, а подношения приносили люди, жившие в деревне на берегу. Но потом люди ушли, и храм пришел в запустение, как и сады, окружавшие его. Поначалу юми поддерживали порядок, но со временем их становилось все меньше и меньше... — Во время короткой паузы Химей внимательно и строго оглядела зрителей, как бы взвешивая еще раз, достойны ли те услышать ее таинственную историю. — И вот, настал день, когда их осталось совсем мало. И все они были очень печальные и грустные от того, что храм запустел и скоро, по всей видимости, не останется уже никого, кто смог бы в нем убираться. И тогда одна из юми — самая красивая, самая отважная, самая юная из них, вообще самая лучшая, — Химей поправила прическу и покрутила хвостом, нежась от мысли, какая хорошая эта юми, — обратилась к Кубоду с просьбой сделать что-нибудь такое, чтобы все опять стало радостным и беззаботным. Бог ей ничего не ответил, но когда,

устав от горячей молитвы, юми заснула у алтаря, ей приснился Вещий Сон... — Химей опять оглядела слушателей, выдержав на этот раз более долгую паузу. — В этом сне маленькой хрупкой юми открылось ее Особенное Предназначение. На следующий день наша героиня собрала котомку, — Химей продемонстрировала всем свою котомку, — взяла свой любимый посох, — Химей ловко покрутила посохом в воздухе, — и отправилась в путь. Ее подстерегало множество Скрытых Опасностей и Непредвиденных Трудностей, — в голосе Химей появились суровые нотки. — Но она все преодолевала, движимая верой в свою особенную миссию. Когда она терялась в незнакомых местах, то упорно продолжала идти вперед и в конце концов находила дорогу! Когда на нее нападали враги, она не отступала, а поражала их всех ударами своего посоха! — Химей выполнила несколько акробатических трюков, нанося посохом внезапные и быстрые удары по всем сторонам света. — Но с каждым днем наша отважная героиня, не смотря на все свое упорство и волю, постепенно слабела. А все потому, что юми — особый народ, который не ест что попало. Чтобы поддерживать духовные и телесные силы, юми должны кушать орешки и конфеты, преподнесенные в дар с чистым сердцем. Но откуда, в этих тяжелых скитаниях, могли появиться подношения у нашей маленькой юми? Ее запасы медленно, но верно таяли... — Голос Химей предательски дрогнул, а глаза увлажнились. — И перспектива умереть голодной смертью становилась все более реальной. И вот, уже совсем ослабнув, она решила сойти с корабля на какой-нибудь остров, чтобы найти нескольких людей, которым можно было бы поведать эту печальную историю. Наша юми была слишком горда, чтобы просить их о чем-либо, и хотела только рассказать о случившемся и о своей Особой Миссии, которую она — увы! — так и не смогла исполнить...

На этих словах, произносимых угасающим голосом, Химей, держась обеими руками за посох, стала сползать вниз — сначала опустилась на колени, как бы все еще борясь со смертью, затем, сдаваясь, легла на бок, свесив с одной стороны бочки пушистый хвост, а с другой — голову с не менее пушистыми ушками. Ошеломленные дети наблюдали за ней, раскрыв рты. На несколько секунд во дворе повисла абсолютная тишина...

— А в чем заключалась ее миссия? — Зеган пожалел о том, что открыл рот раньше, чем закончил фразу. Многие возмущенно оглядывались на него, посмеявшегося вопросом нарушить трагедию. На лицах девочек читалось особенное недовольство: «вот же грубиян! Ничего он не понимает!» Зеган покраснел.

— Об этом повествует вторая часть истории, — слабо прошептала

Химей, приоткрывая один глаз. — Но увы... кажется, эта история уже никогда и никому не будет рассказана... Если только не отыщется кто-то, достаточно бескорыстный, кто подарит одинокой, умирающей юми немного орехов и конфет... Но нет, нет! Надеяться на это в свой последний день было бы слишком наивно...

Не успела она — одними губами — закончить последнюю фразу, как двор будто взорвался. Дети очнулись и поняли, что могут спасти несчастную. Часть ребятни бросилась к мажордомам — выпрашивать ключи от амбаров, другие побежали на кухню, третьи стали требовать от матерей, теток и бабок оказания немедленной помощи в благородном деле добывания той единственной пищи, которая могла вернуть к жизни умирающую. Некоторые женщины прониклись, и отправились за сладким вместе с детьми, другие, более циничные и немного знакомые с юми, пытались образумить детей, но те ничего не хотели слушать — скандалили, плакали, ныли и всеми другими способами старались побудить взрослых сделать хоть что-нибудь.

Вскоре начали появляться первые дары. Дети несли мешочки с орехами, леденцы, карамельки и пироженные. Химей оживилась, села на бочку, слопала пару пироженных, а остальные начала упаковывать в котомку. Леденцы и карамель отправились туда же. Орешки она распихала по внутренним и боковым карманам курточки. Некоторые дети видели, что карманы Химей и без того буквально забиты различными орехами, но впечатление от ее рассказа было настолько сильно, что этому обстоятельству никто не придавал значения.

Дети все еще продолжали нести подарки, когда к бочке подошел пожилой мужчина с изрядной проседью в волосах.

— Уважаемая юми, — сказал он, слегка поклонившись. — Мой господин, герцог Гэйбар, узнав о вашем появлении, пожелал видеть вас сегодня за трапезой: он послал меня сказать, что надеется, что вы примите его приглашение и порадуете всех, кто будет присутствовать, какой-нибудь занимательной историей.

Химей прыгнула с бочки и оценивающе посмотрела на слугу, как будто размышляя, принимать ей приглашение или нет. Наконец с важным видом она кивнула и была уведена мужчиной в центральное здание под разочарованное мычание собравшихся во дворе ребяташек.

Однако, юми не была бы сама собой, если бы просто ушла. На пол-пути она развернулась и с таинственным видом приложила палец к губам.

— История еще не закончена! — Прошептала она заговорщическим тоном, после чего скрылась из виду, оставив своих заинтригованных

слушателей обсуждать: чтобы это все значило, какое место в ее истории занимает замок Айдеф и на что она намекала своей последней репликой.

Эдрик и Мольвири стояли у открытого окна, выходящего во двор. Лучший, чем у простых смертных, слух позволял им слышать рассказ Химей, не спускаясь вниз.

— Поразительный талант, — констатировал Эдрик. — Накрутить целый эпос на сообщение о том, что она приплыла со своего острова на наш и по дороге немного проголодалась.

— А как же ее миссия? — Нахмурилась Мольвири.

— Миссия?! — Эдрик засмеялся. — Она, наверное, еще даже не успела придумать, в чем же состоит эта «миссия».

Глава седьмая

Кельмар Айо вышел на палубу «Красной Чайки» и прищурился, привыкая к дневному свету после полумрака трюма. Каюта на корабле была всего лишь одна, принадлежала она капитану судна, Улькресу Вигго, старому мореплавателю (торговцу и пирату, в зависимости от обстоятельств) из клана Морских Котиков и уступать ее хозяин никому не собирался. Отряд Кельмара — формально его называли сотней, хотя на деле отряд включал в себя сто восемьдесят шесть бойцов — разместился на ночь поровну на палубе и в трюме, и все равно мест для сна хватило не всем. Спали по очереди. Вечером заморосил дождь и продолжал идти почти всю ночь. Кельмар засиделся до утра в капитанской каюте — изменяя своим привычкам, пил много и без меры, мрачней с каждой опустошенной бутылкой. Участвовавшие в попойке рыцари Ордена и капитан «Красной Чайки», шумели, смеялись и болтали, пытались растормошить и Кельмара — безуспешно. К утру командор отправился в трюм и там забылся беспробудным сном. Теперь его мучило, мучила жажда, а настроение было самым что ни на есть препаршивым.

Рыцари и министриалы приветствовали его; он хмуро кивнул в ответ, подозвал Дольна и отправил его найти что-нибудь выпить, а сам подошел к носу корабля и огляделся. Далеко справа едва виднелась тающая в синей дымке полоска берега; слева, впереди и позади плыли корабли, перевозившие тысячу воинов, подчиненных кардиналу Рекану Сарбвельту. Корабли шли на юг, и это значило, что они уже обогнули Северный Серп — мыс, обозначающий северо-восточную границу королевства ильсов — и вскоре должны увидеть форты Хеббен и Хло, оберегающие предместья Маука.

Ни погода, ни предстоящее сражение, ни вся эта военная кампания совершенно не радовали Кельмара. Все не так. Гложущее душу предчувствие беды...

Командор Лилии расшнуровал левый рукав камзола и оглядел запястье. Кожа была чистой, без каких-либо следов и рисунков. Значит, она спряталась выше?.. Он поднял рукав вверх, встав так, чтобы никто, кроме него самого не мог видеть его левую руку.

Мелькнувшая было надежда на то, что все, случившееся перед отплытием из Асфелосты, окажется безумным кошмаром, о котором

следовало забыть как можно скорее, пропала без следа, когда Кельмар увидел на коже, недалеко от локтевого сгиба, татуировку в виде змеиных колец. Но это была не просто татуировка — о, это он уже знал слишком хорошо! Вот и теперь, стоило ему поднять рукав еще выше, открывая взору змеиную голову, как татуировка зашевелилась. Рисунок задвигался, темно-лиловая змея сместилась к плечу, недовольно прячась от утреннего солнца. Омерзительное ощущение — как будто под кожей зашевелился паразит. Впрочем, почему «как будто»? Так оно и было. Сквозь зубы процедив ругательство, Кельмар опустил рукав.

Поскольку кораблей не хватало, командующим пришлось выбирать, какие именно силы будут отправлены в первый рейс, какие во второй. Помимо Пяти Орденов, необходимо было переправить собственную армию Энкледа, а также военные отряды, присланные кланами по призыву короля. Основной удар должен был быть нанесен с севера, по Брашу, оставшемуся без флота, без армии и без герцога. Браш планировали сделать отправной точкой и оттуда двигаться на юг (впрочем, Кельмар сильно сомневался, что даже опустевшую крепость удастся взять так легко, как об этом говорили, уж слишком хорошо она была укреплена). К Брашу отправилась основная часть эскадры — Ордена Лилии и Свинцовой Горы, и с ними впридачу несколько кланов, явившихся на военные сборы прежде остальных. Кланы Эн-Тике, с охотой включившиеся в войну, располагали собственным морским транспортом. На кораблях Котиков, Коршунов и Скатов была направлена треть Ордена Лилии с целью блокировать Маук. Цепь, натянутая между Хеббеном и Хло, блокировала наиболее удобный и прямой путь к городу, но отряд Крылатых Теней, отправленных на материк неделю назад, должен был решить эту проблему.

Кельмар сделал движение, как будто собирался сжать плечо левой руки ладонью правой, но остановился, не закончив его. Кельмару не хотелось касаться твари — даже через одежду. Это было иррациональное отвращение, тем более нелепое, что тварь касалась его постоянно, жила в нем, и избежать контакта с ней командор не мог при всем желании.

Перед отправкой их — четырех командоров, подчиненных Рекану Сарбвельту, а также и самого кардинала — позвали в подземелья Асфелосты. Они знали, что будет какая-то церемония — Тидольф Алкертур предупредил их об этом перед отправкой в Терано, но Кельмар сомневался, что Магистра Лилии посвятили в детали. Итак, они спускаются по лестнице, освещенной светом факелов... дальше воспоминания переставали быть четкими, и начинался кошмар. Элгар Атфитрит призвал жуткую тварь — наполовину человека, наполовину

черную тень — и сказал им, что каждый из них получит особенный дар. Ощущение жути нес не столько облик призванного существа (во время магических практик члены Орденов встречались с демонами и пострашнее), сколько та извращенная, отравленная сила, что волнами распространялась вокруг него. Это был отнюдь не рядовой демон, а нечто особенное. Способность анализировать происходящее Кельмар утратил — также, как его товарищи и даже кардинал Рекан. Их словно опоили или заставили надыхаться дымом трав, дурманных разум. Они могли только стоять и внимать. Демон взял чашу, и когтем, выросшем вдруг на пальце правой руки, вскрыл запястье левой — той, что была похожа на густую объемную тень. Теневая кровь пролилась в чашу, и туда же с языка демона упало несколько капель вязкой слюны. Демон размешал когтем слюну и кровь в чаше и в какой-то момент Кельмар вдруг понял, что чаша полна беловато-лиловых червей... нет, не червей — змеиных зародышей. Демон взял пять зародышей и поместил их на левые руки людей. Зародыши проникли под кожу, стали расти, превратились в небольших змеек (в последующие дни они еще больше увеличились в размерах) и замерли в виде татуировок.

— Уходи, — велел Элгар демону, и тот пропал. Затем магистр Полумесяца обратился к людям:

— Это необходимо для вашей защиты. Вы не вправе обсуждать случившееся с кем-либо, кроме своего магистра.

Когда демон пропал, разум вернулся к людям и они потребовали объяснений. Но Элгар отказался что-либо объяснять: сказал, что есть причины, в силу которых им лучше не знать подробностей и сослался на Тидольфа, с которым, якобы, все это было согласовано.

И тогда, и теперь, Кельмару было трудно в это поверить. Орден Лилии использовал магические и духовные практики, связанные с Верхними Мирами, но чернокнижия в каком-либо виде, или даже обманчивого лунного волшебства они всегда сторонились. Своими высшими покровителями они полагали Князей Света. Мог ли Тидольф отбросить все это и дать согласие на то, чтобы его люди оказались вовлечены в весьма сомнительную церемонию, предполагавшую использование сил, явно связанных с темной половиной сущего? А если да — что вынудило его так поступить? К сожалению, задать эти вопросы лично магистру четверо рыцарей и кардинал Ордена не могли. Рекан сотворил магического посланника и отправил письмо. В ответном сообщении, пришедшем вскоре, подтверждалось, что Алкертур в курсе всего происходящего, что это вынужденная и временная мера, и что змеи покинут всех пятерых

после того, как их миссия будет завершена. Тогда заподозрили, что эта «вынужденная мера» связана с тем, что им пятерым попросту не доверяют: возможно, змейки убьют их тотчас же, как только заподозрят, что кто-либо из них — либо все пятеро — саботируют приказы и склоняются к тому, чтобы перейти на сторону врага. Это предположение выглядело совершенно оскорбительным, но казалось единственным более-менее правдоподобным. Не солоно хлебавши, командоры разошлись по своим сотням — готовиться к походу, который враз потерял всю привлекательность. Недоверие, проявленное со стороны командующего, жгло сердца рыцарей Ордена Лилии, как худшая из отрав...

Хуже всего было то, что Кельмар чувствовал тварь, которая теперь жила в нем. Чувствовал не столько кожей (большую часть времени змея оставалась неподвижной, и даже когда рисунок менялся, это нередко происходило незаметно для Кельмара), сколько душой и разумом. Змееныш был где-то здесь, похожий на досадливую, назойливую мысль, которую никак не удастся отогнать, на подавленное, но не стершееся до конца воспоминание, на темного призрачного советника, стоящего за левым плечом. Постоянное легкое ощущение чужого нечеловеческого присутствия — смертельно опасного, отравляющего душу и сердце одним только своим пребыванием рядом. Это сводило с ума. Кельмар напивался, чтобы загасить это чувство, но вино приносило лишь временное забвение. Иногда ему начинало казаться, что змееныш говорит с ним. Вот и сейчас...

«Не бойся, — шептал голос столь неопределенный и зыбкий, что его невозможно было отличить от любого другого голоса, вызываемого в воображении усилием воли или звучащего во сне... вот только Кельмар не спал и не прикладывал никаких усилий к тому, чтобы слышать этот «воображаемый» голос. — Я не убью тебя. Не сейчас.»

«А когда?» — Преодолевая внутреннее сопротивление, Кельмар вступил в разговор с воображаемым собеседником.

«Не знаю. Я мало что знаю. Я только чувствую. Я даже слов не знаю. Я говорю словами, которые беру из тебя.»

«Для чего ты... во мне?..»

«Чтобы помочь.»

«Чему???»

«Тебе.»

«В чем?!»

«Во всем.»

Говорил ли змееныш на самом деле или же Кельмар слышал эхо собственных мыслей? Рыцарь Ордена не мог этого понять.

«Мне твоя помощь не нужна.» — Мысленно отрезал он.

«Нет, нужна.»

Кельмар прекратил бессмысленный разговор и вызвал перед внутренним взором образ Орденского Ключа. Сияющая жемчужно-бирюзовая структура, внешним видом отдаленно напоминающая цветок лилии вернула ему ощущение уверенности в собственных силах и напомнила о его месте и обязанностях. Со змеенышем или без, но поставленную Орденом задачу необходимо выполнить, потеряв при этом, по возможности, минимум людей. Знак медленно менялся, оставаясь при этом на месте и не переставая быть собой — движения его напоминали движения танцора, выполняющего бесконечный ритуальный танец. Сквозь Ключ проходили многочисленные потоки энергии, связанные с духовными пластами, населенные множеством разнообразнейших существ — и если акцентировать внимание на этих связях, то Ключ начинал казаться центром гигантской многомерной паутины, сияющим деревом или корневой системой, растущей во все стороны сразу.

Кельмар поднял руку, воспроизводя образ Ключа в человеческом мире. Начертанная им в воздухе сложная руна, или Знак походила на тот Ключ, что созерцал Кельмар, не более чем имя человека, начертанное на бумаге, походит на самого человека. И все же, каким-то необъяснимым образом связь между Знаком и обозначаемым им Ключом существовала; и в зависимости от того, какие именно части Ключа отображал данный Знак, состояли и свойства создаваемого заклятья.

Кельмар сотворил посланника — духа, похожего на призрачную птицу — и отправил его на флагманский корабль, где находился кардинал Рекан, чтобы узнать, нет ли известий от Крылатых Теней, и, если Теней вдруг постигла неудача, не нужно ли им самим готовиться к штурму Хеббена и Хло. В ответном послании сообщалось, что штурмовать крепости не придется — Тени свою работу выполнили. В это время Дольн принес разбавленное водой вино и тарелку холодной каши с кусочками мяса. Кельмар выпил вино и заставил себя поесть. Впереди долгий день.

Корабли миновали пролив между двумя крепостями на закате. Толстая железная цепь была поднята в Хеббене и опущена — в Хло, из чего Кельмар сделал вывод, что Крылатые Тени удовлетворились захватом лишь одного форта из двух — чего, впрочем, было вполне достаточно, чтобы сделать пролив свободным для плавания. В Хеббене положение дел, похоже, так и не осознали вплоть до подхода кораблей захватчиков. Энтикейцы повеселились, наблюдая издали за поднявшейся в крепости суматохой. Ильсы из Хеббена бешено сигналили «своим товарищам» в

Хло, не понимая еще, что крепость занята врагом. С помощью установленных в крепости баллист и катапульт они пытались атаковать корабли, но не преуспели в этом — снаряды падали мимо, а останавливаться или подходить к острову для того, чтобы дать гарнизону возможность прицелиться, энтикейцы не собирались.

Спустя час они уже высаживались в Цейне, северном предместье Маука. Городок, в котором жителей было меньше, чем солдат в армии Рекана, встретил завоевателей без какого-либо сопротивления. Капитан стражи и двое его помощников были арестованы и посажены под замок, и на этом карательные действия Ордена Лилии закончились. Орден возвел лагерь к юго-западу от Цейна. Сотня Тезака Ротдельфа была отправлена патрулировать южную дорогу, которая вела в Маук, и ее окрестности; сотня Гайна Фербана — оставлена стеречь город и лагерь; а сотням Кельмара Айо и Джена Дарбельта приказано отдыхать до утра. К утру тюрьма пополнилась двумя десятками людей, выловленных подчиненными Тезака — все очень стремились попасть в Маук, невзирая на глубокую ночь, и хотя все клялись, что направляются туда исключительно по личным делам, Тезак справедливо оценил их действия как попытку сообщить властям Маука о высадке энтикейцев на севере.

Котики, Коршуны и Скаты разграбили несколько домов в Цейне, но разгуляться в городе Гайн им не позволил. Цейн находился под контролем Лилии, а это значило, что ни грабежей, ни насилий, ни поджогов в городе не будет. Кланы проявили недовольство, но этим и ограничились.

Утром Кельмар занял место Тезака и Гайна, а Джен Дарбельт был отправлен дальше на юго-запад — там было несколько укрепленных поместий, которые следовало взять, а их владельцев — заставить присягнуть королю Энкледу Первому. Взятая силой клятва стоила немного, и рассчитывать на верность ильсовских рыцарей не следовало, но зато это был прекрасный способ показать, на чьей стороне сила и кто теперь владеет этими землями. Кланам был отдан на откуп северо-запад — и, говорят, крики из тех городков, что привлекли их внимание, были слышны за мили окрест, а дым от пожарищ виден даже в Мауке.

На вторые сутки Орденом была перекрыта не только северная дорога Маука, соединявшая его с Цейном, но и западная, что вела в центральные области страны. В город, однако, по-прежнему можно было свободно попасть — у Маука оставалась южная дорога, а также морские пути. Полностью заблокировать Маук Лилия пока не собиралась.

Вечером того же дня случилась первая стычка — отряд стражи из Маука, несколько дворян и пара сотен вооруженных горожан прибыли

проверить силы Лилии на западной дороге. Потеряв дюжину убитыми, они отступили, в то время как Лилия не потеряла никого. Позже из города приехали родственники убитых — забрать тела. Орденцы поначалу хотели требовать выкуп, но Тезак рассудил, что поскорее избавиться от покойников, лишивших отряд мобильности — в его же собственных интересах, и отдал тела задаром. А вот пленников — шестерых горожан и одного рыцаря — он не отдал, отправив их в тюрьму в Цейне.

Тюрьма заполнялась быстро, потому что далеко не все землевладельцы соглашались приносить клятву. Некоторые были слишком горды, и если Джен натыкался на такого, он отправлял упряма в Цейн, а на его место назначал кого-нибудь другого — из числа родственников плененного или из его приближенных. Поскольку было ясно, что пленники продолжают пребывать и дальше, Лилия заставила горожан Цейна выкопать несколько широких ям, укрепить их стены и перекрыть деревянными решетками выходы из них. В ямы будут бросать пленных, когда место в цейнской тюрьме закончится.

Вскоре Джену стало известно, что мелкие дворяне и вольные поселенцы, не желающие подчиняться энтикейцам и еще менее желавшие оказаться в ямах Цейна, стягиваются в замок Ротан. По сообщениям разведки, крепость эта была отлично укреплена, кроме того, ее башни и стены были окутаны чарами. Джен доложил кардиналу. Забрав половину людей Гайна и весь отряд Кельмара, Рекан отправился на запад, позже к нему присоединился Джен с частью своих людей — остальные были оставлены следить за дорогами.

На опушке леса Рекан, Кельмар и Джен остановились. Следовавшим за ним рыцарям, оруженосцам и министрам Рекан велел оставаться пока под прикрытием деревьев.

Замок производил впечатление. Цитадель, форма которой, если смотреть сверху, напоминала четырехлиственный клевер с плотно примкнувшими друг к другу листками, возвышалась над землей более чем на двести футов. К цитадели примыкало несколько построек, окруженных в свою очередь стеной высотой в семьдесят футов. К этим семидесяти футам можно было смело добавить еще тридцать или сорок — прямо за стеной начинался обрыв. Замок был окружен рвом, по внешней стороне которой располагался частокол. Переброшенный через ров подъемный мост был защищен внешним барбаканом.

Джен и Кельмар начертили в воздухе Лилию, настроив ее узор так, чтобы максимально усилить свои способности к далековиденью и восприятию магии. Рекан зримый образ Ключа вызывать не стал — ему,

имевшему высшее посвящение Ордена, хватало и мысленного обращения к Ключу для того, чтобы приобрести способности, аналогичные тем, которыми наделили себя комадоры. Вызвав видимый Знак, он мог бы еще более усилить их — в той мере, в какой комадоры сделать это уже не смогли бы — но сейчас ничего подобного не требовалось, для оценки ситуации хватало и тех сил, которыми он воспользовался.

— Как только они нас завидят, закроют все, — произнес кардинал. — Кельмар, возьмите несколько человек и захватите барбакан. Продержитесь, пока мы не подойдем.

— Будет исполнено, сир.

— Много чар на башнях и стенах, — заметил Джен, разглядывая замок. — Наверняка в этой семейке полно чародеев. Если они вылезут наружу, Кельмар может и не продержаться до того, как подойдет поддержка.

— Если они вылезут наружу, мы захватим не только нижний барбакан, но и верхний. — Усмехнулся Кельмар.

Джен засмеялся.

— Ты слишком самонадеян, мой друг.

— Посмотрим.

— Мы поторопимся, — подвел черту под беззлобной пикировкой Рекан. — А вы уж продержитесь там.

— Не беспокойтесь за нас, сир.

Кельмар ускакал, а Рекан взглянул на замок еще раз. Нахмурился.

— Джен, вы выяснили, какой род владеет замком?

— Конечно, сир. Семья графа Аннеда эс-Лимна.

— Большая семья?

— Насколько мне известно, нет. Но у них много вассалов.

Кельмар взял с собой двоих рыцарей — Углара Шейо и Карса Хангеля, и министра Вердана Рандельта. Вердан посредственно владел мечом и не выказывал особых талантов в магии, но зато он говорил на ильсильварском без акцента и видом ничем не отличался от обычного ильса — такие же темные волосы, тонкие губы и чуть смугловатая кожа. Вердан и был ильсильварцем — еще юношей, приговоренным к многолетней каторге за убийство, он бежал из-под стражи, на корабле контрабандистов пересек Гирский пролив и упросил принять его в Орден.

Вердан ехал впереди, с открытой головой, за ним Кельмар — без оружия и доспехов, защищенный одной лишь кольчугой, со связанными руками и с красивым плащом со знаком Ордена Лилии на плечах, а следом

— Углар и Карс, полностью вооруженные, под простыми серыми плащами, изображая воинов, подчиненных Вердану.

Ворота, конечно же, были закрыты. Оставалось только надеяться, что о колонне войск, подошедшей почти вплотную к замку и таящейся сейчас в ближайшем лесу, здесь еще не знают. Шансы на это были — двигались они быстро, исправно отбирая лошадей у всех, кого встречали по дороге.

— Кто такие? — Спросил стражник, приоткрыв смотровое окошко.

— Вердан Рандельт из Юльма.

Так назывался один из городков, взятых Орденом еще позавчера.

— Открывай поживее! — Вердан показал зубы в веселой ухмылке. — У меня тут подарочек для графа! Аж целый Орденский рыцарь, будь они неладны.

Он небрежно ткнул командора тупым концом копья, а Кельмар, в свою очередь, сплюнул. Перед отправкой ему, для убедительности, разбили губу и испачкали грязью лицо.

Стражник уставился на Кельмара.

— Где его взяли, хорошего такого?

— А патруль ихний подстерегли. Двоих убили, а этого по земле повозили чутка.

— Сейчас, подождите...

Послышался лязг отодвигаемого засова.

— Приготовиться, — тихо приказал Кельмар. Он знал, что рыцари его услышат, не смотря на шум и то, что они находились на отдалении. Перед отправкой все трое использовали Знак Лилии для того, чтобы усилить свои естественные силы. Одно из заклятий повышало восприимчивость — они лучше улавливали теперь звуки, запахи и быстрые движения, другое защищало их тела от ударов, а третье, убыстряющее скорость движений, они используют, когда начнется бой.

Когда ворота открылись, Кельмар сбросил веревки, прыгнул с коня и выхватил свой меч, притороченный к седлу Вердана под видом трофейного. Стражники заорали, привлекая внимание к «пленнику», пытавшемуся «убежать». Вердан пришпорил лошадь и сшиб двоих, проехав за ворота; Кельмар успел убить одного, прежде чем подъехали Углар и Карс и зарубили еще парочку.

— Измена! — Заорал кто-то с верхней части барбакана. — Здесь островные!..

В Вердана попали стрелой и он выбыл из боя, но это уже не имело значения. Углар и Карс проскакали внутрь барбакана, сшибая лошадьми и рубя на ходу высыпающих вниз стражников. Кельмар двигался за ними,

убивая всех, кто уцелел после атаки всадников. Из бойниц, сделанных внутри каменного прохода, продолжали стрелять — редко и неорганизовано, но лошадь Карса ранили и она начала брыкаться, задержав нападающих. Пока Карс утихомиривал ее, сверху послышался скрип — опускали решетку. Трех рыцарей остановить она не могла, поскольку нападающие уже миновали ту часть прохода, которую она блокировала, но задержать подкрепление — вполне, поэтому стоило как можно скорее добраться до подъемного механизма. Когда, наконец, появилась возможность обойти храпящую лошадь Карса, Кельмар добрался до узкой лестницы, что вела в верхнюю часть барбакана. Лестницу перегораживал тяжеловооруженный пехотинец — атаковать Кельмара он не собирался, но и сам он, перегораживая щитом почти весь проход, был практически неуязвим. Кельмар призвал Знак Лилии, наполнил его силой и ударил заклятием стражника — внешне его волшебство выглядело как сноп молний или желтовато-белых отростков, протянувшихся к цели. Убить человека в зачарованной броне он таким образом не смог, но из строя вывел — стражника затрясло, он опустил щит, и Кельмар воткнул клинок ему в щель между нижней частью кольчужного капюшона и забралом шлема.

Он почувствовал вдруг то, что не испытывал никогда раньше — наслаждение от убийства, и возбуждение, почти сексуальное, от ощущения рассекаемой плоти, от ощущения власти над чужой жизнью, ибо — как ему в этот миг показалось — над чужой жизнью властвует лишь тот, кто может ее отнять. Хотя он убивал и раньше, участвуя в предприятиях Ордена, но эти чувства, этот взгляд на мир были ему чужды, и когда он это понял, то понял и что — или кто — является их источником. Томление и возбуждение исходили от змееныша, пригревшегoся на его левой руке, от демонического отродья, о котором он позабыл в горячке боя и ощущения которого воспринял.

Ненависть, усиливаемая еще и невозможностью добраться до того, кто ее вызвал, поднялась в нем тягучей темной волной. Он стиснул зубы, поднялся по ступенькам и шагнул в проход с бойницами, откуда можно было обстреливать находящихся в нижней части барбакана, в узком проходе за воротами. Сейчас здесь был только один лучник, и его Кельмар зарубил без всякой жалости.

«Твой меч как член, а плоть ильсов как девственное лоно, — хихикнул змееныш. — Проткни их всех! Слижи их красный сок...»

«Заткнись.»

По боковой лестнице он поднялся на самый верх. Здесь было четверо

бойцов, при том как минимум один из них — судя по огню, что окутывал его левую руку наподобие перчатки — был таким же боевым чародеем, как и сам Кельмар.

«Полюби его, — приободрил Кельмара змееныш. — Иначе он полюбит тебя.»

Быстрый взгляд вниз. Углар дерется с двумя стражниками у подъемного ворота. Карса не видно — вероятно, зачищает второй коридор с бойницами.

Четверо бойцов окружили его, собираясь прижать к зубцам барбакана. Маг метнул сгусток огня — Кельмар перехватил его и отвел. Лилия над его рукой иссякла, и требовалось время, чтобы она опять наполнилась силой. Стражники бросились к нему почти одновременно — слишком медлительные и неуклюжие, чтобы представлять серьезную угрозу. Кельмар сделал полшаг влево, приседая, крутанулся на месте — одновременно уходя от вражеского клинка и рассекая своим собственным ноги врага на уровне колен. Истошно крича, стражник с двумя брыжущими кровью обрубками упал под ноги наступавшему с противоположной стороны товарищу, погасив его атаку. Третий стражник побледнел и отступил, глядя на мага. Маг — по его одежде, доспехам, взгляду и осанке, Кельмар предположил бы, что это рыцарь, поставленный командовать отрядом, защищавшим барбакан — оценивая разглядывал Кельмара, выводя в воздухе восьмерки кончиком меча. Над его левой ладонью набирал силу новый огненный сгусток. Кельмар решил развить успех и покончить с рыцарем-чародеем раньше, чем тот накопит силу для новой колдовской атаки. Это была ошибка. Ему не удалось убить противника быстро — огневик орудовал мечом лишь немногим хуже его самого. Неизвестно, был ли он мастером фехтования или просто находился под действием убыстряющего заклятья, как и сам Кельмар — но бой затянулся, подоспели двое оставшихся стражников, а когда командор Лилии был вынужден отвлечься на них, рыцарь-маг, вместо еще одного огненного снаряда, от которого Кельмар наверняка бы ушел, поджег воздух вокруг него.

Сила заклятья, распределенная по большой площади, была незначительной, и урона серьезнее нескольких ожогов Кельмару не нанесла, но дезориентировала и ослепила командора.

Он успел выставить меч, блокируя рубящий удар огневика, отшатнулся и нарвался на топор стражника, нацеленный ему в спину. Кольчуга лопнула, и если бы не смягчающие удары заклятье, топор пробил бы ему и лопатку и легкое. Кельмара швырнуло вперед, он не удержался на ногах и

упал. Перекатился, слыша, как по камню, в том месте, где он только что находился, лязгнул меч огневика. Зрение постепенно восстанавливалось, но перед глазами до сих пор плясали багряные и лиловые всполохи.

Над ним возник стражник — тот самый, трусоватый, который постоянно оглядывался на командира. Стражник замахивался топором — чтобы атаковать упавшего противника, смелости ему хватало. Кельмар разрядил ему в лицо электрическую лилию, уже накопившую заряд, вскочил на ноги... и был накрыт новым поджигающим воздух заклятьем.

Он отпрыгнул в сторону, упал, перекатился и выставил перед собой меч — ослепший, обожженный и слишком хорошо понимающий, насколько уязвимую цель сейчас представляет. Однако, на него никто не напал. Он услышал звук удара, хрип, падение тела... треск воздуха, пробиваемого молнией, истошный вопль, лязг и чавкающий звук клинка, выдергиваемого из тела.

Голос Карса:

— Командор, вы в порядке?

— Да... — Он опустил меч. — Сейчас буду.

Он убрал лилию, обвивающую руку и вызвал Знак снова, складывая его в целебное заклятье. Кельмар ничего не видел — второй раз он не успел закрыть глаза и огонь повредил их — но чувствовал Лилию также, как будто бы она была продолжением его собственного тела. Она сияла нежным мягким светом, несла утешение и покой, снимала боль и истекала целебным соком. Кельмар сдвинул линии, усиливая лечащий аспект Знака и ощутил, как живительная сила вливается в его тело. Как будто мать или невеста нежно протирала его обожженную кожу прохладной мазью. Глаза заслезились, он промогался, протер их — и понял, что снова может видеть.

Рядом стоял обеспокоенный Карс. В трех шагах от него, в луже крови лежал огневик — первый же удар Карса, нанесенный сзади в шею, оказался и последним. Поодаль валялся труп последнего стражника — обгоревшее от удара молнией лицо, и широкая дыра в жилете с заклепками на уровне живота. От последнего солдата ощутимо воняло дерьмом — обычное дело, если разорван кишечник.

— Спасибо, — Кельмар сжал плечо рыцаря. — Я твой должник.

Карс ухмыльнулся.

— Припомню тебе это в следующий раз, когда ты решишь наложить взыскание.

Кельмар скупо улыбнулся и еще раз оглядел верхнюю площадку барбакана. Все мертвы?.. А нет — вон, катаясь по камням, стонет трусоватый увалень, надеявшийся зарубить Кельмара топором, но вместо

этого получивший в лицо молнию.

«Воткни в него меч, — шепнул змееныш. — Воткни в живот и поверни. Он будет долго подыхать.»

— Добить? — Спросил Карс, перехватив направление командорова взгляда.

Кельмар поднял руку, останавливая его.

— Нет. Возможно, он еще пригодится нам для допроса.

«Оооо!.. — Восторжено потянул змееныш. — Допросы! пытки пленных. Издевательства. Сломанные пальцы. Отрезанные уши. Спленные зубы... Оооо, как же мне это нравится!»

«Хватит!» — Мысленно рявкнул Кельмар.

Змееныш притих. Карс снял пояс с одного из мертвецов, пару раз пнул трусливого стражника, прикрикнул, заставляя лечь на живот и сцепить сзади руки, после чего связал его поясом.

Кельмар подошел к краю барбакана и взглянул вниз. Углар уже справился с обоими противниками, однако по мосту к нему бежало еще человек десять — стража, охранявшая внутренние ворота крепости, сообразила наконец, что на внешнем барбакане творится неладное.

Кельмар негромко присвистнул. Углар поднял голову и, заметив командира, улыбнулся.

— Мне бы тут помощь не помешала.

Кельмар оглянулся. Карс снимал пояс со второго мертвеца — видимо, хотел связать стражнику еще и ноги.

— Карс! — Командор махнул рукой, подзывая рыцаря к себе. — Оставь его! Никуда он не денется.

Он наложил заклятье легкости и спрыгнул вниз с шестидесятифутовой высоты. Мягко приземлился на полусогнутые ноги и выпрямился, не сводя глаз с приближающихся врагов.

— Да ну к черту... — Пробормотал сверху Карс. — Высоко...

Кельмар услышал, как рыцарь сбегает по лестнице. Он будет здесь почти одновременно с теми, кто бежит по мосту. Заклятье, ослаблявшее удары вражеских стрел и мечей, исчерпало себя на три четверти, и Кельмар потратил несколько оставшихся до боя секунд для того, чтобы его обновить. Врагов было много, но мост узок и одновременно все нападать не смогут. Значит, вопрос в мастерстве, а не в количестве бойцов.

Однако, стражники атаковать не стали. Со стороны крепости дважды пропел рожок; они остановились; один из них скомандовал «Отступаем!» и вот уже они бегут назад.

«Давай за ними!» — Подзадорил его змееныш.

Кельмар проигнорировал совет и оглянулся. Увидев скачущих лучников Джена, уже подъезжающих к захваченному барбакану, понял, почему враги так внезапно отступили. На секунду он даже пожалел, что не послушался совета змееныша — возможно, им удалось бы навязать осажденным бой на вторых воротах... но гул арбалетного болта и лязг стали о камень рядом с его головой, привели Кельмара в чувство. Расстояние слишком большое для прицельной стрельбы, но если бы они побежали по мосту, их бы наспиговали стрелами, как ежей, и никакие отводящие снаряды заклятья их бы не спасли.

Он увидел, что со стен прицеливаются лучники и велел Углару отойти назад. Карс, только что сбежавший по лестнице вниз, витиевато выругался, когда Кельмар отправил его обратно наверх за пленником.

Через несколько секунд в проход ворвались легковооруженные всадники из отряда Джена, и командору пришлось прижаться к стене, чтобы не оказаться сбитым лошадью.

— Не выезжайте наружу — попадете под обстрел, — посоветовал он и стал продвигаться к выходу.

Вердан Рандельт сидел на земле, прислонившись спиной к внешней стене барбакана рядом с воротами. Он судорожно дышал, изо рта текла кровь, перемешанная со слюной — стрела попала ему в правую грудь. Кельмар склонился над ним, наложил останавливающие кровь чары и выдернул стрелу. Хлынула кровь, но быстро остановилась. Еще одна порция чар. Не касаясь Вердана и не видя раны, он чувствовал, как целебный сок Лилии восстанавливает поврежденные ткани и заращивает рану.

— Спасибо, — хрипло пробормотал Вердан.

— Сейчас пришло лекаря — пусть займется тобой.

Тем временем, подтянулись основные силы. Дольн рвался в бой — наверняка надеялся, что в барбакане еще остались враги, но командор охладил его воинственный пыл, отправив разыскивать лекаря.

— Выглядишь подпаленным, — заметил Джен, красуясь на изящной, серой в яблоках, лошади.

— Солнце припекло. Тут же юг, для нас жарковато.

— Что с ним? — Спросил Рекан, показав взглядом на Вердана.

— Ничего серьезного, сир. — Ответил Кельмар. — Скоро будет на ногах.

— Есть потери?

— Нет.

— Хорошо. Пойдемте со мной, Кельмар, мне понадобится ваша

помощь... Джен, где щиты?

— Одну минуту, сир.

Принесли и установили большие деревянные щиты у начала моста. Встав под их защитой, Рекан прикрыл глаза и поднял руки. Широкие рукава скользнули вниз, к локтям, открывая искалеченную левую руку. С нее просто срезали часть кожи вместе с мясом, и шрамы были совсем свежие.

— Сир... — Пораженно прошептал Кельмар. — Что с вашей рукой?..

Рекан открыл глаза, прерывая медитацию на Ключ.

— Избавился от твари, — сухо объяснил он. — И вам советую поступить также, пока она не отравила вас своим ядом.

«Не повторяй чужих ошибок, дружок.» — Шепнул змееныш Кельмару. — «Я очень-очень полезный и нужный.»

— Но... приказ Магистра... — Растеряно сказал Джен.

— Я полагаю, сира Тидольфа ввели в заблуждение, — ответил кардинал. — Он благородный человек и никогда бы не согласился заключить сделку с тьмой, если бы знал, что представляет собой та «помощь», которую нам оказали. В этом я абсолютно уверен.

— Все же хотелось бы сначала получить разъяснения от него самого.

— Это ваше право, — Рекан пожал плечами. — Не забывайте только, что плоть от раны исцелить проще, чем душу от зла... А теперь помогите мне.

Он вновь сконцентрировался на Ключе, и командоры, встав рядом, положили ему руки на плечи, присоединяясь к творимому волшебству.

Перед ними повис Знак Лилии — огромный, переполненный силой. Рекан протянул исходящие от Знака энергетические линии к стене замка. Стены были укреплены магией и уничтожать их с помощью катапульта можно было бы очень долго, но волшебство, укрепившее их, при определенных условиях можно было обратить против самих стен, и Рекан явно собирался разыграть эту карту.

Лилия взгрызлась в камень и проросла в нем. Защитные чары засветились, став видимыми и в обычном мире. Отростки Лилии сдвигали их и сталкивали друг с другом, и камни, связанные с этими чарами, также начали шевелиться.

На стенах забеспокоились. Лучники принялись беспрестанно обстреливать трех заклинателей — в щиты, оберегавшие их, с глухим гулом попеременно врезались стрелы и арбалетные болты. Затем вмешался какой-то чародей, пытавшийся истощить растущую в камнях Лилию — Кельмар немедленно переключился на него, связал боем и нейтрализовал.

Будь тут больше магов, они бы успешно отразили атаку Ордена, но расчет Рекана на внезапную атаку оправдался — колдуны Аннада эс-Лимна все еще не добралась до стен из цитадели. Возможно даже, что многие из них до сих пор вообще не знали о том, что начался штурм.

Стена второго барбакана дрогнула, вниз посыпалась пыль и мелкие камешки. Стоявший наверху колдун, чьи чары блокировал Кельмар, вышел из боя и побежал вниз. Командор, избавившись от врага, присоединился к Джену и Рекану. Стена дрогнула вновь, потом опять и опять, с каждым разом все сильнее, послышались крики и ругань, и вдруг немалый кусок стены рухнул вниз, увлекая за собой не успевших убежать людей и подвижную часть моста, поднятую защитниками пару минут назад. Мост ударился об опоры, дрогнул и расщепился, но вниз не упал — навалившаяся сверху масса камней не дала ему подпрыгнуть от удара слишком высоко и свалиться в канал. Над вторым барбаканом повисла туча пыли, давая атакующим отличную возможность под ее прикрытием попробовать взять укрепление, избегая выстрелов со стен.

— Вперед! — Скомандовал Рекан.

Начался штурм.

Прикрываясь щитами, рыцари и министриалы Ордена Лилии пересекли первую, неподвижную часть моста, затем — упавшую вниз подъемную часть, вскарабкались по камням и проникли в барбакан. Там их встретили защитники крепости — растерянные и неорганизованные, и барбакан был взят за несколько минут. Кельмар отправил Карса и Чадзайна Эльне, вместе с их министриалами и оруженосцами, зачищать левую стену. Джену досталась правая, чем он был весьма недоволен — ссылаясь на то, что у него людей вдвое меньше, чем у Кельмара, он стал настаивать, чтобы Кельмар отправил воинов и на правую. Сам же он, со своими людьми, желал, по всей видимости, атаковать цитадель вместе с кардиналом. Змееныш, в свою очередь, стал настаивать на том, чтобы Кельмар плюнул в лицо Джену и как-нибудь еще его унизил, посылая в разум командора образы мужчин, насилуемых группой или принужденных поедать нечистоты из выгребной ямы.

Кельмар послал к чертям обоих, выделил еще один отряд для взятия дозорной башни, а сам возглавил третью группу, в задачи которой входил захват территории между стеной и цитаделью — «внутренним двором крепости» это огромное пространство назвать было никак невозможно, скорее оно было похоже на небольшой город внутри замковых стен.

С учетом положения, в котором оказались осажденные, им следовало бы немедленно отступить к цитадели и в ней запереться, однако, сегодня

удача была не на их стороне. Никто не ожидал, что штурм, затеянный Орденом Лилии, будет столь внезапным и сокрушительным; полагались на крепость стен, для уничтожения которых потребовалась бы длительная осада и военные машины, но колдовство высшего посвященного Ключа нарушило эти планы. Защитники замка имели трехкратное преимущество в численности — казалось бы, со столь малыми силами Рекану стоило бы самому искать убежище, а не нападать; однако, каждый министерал Лилии стоил троих бойцов, а каждый рыцарь — семерых, и резню, учиненную ими в замке Ротан, запомнили надолго. Профессиональная подготовка вкупе с простыми чарами творили чудеса. Почти никто из них, не считая кардинала и командоров, не был искусен в магии (да и способности командоров, в общем, не представляли собой ничего выдающегося), но они и не пытались действовать как чародеи. Все они были воинами, и волшебство служило им для вспомогательных целей. Они двигались легко и быстро, потому что чары нивелировали вес доспехов; их движения были точны и сильны; врагу же для того, чтобы убить адепта Ордена, требовалось не только пробить его кольчугу или броню, но и преодолеть магическую преграду, отталкивавшую от орденцов стрелы и мечи. Всего лишь три заклятья, но, складываемые с профессиональной военной подготовкой, они давали ошеломляющий эффект. Среди защищающихся было более дюжины магов, половина из которых могла в чародействе дать фору Кельмару и Джену, однако, помимо отсутствовавшей организации, они творили магию слишком медленно (хотя внешние эффекты у них были впечатляющими — потоки огня, снежные бури, полчища плотоядной саранчи), и почти всех их рыцари Лилии прикончили прежде, чем маги успели завершить свои устрашающие заклятья; а то, как проходил их бой с обычными воинами, больше напоминало резню, чем сражение.

Пройдя сквозь ряды защитников, основная группа орденцев, возглавляемая Кельмаром и Реканом, захватила вход в цитадель. Недовольного Джена оставили руководить захватом еще не взятых стен и башен.

Узкую лестницу, что вела на второй этаж цитадели, легко могли защищать двое бойцов, а здесь их скопилось несколько десятков. Рекан не захотел ждать, пока воины командора расчистят путь — он, впервые с начала сражения, обнажил собственный меч и возглавил атаку.

Чем выше ступень посвящения, тем более полно может использовать Ключ его адепт, но тем и более сильный Дар требуется для того, чтобы успешно пройти посвящение. Заклятье скорости, использованное Реканом,

делало его настолько быстрым, что за его движениями не успевал уследить даже Кельмар, сам находившийся под аналогичными, хотя и более слабыми чарами. К скорости Рекан добавил невидимость — чары, которые, наложи их на себя командор, иссякли бы в бою быстрее, чем принесли бы ощутимую пользу. На кардинале они, однако, провисели две или три минуты — более чем достаточное время, чтобы вихрем взбежать по лестнице, убивая медлительных и не видящих врага защитников. На площадке между первым и вторым этажами, Рекана встретил рыцарь, который, как выяснилось позже, был старшим сыном графа Аннеда эс-Лимна. Рекан убил его мимоходом, столь же легко, как и остальных противников; наполнил силой заклятье невидимости и стал подниматься дальше. В конце лестницы стоял сам граф — по тому, как он действовал, Рекан понял, что перед ним предводитель. Граф создал невидимую стену, и Рекану пришлось остановиться, чтобы разрушить ее. Как только он это сделал, Аннед вызвал водяной пар, который обволок фигуру Рекана, сделав его видимым. Двое воинов из восьмерых, защищавших графа, бросились вниз, чтобы убить невидимку. Отбиваясь от их атак, кардинал закричал:

— Кельмар! Где вы там? Ко мне!

Командор и рыцарь Ассид Льядельт в этот момент поднялись на площадку; заметив положение, в которое попал Рекан, они немедленно бросились к нему на подмогу. После короткого обмена ударами еще двое защитников расстались с жизнью, а Рекан в это время отбил убийственное заклятье, брошенное графом.

— Сдавайтесь! — Заглушая звон мечей (Кельмар и Ассид сцепились со следующей парой), прокричал кардинал. — У вас нет шансов!

Аннед эс-Лимн, на глазах которого только что погиб его старший сын, вместо благородного ответа, полагавшегося аристократу, выдал тираду, от которой покраснел бы и сапожник. Рекан пожал плечами и начал собственную колдовскую атаку. Граф был вынужден уйти в оборону, но продержался недолго: заклятье Рекана остановило его сердце в тот самый момент, когда Кельмар и Ассид добились двух последних воинов, защищавших графа.

Больше в цитадели сопротивления они не встретили. Здесь было несколько десятков испуганных женщин и полторы дюжины детей; пятеро воинов сдали оружие без боя.

— Кто из вас хозяин замка? — Спросил Рекан.

— Я хозяйка, — хриплым, сбивчивым голосом ответила молодая девушка. — Моего отца и брата вы только что убили.

Кардинал поморщился.

— Как ваше имя?

— Седальра эс-Лимн.

— Пойдемте со мной. — Рекан шагнул к лестнице и поманил девушку засобой. — Спустимся вниз, и вы прикажете вашим людям сложить оружие.

— А если я откажусь? — Седальра выпрямилась, демонстрируя всем своим видом, что не боится ни угроз, ни пыток.

— Тогда они все погибнут, миледи. — Холодно сказал кардинал. — Вы этого хотите?

— Нет... — Седальра поникла. Затем кивнула и шагнула вперед.

Когда они проходили мимо тел Аннеда и его сына, девушка не сдержалась и зарыдала. Рекан проигнорировал ее истерику.

— Давайте живете. Там люди за вас умирают.

Из тысячи защитников уцелело менее трехсот. Часть подчинилась приказу Седальры и сложила оружие, другие проигнорировали приказ — некоторые не посчитали девчонку вправе распоряжаться их судьбами, а кто-то в пылу сражения криков Седальры просто не услышал. Число защитников сократилось еще на сто человек, и тогда, наконец, сдались все. У пленных отобрали оружие и согнали в казарму, где и закрыли. Рекан и Седальра вернулись в цитадель.

— Присягните королю Энкледу и Ордену Лилии, — предложил кардинал. — И вы сохраните свои владения. И ваши вассалы не будут погибать зря.

— Они погибают не зря, — Седальра старалась говорить твердо. — Они защищают свою родину.

— Эта страна будет нашей, — устало сказал кардинал. — Их смерти ничего не изменят.

— Один раз вы уже пытались захватить Ильсильвар. Напомнить, как вы бежали отсюда, поджав хвосты?

Рекан сжал зубы и мрачно посмотрел на нее. Слова задели его, не смотря на то, что прошло столько лет... он был тогда зеленым оруженосцем, но унижительное поражение, нанесенное Ордену, помнил как сейчас.

— Я ничего не забыл. — Процедил он со злостью. — Но теперь все будет по-другому. Кельмар!

— Я здесь, сир.

— Оставляю замок на вас. Почините барбакан и стены, здесь мы поставим второй лагерь... а может быть, сделаем его основным. Возьмите заложников у вассалов... — Он холодно посмотрел на Седальру. — У

вассалов этой юной девицы. Ее из замка не выпускать, отвечаете за нее лично. Разберитесь с пленниками — посмотрите, кто готов присягнуть. Тем сделайте условия получше, но поосторожнее с ними. Пусть сначала в бою докажут, что действительно приняли нашу сторону. С ранеными поступайте как знаете, если решите убить их — я не возражаю. Война будет долгой, и лишние рты нам не нужны.

Кельмар склонил голову.

— Я постараюсь убедить их перейти на нашу сторону, сир.

— Очень хорошо. Я на вас надеюсь. Джен будет заниматься окрестностями — координируйте с ним свои действия, прошу вас. Соревнования в доблести на войне нас до добра не доведут, это не рыцарский манеж.

Кельмар вновь поклонился. Кардинал коротко кивнул ему и ушел. Спустя час, забрав с собой Джена и подчиненных ему людей, Рекан покинул замок.

На Кельмара навалилось множество организационных хлопот. Решив самые насущные и разослав свои подчиненных с поручениями, он наконец позволил себе принять ванну в графской купальне и позвать лекаря. Магия частично нейтрализовала последствия ожогов, но полностью исцелиться Кельмару не удалось. Требовалась помощь профессионала.

Он нежился в теплой воде, когда в ванную комнату вошел Якус Эльдарид — пожилой мужчина с седой бородкой. Он был членом Ордена, и прошел рыцарское посвящение, но в сотне Кельмара занял место старшего лекаря уже очень давно, еще при предыдущем командоре. Говорили, что в молодости он был неплохим бойцом, но к убийствам его душа не лежала — Якус предпочитал возвращать жизнь, а не отнимать ее.

— Выглядишь ты не очень хорошо, — хмыкнул Якус, закрывая дверь. — Кто тебя подпалил?

Они давно знали друг друга и наедине обходились без формальностей, несмотря на то, что Устав строго запрещал простое обращение в общении между членами Ордена, не равными по статусу.

— Один слишком пряткий колдун. Я и не знал, как и выгляжу, пока в зеркало не посмотрел. — Кельмар кивнул на маленькое бронзовое зеркало на стене. Его лицо, шея, плечи и руки были густо покрыты волдырями, делавшими командора похожим на страдающего от какой-то заразной кожной болезни.

— Ложись туда, — Якус показал глазами на лавку.

Кельмар вылез из ванны и лег на лавку. Якус достал из сумки мазь и стал наносить ее на кожу командора, предварительно вызвав и закрепив в воздухе Знак Лилии. Он сочетал физическое воздействие с магическим — ничего сложного, но, как и в случае с бойцовскими качествами адептов Ордена, сложение двух типов воздействия давало в сумме намного больший эффект, чем могло бы дать каждое из них по отдельности.

Якус работал сосредоточенно и быстро. Кельмар испытывал не слишком приятные ощущения, когда телесная жидкость вытекала из лопнувших волдырей, а на месте обожженной кожи росла новая. Однако, неприятные ощущения можно было терпеть, и он знал, что после работы Якуса об этих ожогах больше не вспомнит.

«Лизни его, — посоветовал змееныш, когда Якус склонился, чтобы обработать правую руку командора. — Укуси его за ухо. Нежно. Или не нежно. Ему наверняка понравится. А если нет — откуси ему ухо!»

— Что у нас с ранеными? — Спросил Кельмар. Об убитых ему уже докладывали: трое оруженосцев, восемь министриалов и один молодой рыцарь, Стейнар Гейк. Стейнара командор хорошо знал — тот некогда был его оруженосцем и подавал большие надежды. Возможно, думал теперь Кельмар, его восхождение по карьерной лестнице было слишком быстрым; возможно, следовало оставить его в министриалах на несколько лет, убедиться, что он вместо демонстрации доблести и ловкости он научился дисциплине и набрался опыта... От мысли, что придется смотреть в глаза его родителям, объясняя, почему погиб их сын, а он, Кельмар, остался в живых, его начинало мутить.

«Да плевать на них. Воспитали идиота. Еще нарожают. Ты вообще не обязан с ними встречаться.»

— Двадцать человек в лазарете, — сообщил Стейнар. — Еще у тридцати — незначительные ранения, после перевязки они смогут продолжить службу.

— Было бы неплохо. Людей не хватает. У нас одних только пленных больше, чем нас самих. А мне еще и пришлось отослать Карса, Ассида и Тейда с двадцатью министриалами.

— Зачем?

— Заложники. — Коротко ответил Кельмар и Стейнар кивнул, показывая, что все понял. — Вряд ли их отдадут с большой радостью... Сколько у нас раненых ильсов?

— Еще ими не занимался, — ответил старший лекарь. — Не до того было. Но, по моим оценкам, не меньше полутора сотен.

— Так много...

— Из сдавшихся — раненых не меньше половины. Вдобавок те, кого вы не добились, когда чистили город. После боя их обнаружилось изрядно. В том доме, что ты нам выделил под лазарет, им места уже не хватило, разместили их рядами прямо на земле.

— Итого, у нас получается более трехсот пленных?..

— Если считать со слугами и женщинами — как минимум, вдвое больше. Перевернись на живот.

Командор так и сделал, и Якус принялся обрабатывать его спину и плечи.

— Надо с ними что-то делать, — задумчиво сказал Кельмар. — У нас слишком мало людей, чтобы держать под контролем такую толпу.

«Убей их! — Откликнулся змееныш. — Тебе кардинал разрешил! Давай, ну что же ты? Хватит распускать нюни. Перебей их и развесь тела на перекрестках дорог. Это послужит хорошим уроком для всех, кто рискнет вам сопротивляться... НАМ сопротивляться.»

— Когда придут новые отряды с Эн-Тике? — Спросил Якус.

Кельмар пожал плечами.

— Не знаю. И неясно, куда их направят, так что нам лучше не рассчитывать на них. Надо все сделать своими силами... а это значит, что без вербовки не обойтись.

— Только не слишком увлекайся. А то как бы эти на вербованные не ударили в спину в самый неподходящий момент.

— Это точно... — Пробурчал Кельмар.

«Вот почему ты никогда, НИКОГДА меня не слушаешь? — Возмутился змееныш. — Я ведь стараюсь ради твоего же блага!»

«Уймись. — Мысленно приказал командор. — Меня твои бредни только отвлекают. Твоя тьма чужда мне и отвратительна, я служу Свету.»

«Ты служишь Тьме, но слепо, — возразил змееныш. — Не ты ли всю свою жизнь учился убивать? Или, может быть, ваш захватнический поход принес жителям этой страны всеобщее счастье и благоденствие? Всегда, когда ты применяешь насилие, ты служишь тьме — так делай же это хотя бы осознанно!»

«Ты хочешь мне внушить, что для того, чтобы служить только Свету,

мне придется отказаться от всех клятв, сложить оружие и стать отшельником? Или земледельцем? — Насмешливо спросил Кельмар. — Ты это мне предлагаешь?»

«Я предлагаю тебе понять, что без тьмы не обойтись. Ну давай, попробуй отказаться от насилия, стать безропотной овечкой — и ты будешь добычей, а не хищником; такие же, как ты, придут и убьют тебя, а твою семью уведут в рабство. В чем будет состоять торжество Света, если ты будешь вынужден терпеть унижения и издевательства и не сможешь защитить тех, кто тебе дорог? Ни в чем. Поэтому без Тьмы не обойтись, как бы ты не пытался изображать из себя праведника. Признай же это.»

«Ты стал умнее. — Признал Кельмар. — Кто тебя научил так складно болтать?»

«Ты сам. Я питаюсь соками твоих Шэ, Тэннака и Келата. Соки Келата — слова, идеи и образы, я узнаю все то, что знаешь и ты, но предпочитаешь забывать.»

«Все больше убеждаюсь, что тот обряд был либо большой ошибкой, либо подлейшим из предательств.»

«Ты все так драматизируешь...» — Обижено пробурчал змееныш.

Лекарь ушел, а Кельмар, прежде чем одеться, вновь посмотрел в зеркало. От волдырей не осталось и следа.

Уже стемнело, но было еще множество мелочей, с которыми следовало разобраться прежде, чем можно было бы позволить себе лечь спать. Его помощники уже исследовали замок и составили отчеты относительно имеющихся запасов провианта, оружия и чистых тканей. Количество провианта казалось большим, но стоило поделить числа на количество едоков, как становилось ясно, что величина — это иллюзия; если ничего не делать, уже через месяц могли начаться проблемы с едой. Следовало провести сбор продовольствия в ближайших деревнях — конечно, все это мало обрадует крестьян и некоторые, возможно, захотят покачать права — поэтому вместе со сборщиками придется послать военный отряд. Сидя в кабинете покойного графа, Кельмар задумался о том, кому это можно было бы поручить, с учетом того, как сильно ему не хватало людей. В конце концов он составил список поручений, посмотрел на свободные имена и среди министерялов нашел-таки человека, которому можно было бы доверить это поручение...

В дверь постучали, затем она скрипнула, открылась и в комнату заглянула молодая служанка.

— Сир Кельмар... — Женщина слегка нервничала, хотя и пыталась это скрыть. — Моя госпожа, леди Сельдара, просит вас отужинать вместе с

ней. Она очень хочет поговорить с вами.

— Вот как? Хорошо. Когда? Сейчас?

— Да. Стол уже накрыт, она вас ждет.

— Приятно, что хоть кого-то в этом замке заботит, голоден я или нет...

— Буркнул Кельмар, вставая. — Что ж, пойдете.

«Маленькая графиня на тебя запала, — захихикал змееныш. — Она тебя хочет, поверь мне. Это вполне естественно. Женщины всегда хотят того, кто сильнее. Ты доказал это, когда убил ее отца и брата...»

«Я их не убивал.»

«Но она-то об этом не знает, верно? Ты здесь главный, и я уверен — она течет всякий раз, когда думает о тебе. Возьми ее грубо, и пусть уверенность в том, что она жертва насилия, погасит ее чувство вины. Она ждет от тебя именно этого. А когда будешь кончать, вцепись ей зубами в горло — этого она не ждет, хи-хи-хи, но должен же ты преподнести ей сюрприз! Пусть кровь из ее горла зальет твоё лицо также, как твоё семя зальет её лоно...»

«Хватит! — Мысленно рявкнул Кельмар. — Сиди молча, или я сегодня же поступлю с тобой также, как Рекан — со своей тварью!»

Змееныш обиженно замолчал. Кельмар вышел из кабинета и проследовал за служанкой по коридору, далее они поднялись на два этажа наверх, опять коридор и вот женщина уже стучит в дверь, ведущую в покои Сельдары.

— Госпожа...

Это была уютная комната, освещенная дюжиной свечей. В центре накрыт стол — вино, паштет, хлеб, холодное мясо, маринованные овощи и даже медовое печенье.

— Госпожа Сельдара, — командор поклонился.

— Сир Кельмар, — девушка чуть наклонила голову. — Рада, что вы откликнулись на мое приглашение. Прошу вас, садитесь.

Служанке:

— Крисель, ты можешь быть свободна.

Кельмар подождал, пока графиня сядет и лишь после этого сел сам. Заклятье, которое он постарался сотворить незаметно, показало, что ни в еде, ни в напитках отравы не содержится.

— Не беспокойтесь, сир, — сказала Сельдара, подцепляя маринованный помидор. — Я не собираюсь вас травить.

— Да, это было бы весьма неразумно. — Кельмар положил себе мяса и оливок.

— Но ожидаемо?

Кельмар сделал неопределенное движение головой.

— Как знать... Налить вам вина?

— Да, будьте так любезны.

Он встал, налил вина даме, потом себе. Добавил в тарелку овощей, сел, взял хлеб и приступил к трапезе. Сельдара сделала себе бутерброд с паштетом.

«Быстро она оправилась от горя...» — Подумал Кельмар. — «Или просто хорошо держится?»

Некоторое время они молча ели.

— Скажите, сир Кельмар, — Сельдара отпила вина. — Если я дам присягу вашему варварскому королю, мне вернут замок? Земли? Право распоряжаться собственными людьми?

— Конечно, — Кельмар кивнул. — Только не сразу. А лишь тогда, когда мы поймем, что вы действительно на нашей стороне.

— И когда же это произойдет?

— Это зависит от ваших действий.

— И что же я, по-вашему мнению, должна сделать?

«Ооооо, отличный момент, чтобы завалить ее! — Не удержался змееныш. — Не упusti его!..»

Кельмар мысленно отмахнулся от змееныша и сказал:

— Для начала вы могли бы убедить ваших вассалов и соседей присягнуть нам и в знак своей верности прислать сюда солдат. Или деньги. А лучше сразу и то и другое.

— Не говоря о том, что большую часть моих вассалов вы перебили сегодня днем — как я, по-вашему, смогу кого-либо в чем-либо убедить, если мне запрещено покидать даже собственные покои?

— Напишите письма.

— Вы полагаете, этого хватит? — Она посмотрела на командора с иронией.

— Для начала — да. Некоторые ответят дерзко и мы их накажем. Другие захотят встретиться с вами и мы позволим им вас навестить. Ну а дальше от вас будет зависеть — сумеете ли вы в чем-либо убедить их или нет. Если мы увидим, что вы действуете в интересах Ордена... и короля... власть над замком и землями вам будет возвращена, можете быть в этом уверены.

— Значит, написать письма? — Сельдара вновь отпила вина. — И все? А может быть, есть еще что-нибудь, чем я могла бы быть полезна Ордену... и вам?..

В ее голосе появились бархатные нотки.

— Не понимаю, о чем вы, миледи, — сухо сказал Кельмар, вытирая губы салфеткой. — Давайте начнем с малого. Пришлите за мной завтра, когда письма будут готовы.

Графиня молча разглядывала его несколько секунд. Поставила бокал на стол и спросила:

— Зачем вы здесь, командор?

— Простите?

— Что вы здесь делаете?

— Ужинаю с вами, — он пожал плечами.

— Нет, я имею в виду — здесь, в Ильсильваре?

— Хм. По-моему, это очевидно.

— И все же. Хотите взять эту страну? Мечтаете о подвигах, обширных владениях, множестве людей, которыми сможете повелевать? Что вас сюда привело?

— Таков был приказ короля.

— И все? Вы настолько преданы своему королю?

Кельмар нахмурился.

— Я не понимаю, к чему этот разговор.

— Вы не кажетесь грабителем или насильником. И я знаю, что до последнего времени ваши Ордена не слишком-то чтили власть правителя Эн-Тике. Что изменилось?

— Я не могу обсуждать с вами такие вопросы.

— Почему? Стесняетесь признаться, что ваши руководители заключили сделку с силами тьмы, а такие, как вы, стали марионетками в их руках?

Кельмар вздрогнул. Несколько секунд он пристально разглядывал лицо Сельдары.

— Кто вам это сказал?

— Какая разница?

— Это полная чушь.

— Вы знаете, что нет.

Командор пожал плечами.

— Похоже, вы знаете больше меня. Или думаете, что знаете. Или делаете вид, что знаете, надеясь что я проглочу наживку и проболтаюсь о чем-нибудь. У вас есть что сказать по существу? Если нет, то все эти истории о «силах тьмы» можете оставить при себе. Людям свойственно демонизировать своих врагов, очернять их и обвинять в преступлениях, которых они не совершали. Это вполне естественно.

«Проглотит ли она мою наживку?..» — Гадал он, произнося все это. Ему очень хотелось выяснить, каким образом она узнала про «сделку с

силами тьмы». Это могло быть блефом, а могло быть и настоящим знанием. Но если второе — то как?.. откуда она могла узнать?

— Вы хороший маг, командор? — Спросила Сельдара вместо ответа.

Он вновь пожал плечами.

— Худший чем хотелось бы.

— Да-да, — кивнула она. — Всем нам хотелось бы быть кем-то большим, чем мы есть. Это в нашей природе. Брожение анкавалэна, утраченного богами и впитанного родом человеческим много тысяч лет тому назад.

Графиня сделала жест, и тяжелый засов с лязгом сдвинулся и заблокировал дверь. Следующее заклятье, столь же быстрое и уверенное, оплело комнату паутиной звукопоглощающих чар.

Кельмара неприятно удивила сила и скорость, с которой девушка творила волшебство. Если она с боевыми заклятьями управляется столь же легко, то молодая графиня намного опаснее, чем он представлял себе до этой минуты.

— Что все это значит? — Спросил он, вставая.

— Вы благородный, харизматичный, умный, — она тоже поднялась. — Ужасные качества для человека в вашем положении. Окажись вы мерзавцем, одержимым собственными страстями, я бы еще подумала, не оставить ли вас в живых. Но умного и при этом благородного рыцаря? Ну уж нет. Вы слишком соблазнительны. Дай вам волю, и в самом деле начнете переманивать к себе местных феодалов.

Столь же легко и быстро она наложила заклятье на окна и двери, окончательно блокируя все выходы из комнаты.

— Не знаю, что вы задумали, — Кельмар положил ладонь на рукоять меча. — Но прошу вас, миледи, остановитесь. Я не хочу причинять вам вреда.

— И не причините.

Она вышла из-за стола и направилась к нему. Что-то было в ней, в том, как она двигалась, что-то такое, что заставило Кельмара отступить... Она шла неторопливо, слегка улыбаясь и осознавая всю полноту своей власти над заключенным в комнате человеком. Потом ее черты лица исказились; нос, уши, глаза и губы сдвинулись и потекли по кругу, сливаясь друг с другом в водовороте из плоти, и Кельмар понял наконец, с кем делил ужин этим вечером. Безликая тварь, способная стать кем угодно, одна из тех, что погубили Орден Золотого Огня и уничтожили половину Крылатых Теней. В Асфелосте о них рассказывали шепотом, присочиняя уйму небылиц, однако несомненным оставалось то, что эти демоны по ведомым только им

одним причинам оберегали Ильсильвар от внешних вторжений и распространяли среди ильсов странные ереси, за которые Ильсильвар Гешское священство некогда предало анафеме. Это был лишь вопрос времени — когда именно они появятся вновь, где и как, в случае нового вторжения Орденов.

Кельмар выхватил меч и ударил — но тварь была слишком быстра. Еще удар, и еще. Бесполезно. Она уходила от атак, словно он был не одним из лучших фехтовальщиков Ордена Лилии, а неповоротливым увальнем, впервые взявшим в руки меч. Крутящийся по часовой стрелке кисель, заменявшей демонице лицо, замедлял движение, бурлил и словно пытался обрести новую форму. Глаз, нос, кусок рта... прежде, чем они исказились и расплылись, Кельмар понял, на кого будет похож следующий облик Безликой. Он должен найти способ убить ее — или она убьет его, а затем (или в процессе убийства) примет его облик и начнет распоряжаться его отрядом и крепостью Ротан так, как ей вздумается. Кельмар призвал Знак Лилии и сотворил заклятье скорости — но тварь переиграла его и здесь, вмешавшись в действие заклятья и исказив его таким образом, что оно лишь замедлило и ослабило Кельмара, а не ускорило.

Словно танцую, Безликая проскользнула под правой рукой командора, поднятой для очередного удара, захватила кисть и локоть и, позволив руке совершить рубящее движение, продолжила его дальше, одновременно отводя кисть Кельмара вправо, удерживая его локоть своей левой рукой, разворачивая корпус на четверть оборота и выставляя ногу на пути движения ног командора Ордена Лилии. Все произошло настолько легко и быстро, что Кельмар не понял и сам как оказался на полу, уткнувшись лицом в ворсистый ковер, а Безликая, вывернув его руку, уже лишившуюся меча, поставила ногу ему на шею.

— Не дергайся, пожалуйста, — попросила она, и женский голос в ее речи мешался с мужским, в котором Кельмар узнавал эхо своего собственного. — Тогда все закончится быстро. Я возьму немного твоей крови для того, чтобы чувствовать то же, что чувствуешь ты и немного мозга, чтобы помнить то, что помнишь ты. Без этого дубликат может выйти неполноценным.

Он рванулся, что едва не привело к перелому руки, затем попытался перевернуться и подтянуть ноги к животу, чтобы совершить кувырок. Безликая за это время успела разрезать ему кожу ногтем и слизнуть выступившую капельку крови. Перекувыркнуться она ему не дала — села сверху, захватив шею левой ногой таким образом, чтобы левой ступней цепляться за колено правой и, упираясь правой в пол, мешать Кельмару

перевернуться. Он схватил Безликую за ноги, пытаясь вытащить голову из замка — бесполезно, проще было бы освободиться из захвата железной статуи, чем этой женщины... этого существа. Ее длинная юбка к этому времени расплзлась и деформировалась также, как и та, что ее носила — ее не полностью мужская, но уже и не женская одежда. Кельмар не видел, как Безликая вытянула указательный палец, делая его костяным и острым для того, чтобы одним точным и сильным ударом пробить череп командору, оставив в нем аккуратную дыру — пачкать комнату или одежду кровью и мозгами она несколько не хотела. Кельмар сжал ее ноги, чувствуя, что еще немного и из-за пережатой шеи он потеряет сознание, а потом...

Потом...

Потом она начала кричать. Она завизжала так истошно, что командору показалось — он сейчас оглохнет. Она выпустила его шею из захвата и заметалась, забилась в агонии рядом — Кельмар, с трудом перевернувшись на спину, пораженно смотрел, как корчится эта тварь, отдирая от себя куски собственной, похожей на кисель плоти в тщетных попытках добраться до терзавшего ее нутро змееныша. Глумливый и омерзительный червячок, подсунутый Кельмару в ходе ритуала, явно пахнувшего сомнительной сделкой с кем-то из могущественных обитателей Нижних Миров, неожиданно оказался весьма кстати. Когда левая рука Кельмара прикоснулась к бедру Безликой, змейка-татуировка переключалась к врагу — но с ней она повела себя совершенно иначе, и вместо извращенных желаний и мыслей сразу выплеснула весь тот яд, который, как оказывается, в ней все это время хранился.

Как ни была сильна бессмертная настоятельница Школы Железного Листа, справиться с отравой, сотворенной Владыкой Ядов специально для таких, как она, Безликая не смогла. Она лишь продлила свою агонию — прекратившуюся, впрочем, когда Кельмар вернул себе меч и нанес единственный удар, отсекая Безликой голову. Деформированное неудавшимися превращениями, разлагающееся и исходящее вонью от продолжающегося распространяться яда, тело Безликой кровавой слизиобразной грудой раскинулось по ковру. Кельмар отвернулся, выблевывая только что съеденный ужин.

«Иногда без тьмы никак не обойтись!» — Довольным тоном сообщил змееныш, поднимаясь по ноге Кельмара и струясь по спине, чтобы занять затем свое привычное место на его левой руке.

Глава восьмая

В Морфъегульде, во вновь отстроенном дворце, в многогранном Зале Начал, стены которого украшены фресками и барельефами, на черном агатовом ложе, на подушках, сшитых из снов соvrащенных детей, я возлежу, пребывая в своей женской ипостаси. Мое великолепное эбеновое тело, полностью обнаженное, украшенное, как драгоценностями, трупными пятнами и гнойниками, излучает желание и силу. Время разума прошло, пришло время страсти.

— Приведите пленников, которых вы захватили вчера, — говорю я, обращаясь к кхаду, похожим на сколопендр, стоящим справа от ложа. Мой голос вкрадчивый и томный, он подобен напитку, пьянящему разум. — Гиора, человека и оборотня.

Кхаду кланяются и уходят, а когда возвращаются, то приводят в зал рогатого демона, мужчину средних лет и юношу, в чертах лица которого есть что-то от соболя или куницы.

— Принесите чаши с огнем, лавой, льдом и водой, — говорю я, обращаясь к лганарэ, людям-скорпионам, стоящим слева от ложа.

Они кланяются и уходят, и возвращаются с чашами, полными эссенций, выделенных из чистых стихий.

— Приведите халнея и костяного демона, — говорю я, обращаясь к кадётам, стоящим в центральной части зала, между ложем и большими двустворчатыми дверьми.

Они кланяются и уходят, плетя сети из своих чар, а когда возвращаются, в этих сетях находятся мечущаяся, как птица в клетке, живая тень, и крупное злобное существо, напоминающее скелет дикаобраза, оцетинившегося на редкость кривыми и толстыми костяными иглами.

— Сотките над залой полог, — говорю я, обращаясь к паучихам, притаившимся у стен. — Чтобы никто из тех, чье сердце боязливо и страшится любви, не смог бы в эту ночь уменьшить мое удовольствие своим постыдным бегством.

Они создают призрачные тенета и опутывают зал паутиной из чар, и когда заканчивают, я велю всем своим слугам покинуть зал, ибо нельзя созерцать предстоящее таинство, оставаясь безучастным, а их духовные тела в качестве компонентов мне сегодня лишь помешают.

Томление охватывает меня, я глубоко вздыхаю, изгибаясь, немного меняю позу на ложе и издаю негромкий стон. Яды, заключенные во мне, приходят в движение. Они соединяются в сложную смесь, которая выделяется из меня вместе с потом и смазкой. Эта смесь попадает в воздух — настолько легкая и неосязаемая, что лишь оборотень мог бы уловить ее аромат, находишься он тут в своем зверином обличье. Гиор, человек и перевертыш дышат моей силой, разлитой по залу и соединенной с воздухом, и на них аромат оказывает воздействие почти сразу. Халней и одлорг не дышат вовсе, но это не важно — смесь все равно проникнет в них, впитается в кости и в сгусток живой темноты, и когда это произойдет, все остальное потеряет значение.

Однако, для предстоящего таинства мне не хватает еще четырех компонентов. Я дую на четыре чаши с четырьмя элементами, призывая связанных с ними стихиаей — и вот, над одной из чаш вспыхивает пламя высотой в человеческий рост, другая бурлит фонтаном лавы, в третьей растет и лопаются ледяное дерево, четвертая исторгает водяной гейзер. Из четырех врат являются четыре духа и принимаются стремительно и отчаянно летать по залу. Они чувствуют себя пойманными, и чувства их не обманывают. Но чувства изменчивы. Когда мой аромат проникает в них, они забывают о том, что пленены и обречены...

Первая троица к этому моменту уже теряет себя. Человек ползет ко мне по полу, он лижет пол и ступеньки, ведущие к возвышению, на котором стоит ложе. Он смотрит на мое тело, не отрывая глаз, и его трясет от вожделения. Гиор катается по полу, бешено ревя, раздирает стены когтями и грызет зубами барельефы. Соболев, уже в зверином облике, распустил хвост и медленно идет к моему ложу.

Пока мои гости теряют себя из-за разлитого в воздухе аромата, мое тело меняется. Живот, грудь, лицо и бедра белеют, чернота отступает за спину. За спину же смещаются гнойники и трупные пятна. Я чувствую, как плоть от лопаток до поясницы взбухает — наружу тянутся девять темных отростков, и на конце каждого из них находится утолщение, похожее на бутон нераспустившегося цветка.

Стихиали также устремляются ко мне, и из распавшихся клеток выходят халней и одлорг. Костяной демон покорился почти сразу, и лишь живая тень пытается еще сопротивляться. Я, улыбаясь, смотрю на халней, зная, что хватит его ненадолго, ибо хранящая его сила находится слишком далеко от нас, чтобы полноценно защитить своего подданного, и даже будь Король Теней здесь, в этом зале, я бы приняла его вызов и уничтожила бы его ради того, чтобы добыть алхимический ингредиент, скрытый в семи

душах живой тени.

Все происходит так, как и должно. Тень теряет себя и устремляется ко мне — последней из всех.

Девять бутонов раскрываются и распухают, являя взорам моих гостей девять женских тел, возлежащих внутри девяти огромных цветков. Все тела различны и все — похожи на то единственное, которое их породило. Я ощущаю себя в каждом из них, улыбаюсь и маню к себе каждого из девяти избранников, ласкаю себя девятью парами рук, выказываю вожделение девятью парами глаз, движениями девяти пар ног. Обезумевшие мужчины, демоны и стихии устремляются ко мне, впиваются губами в мои губы, терзают мои груди, нетерпеливо входят в мои лона. В один и тот же миг я ощущаю девять соитий, и девять видов наслаждения текут по девяти отросткам в центральное тело, остающееся неподвижным и недоступным. Из девяти соитий подобны плотской любви, известной людям, лишь три: гиор в бешеном ритме овладевает демоницей, беря ее сзади; мужчина склонился над женщиной, лежащей на спине и положившей ступни ног ему на поясницу; соболь проникает в миниатюрную женщину-фурри, лежащую на боку, кусая ее плечо и оставляя на коже следы от когтей. Оставшиеся шесть тел соединяются иными способами. Стихии проникают в тела женщин, похожих на призрачные сосуды, и заполняют их изнутри своими энергиями. Одлорг разрывает и пожирает демоницу, похожую на страшно худую женщину, в которой нет мяса, только скелет и кости; у женщины широкий рот, полный прочных зубов, и она также пожирает одлорга, дробя и кромсая его кости, а ее собственное тело восстанавливается столь же быстро, как и уничтожается костяным демоном. Халдей и женщина-тень кружатся в сложном танце, постепенно сближаясь, сливаясь и соединяясь друг с другом.

Я ощущаю желания всех участников — не только свои собственные, исходящие от девяти женских тел, но и желания своих гостей и избранников, потому что в ходе близости энергии двоих становятся одним целым. К девяти потокам, текущим к центральному телу, теперь примешиваются энергии моих гостей, и я знаю, что чем дальше, чем заметнее и полнее будет их присутствие. Я собираю их чувства, их страсть, их наслаждение внутри себя, смешиваю со своими чувствами, с духовными и колдовскими ингредиентами, таящимися внутри меня, с различными видами ядов и жгучих смесей, и жду завершения первого этапа таинства. И вот, их желание достигает пика, они отдают себя и теряют, и если после оргазма, случившегося в ходе обычной близости, удовольствие коротко и вскоре все возвращается на свои места, то сейчас — не так: они отдают

себя волна за волной, долго, все более мучительно, и ничто не возвращается назад, потому что они отдают самих себя полностью, без остатка, гаснут, выпитые моими телами, лежащими в бутонах огромных хищных цветов, становятся семенами новой жизни, в которой наслаждение и смерть слиты так тесно, что их невозможно различить. Семена насыщаются моей силой в центральном теле, и отправляются обратно, в девять внешних тел. Поначалу как будто ничего не происходит, затем я начинаю стонать девятью голосами, и некоторые из этих голосов вскоре принимаются кричать. Мои животы вспухают, я испытываю боль, когда мои еще нерожденные дети начинают выгрызать мою плоть изнутри. Мои тела быстро восстанавливаются, но этого уже недостаточно, ибо даже нерожденные, хуриджары намного ужаснее любого одлорга или духа огня. Вой и крики наполняют комнату, мои тела содрогаются и делаются уродливыми, и лишь ослепительное белое, прекрасное тело на агатовом ложе, остается спокойным и неподвижным. Если наслаждение — семя, то боль — жизненные соки, которыми нужно накормить детей для того, чтобы они стали такими, как я хочу, и я даю им эту пищу.

Мои распухшие животы лопаются, тела умирают одно за другим — иссохшие, искалеченные, обожженные, а в воздух взмывают демоны, с рождения наделенные бессмертием, соответствующим венцу в руке Картивэля. Прежде у меня уже было девять детей, но все они были погублены и уничтожены. В новых возродится сила прежних, кроме того, мною добавлены в их естество компоненты, которых не было прежде — это должно сделать их еще более совершенными.

Они кружатся в воздухе — могучие, растущие на глазах, насыщающиеся силой, которую я подарила им, и знаниями, которые текут от меня в их умы сейчас. Девять мертвых тел выгнивают и отваливаются от меня, мои дети спускаются вниз, лижут мою кожу, бедра и груди, и ласкают меня. Один из них оказывается слишком настойчивым, и тогда я нежно беру его за шею и целую в губы, отчего кожа на его губах чернет и лопается, и по подбородку течет черная кровь, смешанная с гноем. Остальные перестают дурачиться и притихают, прижимаясь ко мне и ожидая, что будет дальше.

— Ты будешь зваться Аг-Дозн, Меченый, — говорю я тому, которого поцеловала. Потом перевожу взгляд на других детей и даю им имена: Белоликий, Таящийся, Ледяной Вихрь, Плеск, Пылающий, Жгучий, Бык и Алчущий. Я даю им имена на языке людей, ибо действовать им придется в человеческом мире... впрочем, я еще не определилась до конца, кого из них, каким образом и где использовать. Но имена в любом случае лишними

не будут: я знаю силу, таящуюся в именах.

Я обращаю свое внимание за пределы зала и разрешаю подданным вернуться, и вот, двери распахиваются и помещение заполняют кадеты и паучихи, кхаду и лганарэ. Все они в изумлении смотрят на моих детей и, опускаясь на колени, возносят мне свои молитвы.

— Мать... — Шепчут они, раскачиваясь в молитвенном трансе, и это же слово повторяют приникшие ко мне хуриджары. Я чувствую слабость, ибо рождение столь могущественных детей отняло немало сил, но знаю, что скоро восстановлюсь — особенно, если не буду забывать впитывать силу молитв, в том числе и тех, что обращены ко мне прямо сейчас.

Я лежу неподвижно, смотрю на своих подданных и детей, и чувствую, как возвращается на круги своя та жизнь, которой меня некогда лишили Солнечные. Сумею ли я на этот раз отстоять то, что мне дорого? Во всяком случае, я сделаю все, чтобы не допустить повторного падения Морфъегульда.

В Кайёле, в королевском дворце, в кабинете, стены которого облицованы резными панелями из бука, Лицемер, пребывая в облике короля Энкледа, слушал доклад казначея. Приходилось тратить время на эту маску, потому что войску, отправившемуся на юг, нужна была поддержка, и если бы он забросил короля, или недостаточно часто появлялся бы во дворце, все развалилось бы. Придворные не понимали, для чего этот поход — вспоминая бесславные попытки завоевать Ильсильвар, совершавшиеся ранее, они были уверены, что затея обречена на провал. Лицемер поработил волю нескольких из них, но он не мог поработить всех, потому что грубый и прямой контроль сделал бы слуг неэффективными, а тонкий контроль требовал тщательной работы и времени, которого у него не было. Также он не мог украсть лица у всех во дворце: из-за поврежденной в древние времена силы он мог одновременно носить лишь одно лицо. Ничего... придет время, и он поглотит души масок из Школы Железного Листа — и тогда, быть может, та сила, которую они у него украли, вернется к нему.

Казначей закончил доклад. Лицемер задал несколько вопросов, ответы на которые знал заранее, и отдал несколько распоряжений, выказывая осведомленность, в которой прежнего Энкледа никто бы не заподозрил. Лицемер знал, что во дворце уже шептались, что короля подменили — но пока эти шепотки оставались лишь досужей болтовней. Увы, ему пришлось нарушить образ капризного и слабого монарха, каковым был Энклед,

потому что этот образ слишком плохо подходил для выполнения стоящих перед ним задач. Пока они шепчутся, но скоро начнут составлять заговоры против него — важно не упустить этот момент и вовремя нейтрализовать заговорщиков. Он вновь подумал о том, что тратит слишком много времени на короля — времени, которое можно было бы с пользой употребить на другие, более важные вещи, но пока что решения, которое могло бы избавить от выполнения обязанностей монарха, он не видел. На мгновение он пожалел, что оттолкнул Кукловода — тот мог сделать марионетку, идеально имитирующую короля Энклета. Куклу можно было бы оставить во дворце, поручив ей все эти организационные обязанности, и лишь изредка наведываться и проверять, как она работает... Впрочем, если его расчет верен, Кукловод вскоре сам постарается сблизиться с неожиданно воскресшими братьями.

Последнее его распоряжение, отданное казначею, заключалось в требовании прислать в приемную одного из его помощников — этот молодой человек по имени Дорен Маньо был ленив, глуп и брал взятки. Казначей давно собирался его прогнать, но Дорен был протее одной из наиболее влиятельных партий, и его руководитель не осмеливался что-либо предпринять против него.

Когда Дорен пришел, Лицемер затеял Игру и быстро достиг цели — в данном случае это было совсем нетрудно, скорее скучно. Однако, он не собирался становиться Дореном. На этот раз, завладев чужой волей, Лицемер проник в Дорена, но не завершил процесс, а, напротив, максимально растянул его последний этап. Они сидели в креслах напротив друг друга — Дорен с остановившимся взглядом и побелевшим лицом, неподвижный, казавшийся замороженным, и Энклед — собранный, энергичный, хищно смотрящий на свою добычу. Лицемеру не нужна была личность пойманного человека, а вот природа его таила в себе массу возможностей, о которых сами люди мало что знали. Человек слаб и противоречив, потому что внутри себя соединен со всей Сальбравой — разнонаправленные силы уравнивают друг друга в его природе, формируя в итоге наислабейшее существо, обладающее наибольшим потенциалом развития. Со всеми мирами здесь установлена связь, и Лицемер собирался найти одну, особенную дорогу, что должна была привести его в место, где существующее перестает быть. Все прочие пути туда закрыты или слишком хорошо охраняемы, возможно, закрыт и этот — однако, он должен попытаться.

Мысль и чувство, вещь и знак разделены для людей, но не для Темного Князя из первого поколения бессмертных, некогда участвовавшего в

творении мира. Глаза Дорена стали вратами, его душа — запутанным лабиринтом, и где-то здесь находилась спрятанная дверь, которую Лицемер должен был найти. Он вошел в лабиринт, снял со стены факел и двинулся вглубь по запутанным кривым коридорам. Первые стражи, похожие на големов с лицами Дорена, встретили его за первым же поворотом, но этими уровнями он всецело владел, и стражи лишь поклонились Лицемеру. Он нашел вход вниз, где его ждали меченосцы, они также поклонились и даже выразили желание сопровождать его в дальнейшем пути. Небрежным жестом руки он отказался от их услуг. Здесь, на подземном этаже было темнее, факел в его руке едва освещал окружающее пространство. Стены в подтеках, где-то капала вода и слышались дикие крики. Некоторые стены обвивали странные растения, среди которых таились змеи и скорпионы. Лицемер чувствовал себя здесь вольготно, ему не нужен был факел, чтобы видеть, что тут происходит: нижние уровни души принадлежат демонам также, как верхние — созданиям света.

Он нашел старую лестницу, заваленную хламом, и медленно пошел вниз. Некоторые ступеньки оказались неустойчивы и ему приходилось проверять их ногой, прежде чем перенести на нее вес. Сбоку по лестнице текла грязная жирная жидкость, а среди мусора возились уродливые твари, похожие одновременно на крыс и крупных насекомых.

Лицемер проигнорировал выход на следующий этаж и продолжил спуск. Чем дальше, тем хуже. Насекомые стали меньше, но теперь их было намного больше. Они облепили все — стены, пол, потолок — сделавшись похожими на темный шевелящийся ковер. Наступая, Лицемер слышал как трещат их панцыри и чувствовал запах их горящих тел, когда пламя факела оказывалось слишком близко от стен или потолка. Некоторые насекомые падали на него, но он не обращал на них внимания.

Лестница завершилась лужей из слизистой жидкости, в которой плавали нечистоты, за лужей, в стене, была намертво запечатанная дверь. Пачкая подол хламиды и ноги, Лицемер подошел к двери и произнес Имя: дверь, которая никогда не должна была открываться, открылась. Там был просторный зал, а тьма стала такой, что факел уже не освещал ничего. Он услышал глухое рычание, движение, скрежет когтей о камень. Сквозь темноту, которая была ему родственна, он ясно ощущал стражей; он произнес другое Имя, и они застыли, прилепившись к полу, дергаясь и оглашая помещение разъяренным пронзительным воем. Впереди были ступеньки, он спустился по ним, пересек зал и оказался в длинном коридоре, где были ниши, в глубине которых не было дверей — только их

выгравированные на камне изображения. Это было знаком того, что он на верном пути: множество потенциалов Дорена, которые тот не смог — и уже никогда не сможет — реализовать. Коридор слегка изгибался и шел вниз, образуя гигантскую спираль; казалось, что он был бесконечен. Лицемер заглядывал в каждую нишу и при свете факела читал кривые, едва заметные надписи над гравировкой. Ему не нужен был факел, чтобы видеть в темноте, как бы глубока она не была; однако без этого неверного света, символизирующего здесь кусок похищенной у Дорена осознанности, надписей бы просто не появилось. Они возникали благодаря свету, и это была основная из двух причин, которые побудили его взять факел.

Он обошел множество дверей, читая слова, пока не нашел ту, где свет высветил совершенно бессмысленное сочетание букв: это значило, что он нашел то, что искал. Он вновь использовал Истинные Имена — магию, которая не была присуща Князьям по природе, но представляла собой первоначальный договор, лежащий в основании бытия; и он, будучи одним из тех, кто этот договор заключал, не мог быть лишен права владеть этой силой не смотря на все увечья, нанесенные ему Солнцем. Там, где была гравировка, возникла настоящая двустворчатая дверь. Он распахнул ее и пересек границу между бытием и безумием.

За дверью кипело небо, тучи бурлили и меняли цвета от темно-серого к багряному и ядовито-зеленому; моросил дождь — капли оставляли в воздухе след, искажая пространство. Земли не было, и капли разбивались в воздухе, на разных уровнях, как будто бы тут повсюду находились какие-то преграды, препятствовавшие их движению, и когда это происходило, возникавшее в пространстве искажение становилось особенно сильным. Призрачный мост возник перед Лицемером, когда он произнес два Имени, сложив их вместе, но он знал, что местная среда со временем разъест все, даже Имена, воплощавшие в себе саму суть, саму эссенцию порядка. Первый договор прогнал хаос, предшествовавший бытию, но Горгелойг впитал хаос в себя и породил Безумца, сотворив такую форму хаоса, которая пожирала любой порядок. Безумца считали сильнейшим из Темных Князей — до тех пор, пока не появился Убивающий — однако, вреда от него было лишь немногим меньше, чем пользы. Нельзя было предсказать, как он поступит и на что повлияет его сила; бывали сражения, когда своим союзникам он наносил больший вред, чем врагам. Такова была его природа, он был покровителем умалишенных и проводником людей и духов в такие бездны, о которых лучше и вовсе ничего не знать.

Лицемер шел по мосту, а беспорядочно налетавшие порывы ветра раскачивали конструкцию и трепали хламиду Князя. Части призрачного

моста, на которые ступал Лицемер, ненадолго теряли прозрачность, обретали цвет и упругость — которые, впрочем, они теряли сразу же, как только его нога отрывалась от поверхности. Попадая на мост, капли дождя преображали его. Где-то появлялись иссохшие доски, где-то каменные плиты, где-то вверх тянулись растения с глазами, разбросанными по стеблям. Появлялись ходячие игрушки и крутились на месте шелудивые звери. Толпы крошечных призраков, вооруженных иглами и половинками ножниц, вели ожесточенное сражение, убивали друг друга, падали и вновь поднимались.

— Где ты?.. — Негромко позвал Лицемер, глядя по сторонам, где серого становилось все меньше, а яркого и разноцветного — все больше, где возникало множество форм и цветов, и множество пространственных карманов открывалось, являя путнику целые миры, заполненные бессмысленными сочетаниями всего со всем. — Брат мой, услышь меня. Ответь.

Но ответа не было — по крайней мере, такого ответа, который он мог бы понять. Мир говорил с ним, жужжал, пел, кричал, но собственного голоса Сумасшедшего Короля Лицемер не мог различить. Однако, он еще не потерял надежды...

Когда Элайнэ очаровала и усыпила Убивающего, явились Светлые Князья и забрали спящего. Пока они готовили усыпальницу для своей смерти, Последовавшие предприняли отчаянную атаку, стремясь отбить своего младшего брата. Они действовали спешно и неорганизованно, вступая в битву тогда, когда добирались до поля боя, не дожидаясь тех, кто должен был появиться немногим позже. Они проиграли, а Солнечные Князья пленили еще и Безумца. Боги Света не смели отделить от Убивающего его силу, потому что ее предназначение состояло в том, чтобы уничтожить их всех, и все, что есть, служило пищей для этой силы, и превращенная в орудия, эта сила рано или поздно добралась бы до богов, движимая рукой предателя, слепца или врага. Поэтому Убивающий был оставлен таким, каким он был, из него изъяли лишь способность осознавать себя, но с Безумцем поступили иначе. Из силы Сумасшедшего Короля сотворили тюрьму для Живого Алмаза Убивающего. Неизвестно, сумел бы удержать Убивающего Мировой Столб, воткнутый ему в грудь, если бы сознание и способность волились к нему, но точно можно сказать, что он попытался бы вырваться, а с учетом его силы и того, что Мировой Столб оказался связан со всеми сферами Сальбравы, во всех мирах начались бы невообразимые катастрофы и разрушения. Землетрясения, шторма, цунами, метеоритные дожди, вулканы и

наводнения — это еще самое меньшее из того, что можно представить. Но пока Солнечный Убийца спит, а источник его воли пребывает вне его бессмертного тела, он не чувствует ни боли, ни ненависти, ни каких-либо желаний, и миры, наполняющие Сальбраву, также могут спать спокойно.

Сейчас Лицемер находился лишь на подступах этой грандиозной многоуровневой тюрьмы, в которую была превращена сила Безумца — тюрьмы, в недрах которой таился изящный черный кристалл, а может быть — крошечный язычок пламени из пустоты, а может быть — темная звезда, не сияющая, а поглощающая свет... Живой Алмаз Убивающего мог обретать разные формы, они не имели значения. Значение имело то, что через эту тюрьму невозможно пройти, потому что она разъест любую природу, любую магию, любую плоть и душу, оставив в итоге лишь еще один Живой Алмаз, который также окажется навеки погребенным в ее стенах.

Невозможно было добраться до Камня Воли последнего Темного Князя, не разрушив тюрьму из силы Безумца, а разрушить эту тюрьму было невозможно, ибо она, воплощая в себе — чем дальше, тем в большей мере — идеальный хаос, разрушала любой порядок.

Лицемер был здесь раньше, много тысяч лет тому назад, пытался пройти, и едва не погиб. Новая попытка закончится столь же бесславно, если он решит повторить ее, но он не собирался этого делать. Его единственная надежда заключалась в том, что сам Безумец, некогда убитый и отделенный от своей силы, мог каким-то образом вновь соединиться с ней, ведь природу и особенности его парадоксальной магии до конца не понимал никто. Когда Лицемер был здесь в прошлый раз, он также звал Безумца, но тот не ответил — однако, прошли тысячелетия, многое могло измениться, может быть, он ответит сейчас? Он звал и звал, и окружающий хаос отвечал Лицемеру миллионами голосов, повторявшими в искаженном виде его крики, но единственного ответа, на который он надеялся, так и не было дано. Когда он взглянул на свою руку и увидел, что кожа набухла пузырями, в которых плавают киты и акулы, а ногти превратились в застекленные шкафы и сундуки со странными вещами, то понял, что пора возвращаться. Он встряхнул рукой и произнес Имя, возвращая руке нормальную форму, но знал, что вскоре изменения вновь проявят себя, и они будут значительнее, а избавиться от них будет труднее — и так будет продолжаться до тех пор, пока безумие не разъест его душу и не исказит сами Имена, составлявшие его часть договора. Нужно было возвращаться, обсудить свою попытку с братьями и, может быть, сообща им удастся выработать какой-нибудь план по возвращению Безумца в

бытие — или хотя бы найти способ докричаться до него и узнать, как миновать тюрьму из его силы, не став ее жертвой.

...Я наслаждалась и становилась сильнее, впитывая почитание и вожделение своих детей и слуг, когда в зал вошел керуб, отвечающий за охрану дворца. Опустившись на колени, он произнес:

— Моя госпожа, щедрая Мать и прекраснейшая из Княгинь! У дверей дворца стоит странный посетитель, и он желает встречи с вами. Что мне ответить ему? Мы пытались убить его, но не смогли.

— Пытались, но не смогли? — Мой голос мягок и вкрадчив. — Должно быть, это весьма необычный посетитель.

— Так и есть, моя госпожа. Он похож на большую игрушку наподобие тех, которыми пользуются дети людей, его плоть состоит из дерева и ниток, его движения кажутся неживыми, а конечности и голова крутятся в разные стороны. Когда мы напали на него, то сами стали двигаться также, как он.

— Надо же, кто пожаловал... — Я рассмеялась, и желание наказать нерасторопных слуг пропало. — Впустите его.

Керуб наклонил голову, после чего встал и покинул зал. Когда он вернулся, следом за ним шла кукла в рост человека, конечности которой двигались так, как будто бы кто-то, остающийся невидимым, управлял ею. Мои придворные нехотя отодвинулись в стороны, пропуская куклу. Хуриджары зашипели и оскалили клыки. Они ощутили присутствие чужой силы намного лучше моих придворных и выказали готовность броситься в бой даже не получив на то моего позволения.

— Тише, — нежно произнесла я, и мои дети, привставшие и уже начинавшие менять форму для боя, опустили на свои прежние места. Рычание перешло в глухое ворчание.

Я улыбнулась гостю.

— Сестра, — механическим голосом произнесла кукла. Эту механичность едва можно различить — темб меняется, есть легкие дефекты в произношении, присутствует даже имитация эмоций. Но все же это подделка, хотя и весьма искусная. — Рад видеть тебя в добром здравии.

— Не лги мне, — продолжая улыбаться, ответила я. — Был бы ты рад, ты бы давно навестил меня, пока я томилась под Бэрверским холмом. И помог бы воскреснуть на пару столетий раньше.

— Сестра, я не знал...

— Не знал? Не хотел знать — в это я скорее поверю. Но довольно об

этом. Для чего ты пришел?

Кукла повернула голову вправо. Влево. Два совершенно одинаковых, идеально выверенных движения.

— Нам нужно поговорить. Наедине.

Поднявшись с ложа, я спустилась вниз по ступеням. За это короткое время формы моего тела изменились, округлость линий пропала, черты лица стали другими, изменился пол, а тело обросло одеждой. Время страсти прошло, пришло время переговоров и взвешенных решений. Я стал мужчиной в темном камзоле и черных штанах, в походных сапогах, с длинным мечом на широком поясе. Паутина черных вен под белой, местами гниющей кожей. Почти полная копия Льюиса Телмарида в тот день, когда существование моей крошечной смертной частички закончилось, вернув мне мою настоящую жизнь и силу.

Я подошел к кукле и остановился в двух шагах от нее. Посмотрел ей в глаза, и марионетка Кукловода ответила мне бессмысленным застывшим взглядом. Мне не обязательно касаться куклы, чтобы уничтожить ее — я могу послать воздушный поцелуй или даже ограничиться одним взглядом, от которого кукла сгниет в считанные секунды. Я могу легко уничтожить гостя, но знаю, что этот бой мне не выиграть — даже захоти я начать его. Кукловод — слабейший из нас, но все же и самый осторожный. Он живет во всех своих марионетках сразу, и одновременно — ни в одной из них. У него нет никакого центрального, основного воплощения — он знает, что такое воплощение ему ничего не даст, не позволит побеждать, но лишь сделает более уязвимым, и поэтому не выражает себя в такой форме.

Наверное, если очень захотеть, вероятно, можно обнаружить его как Целое и уничтожить как Целое, но это непростая задача, ибо он всегда отлично умел прятаться.

В любом случае, воевать с ним причин у меня нет.

— Оставьте нас, — велел я придворным. И, обращаясь к хуриджарам:

— Оберегайте Морфъегульд, его земли, небеса и подземное пространство до тех пор, пока я не призову вас.

Мой голос прозвучал спокойно и сухо, в нем больше нет ни страсти, ни ласки. Бессмертные склонились и, приняв облик сгустков силы, вылетели из окон Зала Начал, а придворные, поклонившись, покинули зал через двери. Я неторопливо пересек пустой зал и остановился у окна. Внизу царит суэта — демоны безостановочно продолжают возведение стен, зданий и башен...

— Лицемер приходил ко мне, — сообщил Кукловод, подойдя к окну и остановившись позади и справа от меня.

— Я знаю.

— У нас с ним возникло недопонимание.

— «Недопонимание»? Ну что ж, можно сказать и так. Но я бы сказал, что ты попытался солгать ему, а лгать Князю Лжи — не самая лучшая идея, как ни крути.

— Разве мы рождены Солнцем, чтобы чтить правду? — Возразил Кукловод. — Разве мы когда-либо обязались ничего друг от друга не скрывать? Признаю, у меня есть свои расчеты и представления о том, как следует действовать. Мой план совсем неплох, и уже приносит отличные результаты.

— Тогда зачем ты здесь? — Усмехнувшись, я искоса посмотрел на него и заметил, что внешний вид куклы сделался немного другим: черты лица стали тоньше, появилось больше мелких деталей в теле и одежде. Глаза двигались, когда он говорил со мной, а руки уже не шевелились синхронно. Он по-прежнему не казался живым существом, но уже был намного к нему ближе: это была имитация более высокого уровня, чем то, что он демонстрировал, когда появился в зале. Кукловод всегда усложнял марионеток, когда считал, что ему предстоит какое-то серьезное и сложное дело. Моя усмешка стала шире. Видимо, переговоры со мной относились к категории таких сложных и ответственных дел.

— Потому что, мой брат, я не стремлюсь к ссоре, — ответил Кукловод. — И еще менее я стремлюсь оказаться в числе тех, кто стоял в стороне, когда происходило возвращение к бытию нашего господина и отца. Ведь нельзя исключать и того, что вам повезет и вы все-таки добьетесь успеха — хотя я и не понимаю пока, каким образом это было бы возможно.

Продолжая улыбаться, я отвернулся и вновь посмотрел на город.

— Да, тем, кто решит остаться в стороне, есть чего опасаться, — сказал я, думая в этот момент не столько о собеседнике, сколько о других наших братьях и сестрах, которых мы более не признавали своими родичами — о тех, кто, отказавшись от войны и мести, приняли условия Солнца и возлегли на Дне.

— Но более всего стоит опасаться тебе.

Я не ответил, лишь едва заметно кивнул. Я поднес кубок отцу, выдав отраву за анкавалэн; я был предателем, из-за которого победа, бывшая почти у нас в руках, обернулась поражением. По крайней мере, так ситуацию видели остальные. Братьям я мог бы сказать, что желал, чтобы вместо Светил Сальбравой правили Князья — это служило хоть каким-то оправданием. Но что мне сказать Властелину, если бы нам удалось вернуть его из небытия? По уму выходило, что я менее, чем кто-либо еще должен

желать возвращения Горгелойга, ибо отец никогда не отличался мягким отношением к провинившимся. Отказаться от войны и мести, присоединиться к пакту, заключенному с Солнцем частью Темных Князей, возлечь на Дне... Это казалось разумным путем. Но мне этот путь не подходил — ни тогда, ни сейчас. Я участвовал в мятеже не для того, чтобы в итоге склониться перед другим тираном, вдобавок чуждым моей силе. Безумная мечта, которую я имел когда-то, стала неосуществимой, и не было больше смысла гнаться за пустым миражом; в этих условиях я был склонен попытаться исправить то, что разрушил — или хотя бы отомстить. Но уж точно не довольствоваться малым, навсегда принимая зависимое от Солнца и его Князей положение. Они желали бы, чтобы тьма целиком поработилась бы их власти, сделавшись всего лишь отсутствием света — но я не согласен: я желаю, чтобы тьма, как это было прежде, распространяла черное свечение, прогоняющее исходящий от Солнца свет. Отец, вернувшись, возможно, подвергнет меня невыносимым пыткам, но также возможно, что этого не случится: он зол, но не мелочен. Если я приложу все усилия к тому, чтобы помочь ему вернуться, возможно, мое древнее предательство будет забыто.

— Мне кажется, ты питаешься ложными надеждами, — сказал Кукловод после того, как я изложил вслух часть своих соображений. — А между тем, мне удалось очень близко подобраться к осуществлению твоей давней мечты. Не обязательно возвращать Горгелойга для того, чтобы наша сила вернулась к прежней полноте, или освободить Убивающего для того, чтобы уничтожить Светлых Князей и сам источник их силы. Есть другие пути, и уж ты-то должен понимать, что прямые пути — не всегда самые короткие.

И он рассказал мне то же, что не так давно излагал Лицемеру: что силы небес и преисподней смешались и продолжают смешиваться; что получая поклонение от людей, находящихся в точке баланса между светом и тьмой, боги получают не только отблеск дремлющей в смертных силы анкавалэна, но и нечистые энергии их душ; и что таким путем тьма по капле проникает на небо, искажает силы богов и когда-нибудь, возможно, исказит все настолько, что небеса и преисподняя станут неотличимы друг от друга.

— Присоединись ко мне и помоги отравить небо, — сказал мой брат под конец своей речи. — В том, что я предлагаю, все соответствует твоим целям и устремлениям, да и самой твоей природе. Действуя исподволь, мы добьемся большего, чем в прямом столкновении, и тебе не нужно будет полагаться на милость того, кто, будучи источником всего существующего в Сальбраве зла, милости тебе никогда не окажет. Не нужно идти на поводу

у Лицемера и разрушать мир, выпуская из клетки Солнечного Убийцу — чтобы затем, после мимолетного наслаждения мести, оказаться Князьями ничего и Властелинами кружащейся в пустоте пыли. Есть другой путь, лучший, и я предлагаю тебе разделить его со мной.

Некоторое время я размышлял над словами Повелителя Марионеток: он говорил очень складно и даже всерьез заставил задуматься о том, верный ли путь я выбрал, но все же...

— Твоя кукла искусно имитирует живое существо, — ответил я наконец. — но это лишь подделка. Ты говоришь, что близок к осуществлению моей старой мечты, но то, что ты предлагаешь — ее имитация, лишенная того главного, ради чего я вообще участвовал в мятеже. Мне хотелось, чтобы разнообразия было больше, и чтобы каждый из Князей сделался самостоятельным источником силы, независимым от Светила. Ты же предлагаешь смешать все краски до их неразличимости, а нам, вместо свободы и силы — довольствоваться ролью паразитов, жирующих за счет того, что нам не принадлежит. Я не вижу в этом никакого пути для себя, вижу бездорожье, становящееся беспроглядной топью. Лучше уж вернуть Изначального и погибнуть от его руки, зная, что предательство искуплено, а повреждение, полученное Сальбравой из-за изгнания Горгелойга, исцелено и что теперь темнота будет сиять черным светом, как прежде — чем владеть миром, населенным ничтожествами, зная при этом, что сам ты правишь не потому что велик, а потому что те, кем ты правишь, еще более жалки и ничтожны, чем ты.

— Ты изменился, — сказал Кукловод после короткой паузы. — Раньше я слышал другие речи. Месть — и наплевать, что будет потом.

— Речи? Не помню, чтобы мы говорили об этом раньше. Пока рос наш младшенький братик, всем казалось самоочевидным помочь ему войти в полную силу. Об этом никто и не заговаривал даже.

— Не всем. — Произнес Кукловод.

Я с любопытством взглянул на куклу.

— Это что-то новенькое. Для чего ты был вместе с нами, если не стремился к тем же целям, что и мы?

— Вы мои братья, и я верен своим клятвам, как бы не пытался Лицемер убедить тебя в обратном. Я желаю того же, что и вы, но это не значит, что я не могу сомневаться в выбранных путях или искать другие.

— Или саботировать наши.

— Ты подозреваешь меня в предательстве потому, что некогда предал сам, — после недолгой паузы ответил Кукловод. — Никаких иных причин для подозрений нет.

— Возможно, — я пожал плечами. — А возможно, твой образ мысли и характер твоих предложений, твои попытки манипулировать мной, говорят сами за себя. В любом случае — чего ты хочешь сейчас? Доверия? Подробного рассказа о том, на что мы рассчитываем и как собираемся действовать? Забудь об этом. Доверие необходимо заслужить.

— Меня поражает то, — сказал Кукловод. — Что Лицемер доверяет тебе — после всего, что ты сделал, но почему-то вы оба не считаете достойным доверия меня, хотя я никогда никого не предавал.

— Я помог ему вернуться к бытию, ты же не сделал ничего. Что было в прошлом — то было в прошлом, сейчас другие времена. Кроме того, моя личность была изменена, и значение некоторых вещей поменялось.

— Я вижу, что мужская составляющая твоей природы стала проявляться более явно. Прежде тебя редко можно было увидеть в облике мужчины. Ты был более порывистым и чувственным.

Я не усмехнулся, хотя и мог бы. Хотя природа каждого из Князей двупола, редко бывает так, что мужская и женская составляющие проявляются одинаково часто — обычно доминирует какая-либо одна. В иных Князьях мужское и женское проявлялись не по отдельности, а смешивались, нейтрализуя друг друга, являя в итоге нечто бесполое. Среди Последовавших таких бесполох богов было двое: Лицемер и Кукловод. Первый стал таким, будучи искалечен Солнечными Князьями; второй — потому что сам выбрал такое состояние. Еще в облике огромной бесполой крысы любил появляться Крысолов, но для него этот способ существования не был единственным.

— Это часть тех изменений, о которых я упоминал, — произнес я вслух.

— Изменений? Позволь полюбопытствовать — а что стало их причиной?

— Временная аренда Лицемером моей личности. Когда я был человеком, то позволил ему сделать это — по убогим и смешным причинам, которые сейчас не имеют никакого значения. Однако, о проведенной коррекции я не жалею. Она безусловно пошла мне на пользу. Сделала меня более... сбалансированным. Впрочем, ты это и сам заметил.

— Ты позволил Крадущему Лица копаться в своей душе? Это весьма... неосторожно с твоей стороны, брат мой. Неразумно. Совсем неразумно. Он мог подменить твою волю своей.

— Он уже ее подменил в тот момент, когда я позволил забрать ему мое смертное воплощение для того, чтобы добраться до Слепой Горы и воскреснуть.

— Я говорю о воле Князя, а не человека.

— Ну, если ты думаешь, что с тобой сейчас разговаривает маска Лицемера, то я не смогу тебя убедить в том, что это не так.

— Я не думаю, что со мной разговаривает маска... Я думаю, что ты был неосторожен.

— Глуп. Но на сделку согласился человек, а не Князь. Быть глупым — вполне естественно для человека.

— Так значит, Лицемер поменял твои ценности... — Медленно произнес Кукловод. — Что ж, мне следует это учитывать...

— Для чего?

— Чтобы найти общий язык с новым тобой, конечно. Пока что у нас не получается конструктивного диалога.

— Это потому, что твой гениальный план кажется гениальным лишь тебе одному. А твои слова о готовности действовать вместе с нами во имя одной цели — хотя и умиляют, но остаются всего лишь словами.

— Ну хорошо... — Кукла помолчала. — Свою готовность пожертвовать личными предпочтениями ради общих целей я готов доказать делом. Я не стану расспрашивать о том, что вы собираетесь предпринять — мне достаточно знать, что хоть какой-то план действий у вас есть, и этот план представляет собой нечто более разумное, чем новый виток открытой войны с Солнечными.

— Можешь быть уверен: такой план есть.

— Мне этого достаточно. Я знаю, где находятся человеческие псевдоличности Палача, отделенные от его Целого и обретшие иллюзорную самостоятельность. Вы ведь сейчас разыскиваете их, не так ли?

Я насторожился. Откуда он мог узнать это? Конечно, мы искали возможность вернуть всех братьев, но...

— Какой смысл заниматься их поисками, не имея возможности соединить потерянную аватару с Целым? — Спросил я. — Для возвращения утраченной целостности нужен доступ на Слепую Гору — а ее полностью заблокировали после воскрешения Лицемера.

— Живой Алмаз Палача не был брошен в Озеро Грез. Есть место на небе, где Солнечные хранят Камни Воль своих врагов, и я знаю, что один из камней был изъят оттуда не так давно и передан тебе.

Я долго молчал, разглядывая куклу. Выражение ее искусственного лица оставалось неизменным.

— И ты знаешь, кто это сделал и почему? — Наконец, спросил я.

— Конечно. Я знаком с ним уже очень давно. Он сильно помог мне с религией в свое время, хотя это и противоречило стремлениям его

настоящей, первоначальной силы. Ну, теперь-то ты мне веришь?.. Я ведь не зря говорил Лицемеру, что все сложнее, чем кажется и небеса отнюдь не так монолитны, как ему представляется. Или?.. Постой, может быть, наш брат ничего не знает?.. Ты не сказал ему?..

Я покачал головой.

— Еще нет. Не было подходящего случая.

Губы куклы растянулись в искусственную улыбку.

— Я переоценил степень влияния Лицемера на нового тебя. Признаю это и раскаиваюсь. Ты все тот же, что и прежде — плетешь заговоры и хранишь секреты даже от единомышленников.

Я пожал плечами.

— Теперь одним секретом меньше. Я поговорю с Лицемером о тебе. В ближайшее время мы собираемся освободить Истязателя, вернуть ему прежнюю силу и облик, и нам пригодится твоя помощь.

Глава девятая

Химей раздраженно меряла шагами небольшую комнатку на третьем этаже замка Айдеф. Подумать только, здесь обнаружилась еще одна юми! Задаваку звали Прей, и она состояла в свите барона Ханельта эс-Гайра, вассала и родственника герцога Гэйбара, частенько выбиравшегося из своего замка на Зеленом Мысе в Айдеф для того, чтобы погостить у сюзерена. Барон — упитанный, бородатый, добродушный и болтливый, женатый, вдобавок, на одной из теток Гэйбара, всегда был желанным гостем в Айдефе. Он заразительно смеялся, умел рассказывать захватывающие истории и организовывать веселые ночные попойки, заманивая на них младших дворянских дочек, а то и просто гулящих девок, которых собирал по округе. Герцог очень любил его визиты, а вот герцогиня терпеть не могла, но благоразумно помалкивала. Всякий раз Ханельт привозил с собой какую-нибудь диковинку: иногда это был павлин в серебряной клетке, иногда — белая собака, умевшая считать до десяти, а иногда — худенькая юми Прей. Прей жила в баронском замке уже много лет, была страшно избалована всеобщим вниманием и потому истории рассказывала редко, зато различные подарки для себя требовала постоянно. Химей сразу поняла, что это капризное, наглое и вредное существо, которое необходимо проучить, как только увидела сопеницу. Глаза Прей также опасно прищурились, а шерстка на хвосте и ушах вздыбилась. Юми — чрезвычайно милые существа до тех пор, пока не встретят во время своих путешествий других юми. Такая встреча, как правило, не заканчивается ничем хорошим — юми начинают ревновать, злиться и завидовать; каждая приходит в великое раздражение от того, что уже не только она является центром всеобщего внимания, умиления и восхищения.

С этой особой Химей уже успела поцапаться в коридоре — Прей хотя и приехала позже, сразу стала претендовать на статус главной юми, поскольку она тут уже бывала, и не раз, а вот Химей была впервые. Они подрались из-за орехов — не могли решить, кто из них должен получать первую долю людских подношений, а кто будет довольствоваться тем, что останется. Химей с обиженным лицом потеряла ухо, которое больно вывернула эта особа и расстроено посмотрела на порванный карман, который теперь придется зашивать. Вдобавок, все орешки из кармана

рассыпались по полу во время драки, и это было особенно обидно. «Ну ничего!» — Мстительно подумала она, вспомнив, как расквасила этой дуре нос и больно наступила на ногу. Их едва сумели разнять: юми, если захотят, могут двигаться с поразительной скоростью, могут бегать по стенам и даже способны пробежать по потолку. Собственно, их поймали только тогда, когда они столкнулись, выронили посохи, которыми до этого момента безуспешно пытались задеть друг друга, вцепились друг дружке в одежду и шерсть и свалились на пол, мутузя друг друга. Каждую отвели в ее комнату и заперли там, пообещав выпустить через час, когда страсти утихнут.

И вот теперь Химей меряла шагами комнатку и злилась. Эта особа заявила ей, что, мол, Химей тут не место! И что она сама прекрасно разгонит Копошил и Жевал, без всяких там «оборвашек»! Химей треснула несколько раз по воздуху своим посохом, так ее возмутило одно только воспоминание об этом обидном слове. Наглая и ленивая Прей, задавака, которая не снисходила даже для того, чтобы рассказывать истории замковым детям, смела называть ее «оборвашкой»! Нужно было подкараулить ее где-нибудь и треснуть как следует посохом, чтобы знала!

Походив по комнате, Химей пришла к выводу, что не обязана тут сидеть целый час и забралась на табуретку для того, чтобы посмотреть, что там за окном. Увы, было слишком высоко, да и во дворе много людей. Ее непременно заметят.

Юми подошла к двери и прислушалась. Чуткие ушки различили голоса слуг и дворян и... не может быть! Это же голос Прей! Неужели барон Ханельт вступился за нее и эту дрянную особу выпустили раньше времени?! Это же совершенно несправедливо!!! Теперь у Прей будет преимущество в поисках Копошил и Жевал! Химей запыхтела от злости. Ну ничего, она им покажет.

Химей полезла в сумку и принялась там копать. На свет была извлечена огромная груда вещей, которую, казалось, сложно было бы упихнуть и в три такие сумки, как у Химей. На самом дне она нашла то, что искала. Это была жестяная коробочка с засахаренными Орешками Желаний. Химей умела накладывать заговоры, однако сами по себе они были слишком слабы, чтобы помочь в ее положении. Орешки Желаний усиливали ее способности. Жаль, что их так мало. Старинный секрет их приготовления был сложным и долгим; следовало использовать лишь особенно крупные орехи, читать различные заклинания при приготовлении сиропа, а также располагать кое-какими ингредиентами, необходимыми для астральной алхимии. Поэтому Химей страшно переживала, когда

приходилось использовать хотя бы один орешек из жестяной коробки, и очень не любила понапрасну прибегать к этому средству. Но сейчас без всякого сомнения — крайний случай. Не может же она позволить этой задавке одержать над собой верх!

Химей взяла один орешек, опять подошла к двери и прислушалась. Она слышала далекие голоса людей, но, кажется, никого поблизости не было. Она запихнула в рот орешек, разгрызла, разжевала, и, не глотая, произнесла с набитым ртом, стараясь говорить как можно четче и проникновеннее:

Рычачочек, повернись!

А замочек — отопрись!

Пережевывая Орешек Желаний, юми повторила заговор еще два раза, и вот — наконец-то! — послышался щелчок и дверь слегка приоткрылась. Химей высунула наружу голову и огляделась. Так и есть, никого. Она подхватила посох и вылезла наружу.

В природе и душе человека смешаны все цвета мира, есть светлое, но есть и темное. Поэтому к человеку, к его деятельности и к его дому привлекается множество разнообразных духов, а некоторых из них сами порождаются человеком. Некоторые духи полезны, другие безвредны, третьи могут быть полезными или вредными в зависимости от обстоятельств, но есть и такие, которые безусловно опасны. Помимо историй, цирковых представлений и милого вида люди приглашали юми в дом еще и по причине того, что благотворная аура этих малышей прогоняла злых духов и привлекала добрых.

Но дело, конечно, было не только в ауре. Очищение дома требовало определенных усилий от юми, и совершать их они предпочитали втайне от людских глаз — по крайней мере, отчасти, поскольку и их представления, и истории, и даже принятие поднесенных людям даров влияло на энергетику дома исключительно положительным образом.

Беглый осмотр ранее уже показал Химей, что замок на поверхности на удивление чист — духовной грязи, в которой так легко заводятся разные мелкие тварюшки, похожие на слизней или змеек, на стенах, в углах и закутках почему-то почти не было, а сами тварюшки либо пропали, либо вели себя так, как будто собирались переродиться во что-то хорошее или по крайней мере нейтральное: слизи отращивали разноцветные панцыри и явно планировали стать добродушными улитками, змейки смешно ползали, неумело шевеля едва появившимися ножками — а у некоторых появились еще и крылья, похожие на крылья бабочек и стрекоз. Такие метаморфозы юми наблюдала впервые, и подозревала, что причина их кроется в

странной женщине, которую она видела за обедом. У женщины была очень необычная аура, и юми сильно сомневалась в том, что эта женщина — человека. Скорее, какой-нибудь дух, принявший человеческий облик ради каких-то своих целей. Она хотела познакомиться с женщиной, но не вышло, потому что приехал барон Ханельт, и с ним эта дурацкая Прей, и все завертелось.

Юми видят больше людей; колдовское зрение, обретение которого требует от людей, практикующих магию, значительных усилий, дано юми от рождения, и у этого зрения есть своя специфика. Юми не столь хорошо различают потоки энергии, как маги, зато могут заглядывать под поверхность вещей и находить Трещины в окружающей реальности — особые проходы или провалы, не замечаемые людьми. Люди хотят видеть свой мир цельным, логичным и законченным, но у юми иная логика, а их буйная фантазия, постоянно формирующая их собственный, особый и неповторимый образ мира, позволяет им сопротивляться давлению человеческого миропорядка, и не терять свои волшебные таланты, становясь заложниками обычной для людей реальности.

Химей закрыла глаза и прошептала:

Там гуляю, тут хожу,
Тайный путь я нахожу.
Знаю, чувствую и верю,
Где невидимые двери.
Наведу я тут порядок,
Отыскав всех тех, кто гадок.
Чтобы нечисть мне найти,
Нужно в Трещину пройти.

Когда она открыла глаза, ничего не изменилось. Но правое ухо ее вдруг зачесалось, и это можно было считать знаком свыше. Химей потерла ухо и пошла направо. Услышав впереди шаги и голоса, нырнула в закуток, в конце которого обнаружила пыльный коридор. Чутье подсказало ей, что это начало Сдвига — особой области между мирами, где обожала скапливаться всевозможная мелкая нечисть. Обитатели различных миров — исключая тех, кто был способен перемещаться между мирами — сталкивались друг с другом редко и жили своей жизнью, однако обитатели Сдвигов были не таковы — они выползали то в один мир, то в другой, и могли доставить уйму неприятностей. Обычно юми ленились проверять все Сдвиги в доме, где им дали приют, но на этот раз Химей решила, что устроит образцово-показательную зачистку. Надо же было утереть нос этой Прей.

Она углубилась в Сдвиг, принявший форму темного каменного коридора и даже прошептала заговор, усиливающий способность видеть в темноте, мимолетно пожалев о том, что не захватила лампу. Миновав пару ответвлений, она заметила слизней, ползающих внутри Гнилогрязи — свисающего с потолка образования, представляющего собой по виду нечто среднее между темными жирными водорослями и комками гниющего мха. Химей сурово посмотрела на Гнилогрязь, распушила хвост и затанцевала на месте, размахивая посохом:

Милый Кубодик, силу мне дай!

Грязюку отсюда скорей вычищай!

Она кружилась и махала посохом все быстрее, чувствуя, вокруг нее образуется голубоватый искрящийся ореол, а над головой формируется Поражающая Громовая Руна Непреодолимой Мощи. У адептов Кубода был собственный тайный магический язык, представляющий собой один из диалектов Искаженного Наречья, однако юми верили, что этот язык — особенный, и в нем сокрыта священная сила. Знакам и комбинациям знаков они давали красивые длинные имена, любовно выписывали их на листах бумаги, и развешивали в своих жилищах и храмах.

Когда Химей ощутила, что едва способна удерживать накопленную силу, то сделала резкий выпад, ткнув концом посоха в Гнилогрязь. Гнилогрязь лопнула с противным звуком, а ее частицы, разлетаясь по воздуху, становились струйкам зеленоватого дыма. Слизняки так же либо растворились в воздухе, либо попадали на пол и пытались расползтись по углам. Юми поморщилась от неприятного запаха, оставшегося от Гнилогрязи, помахала рядом с носом рукой, очищая воздух и старательно попрыгала на слизнях, передавив их всех до одного.

С чувством выполненного долга она вздернула нос и отправилась в обратный путь. У нее много работы — предстояло исследовать еще массу Сдвигов. Но перед этим нужно обязательно зайти в свою комнату и захватить лампу.

Мольвири зябко поежилась. В последнюю пару недель она себя чувствовала не слишком хорошо. Не все время подряд и не каждый день. Чаще всего недомогание она ощущала утром, через два-три часа после рассвета, и вечером, на закате дня. Вечером было хуже всего. У нее возникало странное чувство, как будто она — уже не она, а кто-то другой, что она совершенно лишена сил и даже отстранена от собственного тела. Как будто бы все происходит вне ее воли, как будто бы мироздание

находится с одной стороны, она с другой, а посередине — толстое прозрачное стекло, через которое не достучаться и не пробиться. Когда это начиналось, она просто лежала на кровати, без сил и эмоций, ничего не делая, ожидая, пока недомогание пройдет.

— Что-то ты хандришь, — сказал ей Эдрик как-то раз, заметив ее состояние. — Что с тобой?

Он прилег на кровать у ее ног и нежно провел рукой по ее голени. Пощекотал ступню. Мольвири легонько пнула его — ей было неприятно. Вместе с тем, она чувствовала, что недомогание отступает — то ли благодаря действиям Эдрика, то ли само собой. Она пнула его еще раз, посильнее — исключительно для того, чтобы проверить, не становится ли ей лучше от пинания любовника — но на этот раз он поймал ее ногу и поцеловал лодыжку... голень... С каждым его поцелуем Мольвири ощущала, как жизнь возвращается к ней. Человеческая составляющая ее естества усилилась, божественное восприятие стало слабее, простые эмоции заслонили ощущение одиночества и растворения в пустоте.

Эдрик перебрался выше и теперь, запустив руку под платье, гладил ее бедра.

— Мне уже лучше, — улыбнулась она.

Он воспринял сказанное как требование продолжать и, расшнуровав лиф платья, помог Мольвири избавиться от него. Нижняя сорочка на ней также не задержалась. Взгляд Эдрика, вслед за его рукой, ласкал обнаженное тело — шею, грудь и плечи, живот, бедра и руки. Каждый раз его рука оказывалась все ближе к низу ее живота и иногда гладила ее там — но, не задерживаясь в этой области тела надолго, возвращалась к остальным частям тела. Всему свое время.

— Иногда мне кажется, как будто я исчезаю, — сказала Мольвири.

— Исчезает твоя сила или твоя личность растворяется в ней? — Уточнил он.

— Ни то, ни другое. Мне кажется, что я... мое сознание... отделяется от всего этого... куда-то уходит... а все остальное остается и существует само по себе. Как будто бы моему телу... моим чувствам... моей силе не нужна я и они будут продолжать существовать по инерции и дальше, даже не заметив, что меня нет.

— Они и не должны ничего замечать — это ведь всего лишь тело, чувства и сила, — Эдрик слегка пожал плечами. — Заметить что-либо можешь только ты сама.

— Ничего ты не понимаешь, — обижено пробурчала она и застонала от страсти, когда Эдрик, в наказание, сжал один ее сосок своими губами, а

другой — пальцами правой руки.

Эдрик ласкал ее грудь до тех пор, пока она не отстранила его и не начала стаскивать с него верхнюю одежду.

— Ты меняешься, — сказал Эдрик, пока она расстегивала пояс на его штанах. — Твоя сила растет... или, наверное, правильное сказать — возвращается к тебе. Может быть, то, что ты чувствуешь — это какой-то побочный эффект возвращения силы? Все равно как онемевшая конечность, которая затекла и перестала ощущаться — а теперь ты ее разминаешь, кровь снова двигается в ней, но ощущения от нее ты испытываешь не самые приятные?

— Не знаю. Может быть, — она спихнула на пол его штаны. Тяжелая застежка пояса громко лязгнула, стукнувшись о доски. — Я не чувствую ни боли, никаки неприятных ощущений... То есть, мне, конечно, не нравится, что я ни на что не влияю, но это я сейчас так вижу, а когда это происходит, то я просто ничего не чувствую...

— Тебе лишь кажется, что ты ни на что не влия... ешь... — Эдрик сжал губы и застонал, когда она занялась его членом. Разговоры на отвлеченные темы прекратились, остались лишь поцелуи, ласки и прикосновения, стоны и движения тел в одном ритме.

Позже, когда они, уставшие, лежали рядом, Эдрик сказал:

— Замок Фальне захватили пираты.

Мольвири помнила усатого барона Фальне, приехавшего в Айдеф три недели назад. Барон, бывший вассалом герцога Гэйбара, и сам был не прочь попиратствовать при случае. Было забавно наблюдать их разговор с герцогом: Гэйбар требовал, чтобы барон перестал нарушать закон, но барон оправдывался так наивно и вместе с тем — остроумно, что заставил смеяться всех присутствующих, включая ненавидевшую морской разбой герцогиню, и в результате его не стали наказывать, а лишь пожурили и простили.

— Поговаривают, что он что-то не поделил со своими дружками, — продолжал Эдрик. — Утаил часть добычи или что-то вроде этого, и когда об обмане стало известно, они решили его наказать. Два вольных капитана с острова Энгеу — отчаянные, говорят, ребята.

— И что будет с бароном теперь? — Спросила Мольвири.

— Барон, скорее всего, уже мертв, — ответил Эдрик.

— А его придворные?

— Часть разделит участь барона, другую ограбят, но, может быть, пощадят.

— А другие люди на его земле?

— Полагаю, молодых женщин и мужчин заберут в рабство, прочих оставят в покое и уплывут восвояси.

— Это ужасно, — тихо сказала богиня. — Зачем вы делаете друг с другом такие вещи?

— Ты знаешь ответ, — произнес Эдрик. — Такова природа людей. В нашей... — Он вспомнил о том, что уже около десяти лет не принадлежит к роду людей и поправился:

— В их природе есть добро, но есть и зло.

— Иногда я думаю о том, что смешение добра и зла — это хуже, чем просто зло.

Эдрик не сразу ответил. В ее словах что-то было...

— Возможно, все дело в том, как их смешивать.

— Я не понимаю, как можно совмещать ненависть и любовь, жестокость и милосердие, трусость и благородство. Что-то всегда будет ложным, а что-то истинным. То есть, если на душе образуется накипь из злобы, а внутри душа чиста... или наоборот, когда кто-то, кто зол и жесток, принужден изображать хорошего человека и даже сам верит в эти идеалы умом, но не сердцем... это я могу представить и понять. Но если так, хорошо бы найти точный и простой способ отделять хороших людей от плохих. Хороших, пусть даже души их осквернены, можно было бы очистить и исцелить, а плохих... отвести куда-нибудь подальше... на какой-нибудь большой остров или может быть даже в другой мир — и пусть грызут там друг друга, от перерождения к перерождению становясь все больше похожими на своих создателей, Темных Князей.

— Знаешь, я читал одну книгу, — Эдрик перевернулся на спину и посмотрел в потолок. — Написанную хальстальфарским философом Ангером эс-Даульваром. Там высказывались очень схожие мысли. О том, что есть души, изначально порожденные Князьями Света, а есть те, которые порождены Князьями Тьмы... ну, и еще небольшая доля душ, порожденных Лунными Князьями. И все они должны понять, к какому источнику силы принадлежат, избавиться от лишнего груза и вернуться к нему. Есть люди, которых привлекает эта система мысли, потому что она дает простые ответы на вечные вопросы, но по существу она лишает выбора: человек со злой монадой не может стать добрым, человек с доброй монадой — злым... они могут лишь заблуждаться и обманываться относительно своих истинных намерений, но рано или поздно правда откроется. Я полагаю, это полная ерунда. Может быть, природа самих Князей определена и они не способны переменить ее, но каким быть человеку — зависит преимущественно от него самого. Обстоятельства

рождения, воспитание и условия жизни имеют некоторое значение, но их власть не абсолютна. Даже если человеку кажется, что жизнь — это поток, который несет его куда-то, всегда есть выбор: сопротивляться течению или плыть в согласии с ним. Другими словами, мы можем стать и хорошими, и плохими, и никакими, и сохранять в себе оба начала вечно. И я думаю, что последний вариант, предполагающий сохранение и того, и другого — это и есть настоящий путь людей. Потому что первые два пути ведут в конечном итоге на Небеса или в Преисподнюю, где природа человека со временем теряется, замещаясь природой ангела или демона.

— А третий путь, который «никакой»?

— Этим путем пошла Школа, — Эдрик вздохнул и посмотрел на обнаженную женщину, лежащую рядом с ним. — Бесстрастие и пустота. Ни добра, ни зла, ни морали, ни страсти.

Он протянул руку и погладил Мольвири между грудей... ниже... по животу... внутренней стороне бедра.

— Не слишком-то ты бесстрастен, — она захихикала и стала отбрыкиваться, когда Эдрик принялся щекотать ее.

Он поймал ее и прижал к себе.

— Я все чаще думаю о том, что Школа ошибалась, — прошептал Эдрик. — Нам стоило принять сразу и зло и добро, а не отвергать и то, и другое.

— Но тогда бы ты не стал бессмертным, — возразила она. — Не освободил бы меня и не обнимал бы сейчас. Ты был бы слабым человеком, мучающимся от того, что он нисколько не контролирует свою жизнь.

— Может быть, — сказал Эдрик и поцеловал ее.

Они целовали друг друга, ласкали и занимались любовью почти до самого утра.

Глава десятая

Вниз и вниз, по белым ступеням Аннемо, по мрамору Фойдана, по стершимся ступеням Лестницы Совершенств. Древние статуи хранителей Лестницы смотрели в спину Кадану, когда он спускался на первое небо. Там Лестница станет прозрачной и неверной, будто бы состоящей из стекла, изогнутой и запутанной, с многочисленными площадками и ответвлениями, уводящими в миры стихий. Потом он пройдет по воздуху мира людей и, вероятно, опустится на какую-нибудь гору; Лестница решит сыграть с ним в прятки, и если он позволит ей провести себя, то убьет час или два, разыскивая вход в подземный мир, а если не позволит — спустится туда сразу же, едва заметив, что пересек землю. Он будет двигаться по спиральному пути, расположенному вдоль внутренней стены пустой горы или потухшего жерла вулкана, все ниже и ниже, а из глубины будут доноситься глухие стороны и вопли отчаянья. Лестница будет становиться все хуже, вместо некоторых ступенек будут зиять провалы, по стенам будут скользить тени, и, может быть, какой-нибудь теневой демон зашипит ему вслед — но не посмеет напасть. Он минует унылые серые пустоши первого ада, пойдет наперекор ветру, беспрестанно дующему в одном направлении, унося души покойников, ничем не отличившихся на земле, во владения Князя Мертвых. Из-под серой безжизненной земли, будут торчать мутные стекляннистые скалы, обращенные в том же направлении, куда дует ветер; потом равнина кончится, он окажется на краю исполинского провала, вдохнет запахи серы и дыма, и отыщет ведущую вниз полуразрушенную лестницу. Здесь ее уже называют не Лестницей Совершенств, а Лестницей Страстей, ведущей на самое Дно, где пребывают в своих наивысших формах, невыносимых для смертного взгляда, источники всякой страсти — также, как в конце небесной лестницы пребывают источники всех совершенств. Но так далеко Кадану не надо. Он пройдет сквозь разрушенные башни и мрачные города, где на крышах домов дремлют горгульи с кожей из обсидиана, минует подвесные мосты, скрытые клубами поднимающегося из Преисподней дыма, убьет нескольких глупых демонов, не способных отличить человека от бессмертного, и достигнет врат Сожженного Города Фо. Перед вратами будет мост, и на этом мосту ему предстоит тяжелый бой, а если он допустит оплошность, то и смерть.

Дым налетал то справа, то слева — бессвязными мутным клубами окутывая то каменный мост, то врата Сожженного Города. Из дыма вышел бессмертный страж Ласагар — пребывая в человеческой форме, он был похож на мрачного, совершенно лысого воина, облаченного в кожаные штаны и куртку, обутого в тяжелые, подкованные металлом сапоги. Трепетал на ветру длинный плащ — почти такой же, как у Кадана, но более грубый и местами истершийся. Посередине мост был разрушен; Кадан остановился у левого края провала, воин преисподней — у правого; они поклонились друг другу почти синхронно. Когда Ласагар выпрямился, в его правой руке появилась сабля — немного более тонкая и длинная, чем талвар Кадана. Кадан обнажил оружие в тот момент, когда Ласагар прыгнул, ушел от атаки кувырком влево, отбил следующие десять выпадов, стремительных, как взгляд, и атаковал сам. Клинок из звездного серебра, выкованный на втором небе, столкнулся с клинком из черной стали, выкованным во втором круге Преисподней. Ветра взревели, грянул гром, из-под моста вверх устремились потоки дыма и пепла. Они сражались на краю обломанного моста, и ни один не мог взять вверх над другим. Техника и скорость были на стороне Кадана, ведь некогда его тренировали те, кто знал стиль Души Меча — воплощенные в облике людей бессмертные мечи-оборотни; но его противник был сильнее и изобретательнее. Каждый раз, когда Кадану казалось, что еще чуть-чуть, и он достанет Ласагара, тот выкидывал совершенно неожиданный и непредсказуемый финт, нисколько не стесняясь пользоваться подручными предметами и особенностями рельефа. Но также и каждый раз, когда Ласагару казалось, что вот еще чуть-чуть и он дождет заносчивого гостя, загонит его в угол, как Кадан успешно менял положение, оставляя себе вдоволь пространства для маневра.

С течением боя сила их ударов все нарастала, а магия, которой обладал каждый из них, все отчетливее проявляла себя в нападении и защите. Столкновение клинков вызывало снопы молний в пепельных облаках, а отведенный в сторону выпад мог пробить дыру в стене башни справа или слева от моста. Темп нарастал, множились производимые сражающимися разрушения, ревели небеса и содрогался ад, выплевывая пыль и пепел. И вот, вдруг, они застыли — серебристый клинок Кадана был приставлен к шее противника, а черный клинок Ласагара упирался Кадану в нижнюю часть живота. Секунду или две они стояли неподвижно, затем убрали оружие в ножны, коротко поклонились друг другу и, взойдя на поверхность призванной Стражем Фо летающей раковины, отправились в башню для медитаций. Иного гостя Ласагар бы провел в пиршественный

зал, но он знал, что бессмертный обитатель неба не станет есть пищу преисподней — даже такой, как Кадан: мертвая плоть, насыщенная болью и отчаянием, осквернила бы его, заставив по возвращении длительное время проходить процедуры очищения.

В башне было тихо и пустынно. По мановению руки Ласагара три бледно-зеленых огня вспыхнули в темноте и полетели над полом, на несколько секунд выхватывая из темноты черепа, геометрические узоры, камни странной формы и даже пыточные устройства — все это могло использоваться для медитаций теми, кто приходил в башню. Наконец, огоньки высветили ковер и подушки — Кадан направился туда и уселся на ковре, скрестив ноги; огоньки покачивались вокруг занятого им места; Ласагар же остался в темноте — сел на такой же ковер, или, быть может, прямо на пол. Кадан не столько увидел, сколько услышал и почувствовал, как страж второго круга принимает свою демоническую форму: едва слышный тягучий звук растягивающихся костей и мышц, клацанье когтей по полу, шелест крыльев, горящие красным огнем глаза, дуновение горячего ветра...

— Ты стал неосторожен, — сказал Ласагар. — Я мог убить тебя три раза.

— Это было до того, как я едва не отрубил тебе руку, или после? — Приподнял бровь Кадан.

— И до, и после. Школа сделала тебя воином, но небеса расслабляют.

— Возможно, — Кадан улыбнулся. Они знали друг друга давно и сражались не раз — обычно все заканчивалось ничьей, но бывало и так, что либо Кадан, либо Ласагар заканчивали бой с явным преимуществом над соперником. Во время их первого боя Кадан был убит, позже он возродился и убил Ласагара — который, будучи бессмертным, в свою очередь также возродился через некоторое время. После этого они старались избегать убийств и серьезных увечий — однако, случалось, что в горячке боя убивали или калечили друг друга. Происходило это, впрочем, не слишком часто — раз в сто или в двести лет, встречались же они намного чаще.

Ласагар не был воспитанником Школой Железного Листа, но знал о ней более чем достаточно, поскольку некогда он, будучи Небесным Избранником, сражался с Безликими масками и разыскивал Монастырь Освобожденных для того, чтобы истребить всех, кто там обучался. Ласагар нашел монастырь, но был побежден Алхассой — бессмертной, мечом-оборотнем, которая искалечила его, но не убила. Ласагар провел в плену около года, пока другие Избранники не обнаружили монастырь, не убили

Алхассу и Безликих, не перебили детей и не освободили своего пленного брата. Однако, камеру покинул совсем не тот Ласагар, который был заточен в нее. Долгие беседы с Алхассой и настоятельницами зародили в нем сомнения; стоя посреди двора, залитого кровью и усеянного детскими трупами, Ласагар вдруг осознал, что перестал понимать, ради чего ведется эта война и, главное, ради чего он сам участвует в ней. Идеалы, внушенные теми, кто его послал, потеряли значение, а сами пославшие вместо любви и преданности стали внушать отвращение. Потом были долгие мучительные годы одиночества и пустоты; ненависть росла в нем, как ядовитая змея, и жгла его сердце сильнее раскаленного металла. В конце концов он отрекся от света и предал свою душу Готлеасу, Темному Князю, властвующему над подземным огнем. Готлеас принял его в свою свиту, многому обучил, но главное — утраченные смысл и цельность вновь вернулись в душу Ласагара. Он осознал, что свет есть ложь, и боги алчны, а служба Князьям Тьмы достойнее службы Князьям Света хотя бы потому, что Темные не скрывают своей природы. Он убил нескольких Избранников, своих бывших братьев, потом был сам убит, но Хозяин Подземного Огня не позволил Князю Мертвых забрать его душу. Готлеас забрал павшего героя с собой, в глубины Преисподней, погрузил его в Огненное Озеро, в котором смертная природа Ласагара сгорела без остатка, и вознес наверх, в новом облике — в облике жестокого бессмертного демона, навечно связавшего свою судьбу с Нижними Мирами. Ласагар был отправлен в Фо, и поставлен там стражем. С тех пор он убил множество светлых созданий, пытавшихся проникнуть в Преисподнюю для того, чтобы наполнить ее своей ложью: оказать милость падшим, дать напиток изнывающим от жажды, накормить пытаемых голодом, исцелить раны подвергаемых бесконечным истязаниям в Сферах Боли, и, может быть, даже вывести несколько душ наверх, дав им возможность прожить еще одну жизнь на земле, либо прямо отведя на ближние небеса. Создания Света постоянно нарушали договоренности, некогда заключенные Князьями: они полагали, что их мотивы — благородство, милосердие, жалость и сострадание — каким-то образом оправдывают их поступки, что древний договор обязаны соблюдать лишь создания тьмы, а они, прекрасные и возвышенные создания, могут быть избавлены от этой необходимости в случае, если в преисподней оказался их родственник, друг или возлюбленный. Любая попытка демонов своровать или соблазнить душу на первых небесах вызывала скандал, небесные канцелярии негодовали, правители райских миров делали угрожающие заявления и созывали войска, и иногда эти войска вторгались в верхние круги Преисподней, уничтожая всех подряд

во имя мести за нарушение договора. В то же время, освобождение мучающихся в Аду душ или облегчение их страданий не только не рассматривались небесами как преступление, но и воспринимались как нечто естественное и само собой разумеющееся, вызывая в среде высокопоставленных обитателей Ада гнев и возмущение. Ласагар был поставлен охранять Сожженный Город Фо именно для того, чтобы создания света не чувствовали себя в Преисподней слишком вольготно, и порученная Готлеасом работа темного бессмертного вполне устраивала.

— Три года назад мы не закончили партию, — напомнил Ласагар. — Принести шахматную доску?

Кадан отрицательно покачал головой.

— Нет настроения, — сказал он. — У нас наверху возникло... определенное беспокойство. Признаться, оно проникло и в мои мысли.

— Ну что там еще у вас? — Недовольно скривился демон. — Готовится очередное вторжение? Как же вы мне надоели! Когда-нибудь мы пресытимся этим бесконечным унижением, прекратим на время склоки между собой и сожжем несколько ваших миров, вот чего вы в итоге добьетесь.

— А потом Старшие Боги сожгут несколько ваших, а Князя Тьмы принесут извинения и сдадут нам ваших зачинщиков, — равнодушно парировал Кадан. — Все это мы уже проходили, и не раз...

Он замолчал, подумав о том, что в этот раз все может быть иначе. Далеко не все обитатели Ада были довольны существующим положением дел. Им было даровано множество льгот — в отличие от обитателей Луны, которых просто изолировали от основной части Сальбравы, и обрекли на вырождение и вымирание — но само зависимое положение, как таковое, казалось многим порождениям Горгелойга бесконечно унижительным. Заключившие договор Князя Тьмы были мудры и осторожны — но как знать, не наскучили даже им тысячелетия мира, купленного ценой унижения? О более молодых бессмертных и демонах, населяющих средние и верхние круги Ада, и говорить не приходилось. Мысли, озвученные Ласагаром, бродили в головах многих из них и уж наверняка идея глобальной войны увлечет их и вдохновит.

— Ты знаешь, что произошло на Слепой Горе? — Спросил Кадан. — Слышал о том, что один из Последышей — на свободе?

— Конечно. — Ласагар с усмешкой кивнул. — Он восстановил свою власть над Сферами, которые некогда ему принадлежали и воплотил множество созданий — в основном, тех, кто был уничтожен и развоплощен после его смерти, но есть и совсем новые. Сейчас его демоны

восстанавливают столицу его королевства, возводят укрепления и бастионы.

— Столицу? — Переспросил Кадан. — У Князя Лжи никогда не было своей столицы. Он всегда предпочитал жить в чужих.

— При чем тут Лицемер? — Темный страж Фо пожал плечами. — Я говорю об Отравительнице... О нем. Об Отравителе, Владыке Ядов. Теперь он предпочитает являть себя в виде мужчины. Что порождает странную коллизию в связи с другим известным титулом, который он... она носила в свой женской ипостаси: Мать Демонов.

— Вот как... — Негромко произнес Кадан. — Значит, она тоже...

— Что значит «тоже»? — Спросил Ласагар.

Кадан покачал головой, показывая, что ему нужно подумать. Помолчав некоторое время, он вновь взглянул на стража Фо.

— Расскажи о нем. Что известно о его планах? В конце Войны Остывших Светил он поссорился с остальными мятежниками и отделился от них. Что он собирается делать теперь?

Теперь головой покачал Ласагар — Кадан почувствовал его движение, не смотря на скрывающую стража темноту.

— Я задал вопрос, — сказал Ласагар. — Что значит «тоже»? Если тебе нечего на него ответить, можешь уходить.

— Ты сказал, что знаешь, что произошло на Слепой Горе.

— Нет. Я сказал, что знаю о возрождении одного из Последовавших за Темным Светилом. Предполагаю, что на Горе была заварушка — его не хотели пускать в мир, но он все же прорвался.

— Все так, — согласился Кадан. — За одним исключением: на Слепой Горе возродился Лицемер. О том, что сейчас в игре участвует еще и Отравитель, я узнал от тебя. Это усложняет картину. Почему они возродились одновременно? Прежде они были в ссоре, но какие у них отношения сейчас?

— Мне об этом ничего не известно, — ответил Ласагар. — Я не знал про Лицемера, пока ты не сказал. Он нигде не появляется открыто — что вполне естественно для него, согласись. Думаю также, что искать его вам надо не у нас, а у себя дома — если верить легендам, он всегда обожал воровать лица у светлых созданий и затем пафосно вещать от их имени. Странно даже, что вы вообще узнали о его возрождении. Куда разумнее ему было бы восстановиться как-нибудь незаметно и обделывать свои дела втихаря.

— Он так и действует, — сказал Кадан. — За исключением того, что пройти незамеченным через Слепую Гору он не смог. Где он сейчас —

неизвестно. Властителей нижних небес, и в том числе моего сюзерена Князя призвали на девятое небо и объявили о случившемся; многие обеспокоились, потому что Князь Лжи может пробраться в любой мир и принять любой облик.

— Я думаю, обеспокоились! — Демон захохотал низким утробным смехом. — Хотел бы я посмотреть, что теперь у вас начнется! Будете подозревать и обвинять друг друга, смещать правителей, в поведении которых вам почудилось нечто необычное, а то и начнете междоусобную войну!..

— Я не удивлен тем, что тебя забавляет происходящее, — сказал Кадан. — Я знаю, что ты ненавидишь Свет потому, что Свет оказался не так хорош, как бы тебе хотелось...

— Какой еще «Свет», мальчишка? — Рывкнул Ласагар. — Твои Небеса в тысячу раз более фальшивы и лицемерны, чем сам Отец Лжи. Вы не можете обойтись без зла — даже объявляя злу войну, вы не можете не прибегать к злу для того, чтобы достичь победы! Но какая же это победа? В итоге, зло всего лишь меняет свою форму. Так почему бы просто не признать это и не дать тьме ее долю? Но нет — вместо этого вы лжете себе и лжете всем остальным, утверждая, что зло не должно существовать, что это некая ошибка, некий дефект, который можно исправить — но это не ошибка и не дефект, это то, без чего перестает существовать и добро. Оно вам жизненно необходимо, и когда-то ваши Князья и само Солнце признали это, не став добивать детей Горгелойга, утвердив в договоре их власть над Нижними Мирами и попытавшись установить баланс между Небом и Адом, Светом и Тьмой. Но тогда вас по-настоящему припекло: ваши господа уже чувствовали, как ткань Сальбравы рвется у них в руках. Прошли тысячи лет — и что? Небеса постарались забыть этот неприятный факт. Теперь вы отрицаете действительность и лжете — себе и другим — рассказывая об исправлении ошибок и об избавлении от грехов. Был момент, когда вы понимали, что чаши весов должны уравнивать друг друга, иначе обвалятся сами весы — но затем вы об этом забыли и постоянно пытались сделать одну из чаш более весомой, более значимой, более настоящей, чем другая. Проклятье! Да, я рад, что непокорившиеся вам Князья возрождаются! Они заставят вас немного встряхнуться и вспомнить пару очевидных истин!

— Ты закончил? — Спокойно поинтересовался Кадан. — Это была эмоциональная, зажигательная речь, признаю. Я бы даже поплодировал, если бы не очевидные нарушения логики в твоём выступлении. Никто не «очнется». Наоборот: возвращение Последовавших возродит старые

страхи. Они-то уж точно не хотят баланса. А страх — плохой советчик: множество Нижних Миров будет выжжено Светом в новой войне. Ты этого хочешь? О балансе никто и не вспомнит, когда речь пойдет о самом существовании — и еще меньше будут думать о том, что нарушение баланса представляет для существования угрозу не меньшую, чем победа Последовавших и освобождение Убийцы. Ты также будешь радоваться, когда из-за нашей оплошностей начнет разрушаться вселенная? Какая в этом случае разница, кто виноват, а кто прав? Да, равновесие не соблюдалось идеально — но до сих пор мир, по крайней мере, существовал. Реакция же Небес на возвращение Последышей может стать такой, что весы действительно упадут — и я почему-то уверен, что тебе также как и мне, этого бы не хотелось. А теперь расскажи мне о том, чем занимается Владыка Ядов и что известно о его намерениях.

— Он готовится к войне, — произнес Ласагар после длинной паузы. — Это невозможно скрыть. Конечные ее цели не объявляются и также неясно, будет ли эта война, по его замыслу, преимущественно оборонительной или наступательной. Возможно, об этом станет известно позже. Также я знаю, что он рассылает демонов в различные миры на верхних и средних уровнях Ада с настойчивыми предложениями союза и покровительства. Один из таких посланников прибыл в Фо: мы отрезали ему голову, налили в череп раскаленной лавы и отправили обратно, показывая тем самым, что служим Хозяину Подземного Огня, а не предателю, поднесшему Горгелойгу кубок с отравой. Но даже у нас это решение вызвало недовольство: некоторые полагают, что мы могли бы заключить союз и добиться определенных преимуществ, отобрав у Небес спорные территории и часть потоков энергии в мира людей. Схожим образом, я знаю, поступили в Гхенгесе, в Албере и в Башне-Игле. Но есть и такие Властители, которые склонили слух к сделанному им предложению, и есть такие, которые размышляют над ним.

— А что ваши Князья? — Спросил Кадан. — Как они восприняли возвращение одного из своих? Вряд ли им понравится деятельность Отравителя по переманиванию их вассалов.

— О чем думают Возлежащие на Дне, никому не известно. Никаких сообщений от них не поступало. Возможно, их раздражает Отравитель... а возможно, они выжидают, наблюдая, кто из их подданных соблазнится предложениями со стороны Последовавшего, а кто останется верен своим господам: возможно, они не против избавиться от слишком горячих голов, не понимающих, к чему может привести новая война. Идиотов полно не только у вас, но и у нас, и Князья, я думаю, понимают это не хуже меня.

— Я был бы признателен, — сказал Кадан, поднимаясь. — Если бы ты держал меня в курсе того, что у вас творится. Если Фо не намерен присоединиться к Последовавшим, если вы понимаете, что их деятельность в конечном итоге никому не принесет пользы — значит, наши интересы совпадают... по крайней мере, в этом вопросе.

Темный бессмертный кивнул и, поднявшись, проводил небожителя к выходу из башни. Он не стал менять облик — и когда темнота башни для медитаций отступила, Кадан увидел перед собой жуткую крылатую тварь с телом, покрытым чешуей, с лысым черепом, лицом без носа и рта, полным острых зубов.

Восходя на небо по Лестнице Совершенств, Кадан размышлял, каков был бы его собственный демонический облик, если бы волею судьбы он стал бы служить одному из властителей Нижних Миров, а не Верхних. Этим мысли перемежались с другими — он думал о том, что услышал от Ласагара и будущее беспокоило его все больше. Последовавшие один раз уже проиграли. Что могло заставить их думать, что новая война будет более успешна, чем предыдущая? Впрочем, могло быть и так, что Отравитель готовился к войне не с Небом, а со своими соседями или даже с возлежащими на Дне братьями. Возможно, он примет установившийся порядок вещей и присоединится к договору? Это казалось достаточно разумным, с учетом старой ссоры между ним и другими Последовавшими. Однако, оставался еще Лицемер — может быть, худший из всех Последышей. Можно было не сомневаться, что он станет искать способы вернуть к жизни остальных братьев. И почему-то Кадан не сомневался, что такие способы Лицемер со временем найдет.

Глава одиннадцатая

Фарен эс-Вебларед, третий сын Халдора, покойного герцога Браша, возился с бумагами в кабинете отца, когда слуга доложил о прибытии леди Тиэны. Фарен велел впустить ее и встал из-за стола, когда гостья вошла. Он чмокнул кузину в щеку и удостоился ответного поцелуя, его вопрос «Как дорога?» прозвучал почти одновременно с ее «Как ты, Фари?». Тиэна улыбнулась, прикрыв рот рукой в белой перчатке из тонкой кожи, Фарен против воли ответил на ее улыбку, хотя радоваться было особенно нечему. Жестом он предложил ей присесть, предложил вина — она отказалась, он вспомнил, что она всегда серьезно относилась к практикам дежён, строго регламентировавшим все аспекты человеческой жизни, позвонил в колокольчик, вызывая слугу, и отправил того за катеранским чаем.

— Надо же, ты помнишь мой любимый сорт. — В голосе Тиэна прозвучали теплые нотки.

— Как я мог забыть?..

Они часто виделись в детстве и юности — до тех пор, пока Фарен не отправился в Лебергский Университет, расположенный в небольшом городке под Дангилатой. Ему оставалось отучиться еще год, когда в Университет приехала Тиэна. Он очень удивился тогда: невозможно было поверить, что граф Нагремон, ее отец, согласился отпустить свою дочь «в это гнездо разврата и ереси». Как выяснилось позже, Тиэна заключила с отцом сделку: Нагремон позволяет ей уехать и оплачивает ее обучение в самом престижном учебном заведении Ильсильвара, а она, по возвращении, ровно через пять лет, выходит замуж за того, на кого ей укажут родители, без споров и ссор. Фарен был рад видеть ее в стенах Университета, но уже и тогда сомневался, что Тиэна сдержит обещание, сейчас же, спустя пять лет после встречи в Леберге, его сомнения лишь усилились. Тиэна сидела перед ним — изящная, стильная, элегантная... Она всегда была красива, но теперь, кажется, достигла совершенства во всем — в одежде, манерах, в пластике движений, в умении подавать себя. Ею невозможно было не любоваться. Она была немного выше Фарена и в детстве дразнила его «коротышкой», хотя он никогда не был низкого роста — нет, это она всегда была высокой и хрупкой.

— Что случилось, Фари? — Спросила она. — Я слышала о твоём отце... и братьях. Мне очень жаль. Энтикейцы вернули тела?

Фарен отрицательно покачал головой.

— Они призвали демонов, которые все уничтожили. Думаю, нечего было уже возвращать, даже если бы они и захотели это сделать. Но они хотят войны, а не мира. Я отправлял посланников королю, бургомистру Терано, Пяти Орденам в Асфелосту — все бесполезно. Половина гонцов не вернулась... зато мне прислали их головы.

— Проклятые дикари...

— Нет, — Фарен покачал головой. — Дело не в дикости. Мы ведь с ними имеем дело не первый день. Они варвары, но собственные понятия о чести до сих пор у них были. Посланников прежде не трогали, даже в периоды войны... и с демонами не заигрывали. Тут что-то другое. Либо дух антикейцев внезапно переменился, либо то, что они делают — это расчетливая, осознанная пощечина. Им не нужен мир. Ни на каких условиях.

Взгляд Тиэны стал тревожным.

— Что же они хотят? Войны? Но мы столько раз воевали на море, и все заканчивалось ничем. Хотят разграбить север? Но мы запремся в крепостях, которые им не взять, а вглубь материка они сунуться не посмеют.

— Я боюсь, — негромко сказал Фарен. — Что на этот раз все будет иначе. Пять Орденов с ними.

Графиня долго молчала.

— Они самоубийцы? — Произнесла она наконец. — Они так быстро все забыли?

— Возможно, — Фарен пожал плечами. — Но нам-то от этого не легче. Одно донесение хуже другого...

Кивком головы он показал на отцовский стол, заваленный бумагами... Фарен все еще называл этот стол и кабинет «отцовскими», хотя уже было ясно, что теперь это — его стол и кабинет.

— Часть наших кораблей они захватили и теперь будут использовать их против нас. Они собирают большую армию — кланы, Ордена, королевская армия Энкледа, пираты с запада...

В этот момент раздался стук в дверь: слуги принесли чай. Накрыли столик, разложили приборы, разлили чай по чашечкам и ушли. Катеранский чай полагалось пить из крохотных чашек, которые можно было осушить (будь в них налита холодная вода, а не кипятка) за один-два глотка. Тиэна добавила себе капельку меда, Фарен положил половину ложки — он всегда был сластеной.

— Зачем дядя напал на них? — Спросила Тиэна. — Что он хотел?.. У

нас ведь был мир... Или они опять что-то разграбили и требовалось преподать им урок?.. И эти демоны вдруг... твоего отца как будто ждали.

Фарен кивнул.

— Вот именно.

Она пила чай и смотрела на кузена, ожидая более подробного ответа. Фарен медлил, не зная, что говорить, а о чем умолчать. В конце концов, он решил рассказать все.

— Морхан уплыл с отцом, и, вероятно, погиб вместе с ним. Ты знаешь, что случилось с Анкалем?

— Скоротечная болезнь, — она внимательно посмотрела на третьего сына герцога. Допила чай. — Я слышала, он был... не в себе.

— Отчасти, так и было. — Фарен привстал, чтобы наполнить чашку кузины. Сделав это и вернувшись на свое место, он поставил чайник на стол и сказал:

— Я убил его.

— Что?!

— У меня не было другого выхода. Послушай... когда я приехал в Браш из своего поместья, прослышав о безумной затее отца, то надеялся еще застать его здесь и отговорить от атаки по острову. Увы, я опоздал. Отец и Морхан уже уплыли, поспешно собрав все корабли, что могли и толком даже не подготовившись к походу. Анкаль был здесь. Он руководил Брашем всего лишь два дня, но уже успел прикончить по меньшей мере двенадцать человек, большинство из которых занимало, скажем так, не самое низкое положение в замке. Он напал на меня и хотел убить. Мне пришлось защищаться. Мы разнесли несколько комнат этажом ниже. Стража благоразумно не лезла. Пайр пытался разнять нас — Анкаль сжег его так... так, как будто это был не человек, который когда-то качал его на руках, а надоедливая муха...

— Не может быть. — Тиэна покачала головой. Пайра она хорошо помнила. Когда ей было тринадцать, одна из фрейлин застучала ее в саду, целующейся с молодым рыцарем. Фрейлина рассказала отцу. Рыцаря отослали, а ее посадили под замок на три дня, на хлеб и воду. Еду ей приносил Пайр, и он, в обход приказа, каждый раз, украдкой, кроме хлеба и воды, брал с собой что-нибудь еще — пирожное, или куриную ножку, или кусок пирога...

— Я бы тоже не поверил. — Фарен мрачно кивнул. — Если бы не видел это собственными глазами... Я просил брата опомниться, спрашивал о причине атаки — он ничего не отвечал. Безумно улыбался и смотрел на меня так, как будто я был его смертельным врагом — хотя перед тем мы не

виделись, наверное, с полгода и расстались как обычно... В общем, мне пришлось защищаться... О настоящих причинах его смерти не стали объявлять публично, но в письме, которое я отправил королю, все события изложены точно.

— Почему ты не пленил его? — Спросила Тиэна.

— Потому что он чуть не убил меня. Он закончил Университет, как и мы с тобой, и всегда имел самые лучшие оценки по боевому чародейству.

— Понятно... — Тиэна обхватила чашечку своими тонкими пальцами так, как будто хотела согреться. С Анкалем у нее были не такие хорошие отношения, как с его младшим братом, но смерти ему она бы никогда не пожелала. Последний раз она видела его более шести лет назад, но до сих пор хорошо помнила: среднего роста, с изящной бородкой, всегда безупречно одетый, надушенный, остроумный, любимец женщин... и мужчин. Ходили слухи, что он очень любвеобилен и не особенно разборчив в связях.

— В темнице обнаружилось множество людей. — Продолжал Фарен. — И ни одного — по хоть сколько-нибудь разумным причинам. Я вытащил их оттуда. Половина оказалась больна странной хворью, от которой тело покрывается язвами и гниет, а кровь становится густой и дурно пахнет. Та же болезнь поразила и других людей в крепости — кого-то в большей мере, кого-то в меньшей. Более того, этим же оказался поражен и мой брат — я знаю это, потому что осматривал его тело после смерти. Определить, что это такое, нашим лекарям не удалось. Я сам изучал кровь больных в лаборатории и, уверяю тебя, видел такое впервые. Все это было больше похоже не на болезнь, а на редкий яд.

— Что за яд?

— Мне не удалось точно определить его вид, но зато я выяснил, когда они были отравлены. Пятого сентября, в тот самый день, когда отец вдруг объявил о рейде на север и стал созывать вассалов.

Тиэна поставила пустую чашку на стол и он вновь налил ей чаю — а заодно и себе.

— Ты выяснил, что произошло в тот день? — Спросила молодая графиня.

Фарен отрицательно покачал головой.

— Не знаю. Но очень хотел бы знать. Отравлены оказались все, кто был в этот день в крепости во второй половине дня — тех, кто отбыл утром или прибыл уже не следующий день, хворь не коснулась. Замок огромен, тут три колодца и две кухни, солдаты, слуги и придворные питаются отдельно друг от друга. Не думаю, что дело в еде или в питье... разве что кто-то

отравил сразу все три колодца. Все это больше напоминает какую-то извращенную магию. Еще я выяснил, что заболели и передохли почти все животные — лошади, собаки, куры, овцы... большую часть из них заменили еще до моего приезда.

— Предположу, что ты попытался проверить свою теорию насчет извращенной магии. Удалось что-нибудь узнать?

— Я провел несколько церемоний, но ясновиденье ничего не дало. В одном случае вода в чаше стала темной и мутной, а вонь от нее поднялась такая, как от отхожего места. В других случаях я просто ничего не увидел. Ясно одно: что-то произошло в этот день, и оно повлияло на всех по-разному, но в наибольшей мере — на моего отца и братьев. Я опросил людей и узнал, что отец и Морхан также вели себя до отплытия... не слишком-то разумно. Они упрятали кучу людей за решетку по совершенно надуманным причинам, а иногда и вовсе без причин.

— Ты думаешь, эта болезнь... или яд... или порча... как-то повлияла на них таким образом, что они потеряли разум и поэтому решили атаковать северян? — Спросила Тиэна, посмотрев кузену в глаза.

— Думаю, они утратили не столько разум, — ответил он, — сколько волю. Я полагаю, что некая сила поработила их и заставила предпринять эту атаку, а затем она же уничтожила атаковавших. А язвы и гниение тел — побочный эффект от присутствия этой силы.

— Что за сила?.. И для чего?

— Для чего? Для того, чтобы дать энтикейцам повод напасть на нас.

— Раньше они не слишком нуждались в этом поводе.

— Когда речь шла о пиратских набегах — да. Но полная мобилизация, привлечение Орденов, кланов и союзников... это нечто другое. Нужен достаточно яркий и вызывающий повод. Кроме того... Ордена помнят, что Клинки и Безликие сделали с ними тут в прошлый раз. На примере войска моего отца им продемонстрировали, что на этот раз захватчикам также будут помогать сверхъестественные силы. К сожалению, некоторых эта демонстрация впечатлила и убедила. В том числе самого, как нам казалось, разумного из Магистров — Элгара Атфитрита.

— Бессмертного?

— Да.

— Все очень тревожно и странно. — Рассеянным взглядом Тиэна скользнула по кабинету покойного герцога — по коврам, шкафам с книгами, стойке с оружием, мистическому глобусу Сальбравы, географическим и астрологическим картам, столу, заваленному донесениями...

— Это уже не просто война. — Сказала она. — Ты говорил со своим духовным наставником?

Фарен криво усмехнулся и отпил чаю для того, чтобы не отвечать сразу.

— С чего ты решила, что у меня он есть?

— Брось, Фари. Наставники теперь есть у всех. — Она не скрывала иронии. — Даже последний торговец на рынке скажет тебе по большому секрету, что ночью во сне он получает сообщения от своего наставника, а если ты ему еще и приплатишь — поведаст тебе содержание этих откровений и пообещает замолвить перед своим духовным отцом словечко, чтобы тот слал мистические откровения и в твои сны тоже.

— Лже-философы и шарлатаны — настоящий бич нашей страны...

— Ну я же не спрашиваю, истинный у тебя наставник или ложный. Я спрашиваю, рассказал ли ты ему все то, что сейчас поведал мне и что сообщил в письме королю.

Фарен едва заметно покачал головой и сделал еще глоток, осушая кружку.

— Ти, ты ведь знаешь не хуже меня, что о таких вещах не говорят. Есть наставник или нет — то, что происходит между ним и учеником, должно остаться только между ними.

— Значит, говорил. — Произнесла она утвердительно.

Фарен молча усмехнулся. Чайник остыл, и он поинтересовался у кузины, не послать ли слугу за новым. Она сделала отрицательный жест.

— Известно, когда начнется втожение? — Спросила она.

— Не раньше, чем через неделю, я полагаю.

— И теперь обороной крепости руководишь ты?

Фарен кивнул.

— Формально, король еще должен утвердить мое назначение, но не думаю, что тут возникнут какие-то сложности. Веблареды были герцогами Браша три столетия подряд. Мы всегда верно защищали север страны и не слишком активно лезли в политическую жизнь, происходящую в столице. Со стороны Теланара было бы глупостью назначать кого-то другого с учетом того, что наши вассалы более преданы нам, чем короне. Тем более сейчас, когда по государству готовится атака с севера.

— Что ты предпринимаешь для нашей защиты?

Фарен вздохнул.

— Много всего, уж поверь... Тебе действительно интересно?

— Конечно. Я хочу помочь тебе.

— Лучше бы тебе уехать в дядино поместье.

— Неужели? И что я там буду делать? Выслушивать сообщения о том, что вас обложили и гадать, как скоро в поместье появится орда варваров для того, чтобы разграбить все наши кладовые и изнасиловать всех женщин старше десяти лет и моложе шестидесяти? Спасибо, мне что-то не хочется. Если уж ты правда так обеспокоен моей безопасностью, надо убеждать меня уезжать не в поместье, а дальше на юг. Скажем, в Дангилату. Уж с ней-то точно ничего не случится.

— Кстати, да. — Фарен одобрительно кивнул и легко коснулся предплечья кухни. — Насчет столицы — прекрасная идея. Поезжай туда, Ти.

— И не мечтай. Я останусь здесь и буду помогать.

— Ти... не будь ребенком.

— Хочу вам напомнить, ваша светлость, что как и вы, я закончила Университет, созданный Королем-Еретиком для Одаренных. — Холодным, строгим и донельзя формальным тоном произнесла Тиэнна. — Неизвестно, когда вмешаются бессмертные хранители Ильсильвара и вмешаются ли вообще. Но до того, как это произойдет, у вас на счету будет каждый маг.

Фарен помолчал. Она была права. Он призвал всех более-менее значимых вассалов — одни из них приехали или вскоре приедут в Браш, другим было поручено оборонять иные крепости — и среди них были не только мужчины, но и женщины. Умелая колдунья стояла роты солдат. Физическая сила и выносливость переставали иметь первостепенное значение, когда речь шла о волшебстве.

— Я бы не стал называть Лекхана — Еретиком, — заметил он. — Это прозвище дали ему гешские дармоеды, после того он выгнал их из страны.

— А мне нравится. Звучит гордо и с вызовом.

— Но непатриотично.

— Ты думаешь, патриотично было бы называть его верным слугой Геша и блюстителем традиционной морали? Его наследники уже давно пытаются «облагородить» образ единственного приличного монарха за последние триста лет таким образом, чтобы смазать все острые углы в его отношениях с Гешем... а точнее — в своих. Пройдет еще лет десять и мы узнаем, что настоящий смысл Лекхановых реформ состоял в том, чтобы верно служить богам, а жрецы, которых он выгнал, всего-навсего, допускали отдельные злоупотребления на местах — за что и были наказаны — но в главном, конечно же, Лекхан был с ними абсолютно согласен.

Тон молодой графини был откровенно язвителен, и Фарен против воли залюбовался ею. Она ему нравилась такой — надменной, острой на язык,

беспощадной...

— Ты преувеличиваешь, Ти. — Миролобиво сказал он.

— Ах, если бы...

Некоторое время они молчали.

— Мне вернут мои прежние апартаменты? — Поинтересовалась графиня.

— Вернут.

— Это хорошо.

— Все для тебя.

— Вот как?. Хम्म... Тогда мне потребуется еще кое-что.

Фарен вопросительно посмотрел на нее.

— Точнее, кое-кто. — Она провела кончиком указательного пальца по ободку чашки. — Партнер для Дежьёна Двух Начал. Нельзя забрасывать практику. Среди твоих людей найдется кто-нибудь, с достаточно сильным и развитым Тэннаком и с чистым Шэ?

Ожидая ответа, она посмотрела в глаза кузену совершенно спокойно, как будто речь шла о танцах или музицировании. Фарен, застигнутый вопросом врасплох, почувствовал, как кровь приливает к щекам и едва сдержался, чтобы не издать нервный смешок.

— Эээ... кхе... — В горле запершило, он откашлялся и продолжал. — Даже не представляю. Меня ведь не готовили к управлению герцогством... Далеко не всех вассалов я знаю лично. Наверняка многие практикуют этот дежьён, но понятия не имею кто из них достиг в нем достаточного мастерства, чтобы подойти лично тебе.

— О небо! — Тиэна закатила глаза. — Эта крепость выстроена по законам дежьёна, а ее главнокомандующий даже не знает, кто из его людей владеет дежьёном, а кто нет.

Фарена позабавил этот упрек.

— Дежьён Опор и Проемов и Дежьён Двух Начал — это, все-таки, разные дежьёны, моя дорогая.

— Дежьён — это порядок, — возразила она. — И тот, кто соблюдает порядок, соблюдает его во всем. Как давно ты сам практиковал Два Начала?

Фарен задумался.

— Университет... да. Потом как-то стало не до того. Отец поручил мне управление одним из своих поместий, женил на дочери графа эс-Мильна... появились дети. Хозяйство. То одно, то другое. В общем, эту практику я забросил.

— Ты очень беспечен, — упрекнула его Тиэна. — Вот что. Раз ты не

знаешь хорошего практика, моим партнером станешь ты. По крайней мере, твой Тэннак силен, а Шэ более-менее чистое... насколько я могу судить.

Фарен открыл было рот, чтобы что-нибудь сказать, но ничего вразумительного ему в голову не пришло, и рот он поспешно закрыл.

— Мне нужно привести себя в порядок, — сказала Тиэна, вставая. — И подготовить комнату. Часа через три-четыре я пришлю за тобой.

— Хочу напомнить, что на мне висит оборона крепости и свободного времени, которое можно было бы потратить на... кхм... практику дежённа... у меня нет.

— Будучи магом, ты сам являешься оружием, — возразила она. — Дежён развивает Дар и упорядочивает энергии Шэ и Тэннака. Очень плохо, что ты забросил практику. Плохо не только для тебя, но и для всей крепости, энергией которой тебе придется управлять, когда сюда приплывут энтикейцы. Плохо для всех нас. Поэтому речь не идет о том, чтобы потратить на Два Начала «свободное время», которого у тебя нет. Это твоя обязанность как командующего, и ты найдешь время и для нее, и для всех предварительных медитаций. Постарайся закончить свои дела к тому моменту, когда я за тобой пришлю.

Тиэна вышла, а Фарен остался сидеть на своем месте, тупо глядя на закрывшуюся за ней дверь. И почему он никогда не мог ей отказать? Обычно он вел себя достаточно разумно, но Тиэне никогда не составляло большого труда убедить его присоединиться к любому из тех безумств, что она затевала. Она всегда была особенной... и сама по себе, и для него.

Фарен тяжело вздохнул и потер лоб. С тоской посмотрел на письменный стол. Как бы там ни было, а кое-какие дела следовало решить до наступления ночи, и ему придется поторопиться, чтобы успеть все. Фарен позвонил в колокольчик, вызывая слугу, а когда тот пришел — отправил его за баронами Зелгаса, за графом Этцером, и тремя баннеретами. Они беседовали около часа, обсуждая позиции, которые следовало занять каждому из них, и размер подкреплений, на которые можно было рассчитывать со стороны родственников зелгасских баронов, живущих ближе к центральным областям страны, к югу от границ Брашского герцогства. После их ухода Фарен написал полдюжины писем и разослал их вместе с гонцами; некоторые сообщения Фарен не стал доверять бумаге и гонцам следовало передать их лично своим адресатам. Он велел слугам приготовить ванну, наскоро помылся, вернулся к себе — не в кабинет, а в комнату, в которой его семья занималась церемониальной магией, расстелил коврик для медитаций и несколько минут созерцал висящее на стене изображение космического Человека, голову которого,

подобно нимбу, окружало пылающее Солнце, в груди сияла серебристая Луна, а в паху, подобно сумрачной звезде, один из лучей которой совпадал с половым членом, чернел Горгелойг. За это изображение в Геше и Эйнаваре людей сжигали заживо, подвергнув предварительно множеству мучительных пыток в застенках Белого Братства, и даже в Ильсильваре, «стране еретиков», в эпоху реакции, наступившей после смерти Лекхана, знатным людям не рекомендовалось публично вывешивать такие изображения — новых анафем и дипломатических скандалов королевская власть старалась избегать.

После того, как мистический настрой овладел его духом, а ум очистился от мелких и случайных мыслей, связанных с повседневными заботами, Фарен перевел внимание с рисунка на узлы и каналы своего Шэ. Он стал дышать в определенном ритме, манипулируя потоками энергии, заставляя их двигаться теми путями, которыми ему было нужно, выводя из Шэ скопившиеся в нем шлаки и насыщая жизненное тело свежей силой. Сложно сказать, сколько именно он пробыл в медитации — ощущение времени, как и всегда в таких случаях, сделалось другим. Потом в дверь осторожно постучали — он откликнулся, сказал служанке, присланной Тиэной, подождать его несколько минут, оделся и спустился вниз, в покои графини. Ее комнаты уже прибрали; телохранителей разместили на том же этаже, но в другом крыле; единственную фрейлину, сопровождавшую графиню в путешествии, Тиэна отослала. Она открыла Фарену сама, провела его в спальню и заперла двери.

«Надеюсь, жена об этом не узнает...» — Подумал молодой герцог, снимая камзол и рубашку и наблюдая, как Тиэна, легко избавившись от одежды, поставив ногу на скамеечку рядом с кроватью, втирает масло в свою кожу. У Фарена было немало женщин, но сейчас он чувствовал себя как в первый раз — сердце учащенно билось, член напряся так, что, казалось, был готов порвать штаны, а в глубине души притаился страх. Он сделал несколько дыхательных упражнений, заставляя себя успокоиться, окончательно избавился от одежды и помог Тиэне втереть масло в спину.

— О, ты уже готов... — Сказала она, поворачиваясь и легко проводя рукой по его члену — не столько лаская, сколько дразнясь. Фарен ощутил волну мучительного наслаждения. Затем Тиэна натерла партнера маслом и увлекла на пол, в центр магического узора, который начертила еще до прихода герцога. Фарен сел, она села напротив, их ноги скрестились. Когда они стали ласкать друг друга, ему стало трудно удерживать внимание на потоках Шэ и Тэннака, на правильном выполнении дежьёна, детально регулирующего все стадии обмена энергией между любовниками,

захотелось подхватить ее, отнести на кровать и там овладеть ее телом, забыв о правилах, о предписанном состоянии Шэ, Келата и Тэннака — целиком отдаться животной страсти, не думая ни о чем... Фарен сдержал порыв, сосредоточился на дыхании, заставил себя думать о происходящем только как о мистической практике, конечной целью которой была сублимация сексуальной энергии, присущей человеку, в энергию более высокого порядка. О том, что он много лет влюблен в Тиэну, следовало забыть — равно как и о том, что из-за близости родства он никогда бы не смог добиться согласия на брак ни у ее отца, ни у своего.

Опираясь на его плечи, Тиэна приподнялась и приблизилась к нему; затем, рукой направляя его член, она опустилась вниз и Фарен почувствовал, как входит в нее. Тиэна начала медленно двигаться, постепенно учащая ритм, он поддерживал ее за ягодички, а ее небольшие груди с твердыми, набухшими сосками, скользили вверх-вниз перед его лицом, искушая схватить и сжать губами один из сосков. Фарен вновь заставил себя сконцентрироваться на обмене энергиями, на ощущении того, как потоки ее Шэ вливаются в него и наоборот. Нельзя было растворяться в страсти, следовало контролировать влечение от начала и до конца, осознавать его и управлять им. Затем их энергетические узлы, расположенные вдоль позвоночника, стали приходить в гармонию; их Шэ и Тэннак сплелись друг с другом настолько тесно, что в большей степени напоминали духовное тело одного существа, чем двух разных. Энергия, представлявшая собой в нижней части их тел безрассудное чувственное желание, поднимаясь вверх, становилась чище, ясней и прозрачнее; член Фарена оставался напряжен, но возбуждение слабело — он ощущал его так же, как ощущал бы напряженную руку или ногу, сжавшиеся мышцы которой не приносят никакого особенного удовольствия. Их тела всего лишь были устроены таким образом, чтобы соприкасаться именно так, а не иначе; центр внимания и обмена энергиями в это время поднялся на уровень их солнечного сплетения и продолжал двигаться вверх, однако и узлы, оставшиеся внизу, они не отпускали из виду — узлы вибрировали на одной ноте, вращаясь и направляя вверх потоки силы. Потом соединились их сердца, затем узлы, связанные с волей, с умом и духовным восприятием, последним был узел, выводящий человека в сферу надсознательного, связующий индивидуума с бисуритами мира и с духовными законами, установленными Изначальными и их Князьями. Фарен почти перестал ощущать собственное тело, он даже не мог бы сказать, продолжает ли двигаться Тиэна или замерла неподвижно — это не имело значения, потому что движение и покой стали одним целым также, как одним целым

стали мужчина и женщина, сидящие в центре колдовского узора. Их чувства сплелись и переходили друг в друга — то, что ощущал он, чувствовала и она, и наоборот. Они испытали оргазм, но не отдельно друг от друга, а став как бы двумя полюсами расцветшего в их духовных телах сияния. Свет окружил их и поглотил все; они пребывали в этом сиянии и друг в друге неопределенное время... затем Фарен ощутил, как колебание воздуха холодит вспотевшую спину и как соски прижавшейся к нему Тиэны трутся о его грудь. Тиэна чуть отстранилась. Усталая и удовлетворенная, она взглянула ему в глаза, затем поднялась и стала одеваться. Член Фарена оставался напряжен — что часто случалось после практики дежьёна Двух Начала, во время которой семя не покидало мужчину, а испытываемый в итоге оргазм носил не столько телесную, сколько духовную природу. Фарен взял какую-то тряпицу и вытер пот. Затем начал одеваться и он. Его Шэ и Тэннак были насыщены силой, которая текла спокойно и ровно, не встречая препятствий, текла от окружающего мира к нему и возвращалась обратно.

— Слишком много посторонних эмоций, — констатировала графиня. В ее голосе отчетливо прослеживались критические нотки. — Видно отсутствие практики. Тебе надо больше тренироваться.

Фарен только вздохнул.

— Будем практиковаться каждый вечер. — Решила она. — Твоя жена здесь, в Браше?

— Да, — Фарен кивнул. — Вызвал ее из поместья вместе с детьми, когда стало ясно, что будет вторжение. Руфоринкейн слишком близок к побережью...

— Я знаю. — Она подняла руку, останавливая его излияния. — Как давно ты спал с ней?

— Неделю назад или больше. Было совершенно не до...

— В тебе слишком много семени, — она вновь прервала его речь. Теперь ее тон сделался задумчивым. — Я думаю, в этом основная причина лишних примесей во время дежьёна... Вот что. Иди к жене и избавься от того, что в тебе накопилось.

Фарен — в который уже раз за сегодня — ощутил себя слегка шокированным ее словами и действиями. За последние годы, управляя Руфоринкейном, он привык командовать, а не подчиняться; сверх того, после смерти отца и братьев на него свалилась огромная ответственность и он, фактически, уже сделался следующим брашским герцогом — на фоне всего этого та уверенность и твердость, с которой Тиэна распоряжалась его действиями, была невыносимо притягательной.

— Что, прямо сейчас? — Спросил он, издав нервный смешок.

— Да, прямо сейчас. — Твердо ответила кузина. — Завтра весь день ты будешь занят, а к вечеру ты мне снова понадобишься. Иди.

Фарен оделся и вышел. Чувство легкой нереальности происходящего не оставляло его. Он дошел до конца коридора, поднялся по лестнице... еще один коридор. Все спали, и он постучал в дверь негромко, чтобы не поднимать лишнего шума. Заспанная служанка открыла дверь и сообщила шепотом:

— Госпожа Мадлена уже спит...

Фарен сделал жест, веля служанке отойти в сторону; в комнате, у кровати с его годовалой дочерью, дремала кормилица, девочка также спала. Фарен тихо прошел в спальню жены, закрыл за собой двери и подошел к пышной кровати с балдахинном. Мадлена посапывала во сне. Он разделся и лег рядом. Стянул с нее ночную рубашку — поначалу она пыталась возражать, но быстро сдалась, так и не проснувшись окончательно. Фарен перевернул жену на спину, занял положение сверху и вошел в нее; Мадлена что-то пробормотала в полудреме, затем вновь погрузилась в сон и даже стала похрапывать. Фарен двигался в ней, к своему удивлению чувствуя, что вся эта ситуация странным образом его заводит: выполняя распоряжение властной любовницы, он овладевает телом спящей жены, отдающейся ему безропотно и беззаветно. То, что разумная часть ее души, пребывая во сне, бродит где-то далеко, было не так уж и плохо, как могло бы показаться: неразумная, животная часть души Мадлены по-прежнему была здесь; ее тело принимало Фарена и в какой-то мере отвечало ему. Не нужно было думать о том, хорош ли он как любовник или плох, осталась ли жена удовлетворенной близостью или нет, сравнивает ли она его с теми любовниками, что были у нее прежде, до замужества (а возможно, имелись и сейчас) или же целиком поглощена настоящим моментом... Все это сейчас его не беспокоило. Фарен пользовался ее телом как вещью, и в каком-то высшем смысле то, что он делал, наверное, было совершенно неправильно, но именно поэтому он ощущал жгучее желание, ведь человека всегда влечет к тому, что запретно и недолжно. Он участил ритм, кончил и, тяжело дыша, лег рядом. Мадлена перевернулась на бок. Фарен обнял ее, подумал о том, что кормчие, способные управляться с силовыми лучами Браша для третьего северного и второго северо-восточного уровней так до сих пор и не подобраны, пообещал себе заняться этим завтра же, после получения и прочтения утренних докладов, закрыл глаза и заснул.

Глава двенадцатая

В десятый раз прошептав заговор, который должен был сделать ее незаметной, Химей осторожно выглянула из-за угла. Сколопендровый демон шевелил лапками и усами и, кажется, что-то подозревал. Химей спряталась обратно и прижалась к стене. Какой же он огромный! Просто ужас. Она еще ни разу не сталкивалась с такими чудовищами. А все из-за этой Прей, которая расчистила один Сдвиг слишком тщательно и привлекла внимание демона из другого Сдвига, более глубокого. Теперь демон вылез на ближайший к замку уровень и шарился тут, ища проходы дальше. Если эта тварь выберется в мир людей — будет настоящая катастрофа! И главное, все будут винить ее, потому что Прей-то давно укатила обратно в замок Ханельта вместе со своим глупым бароном. Если демон вылезет к людям, набедокурит, а то и съест кого-нибудь, все будут презирать ее, начнут показывать пальцами и говорить: «фуууу, эта юми ничего не умеет! вместо того, чтобы вычистить Трещину, она только сделала ее шире и привлекла зло в дом, находящийся под ее защитой! фуууу, кто только пустил в наш замок эту неумеху?!» Воображение Химей рисовало ужасные картины, подпитанные воспоминаниями о рассказах наставницы, которыми та любила припугнуть маленьких юми, если те ленились и не хотели тренироваться. Нельзя было допустить, чтобы страшные истории, которыми ее пугали в детстве, стали правдой. Она вздохнула, закрыла глаза и прошептала заговор увеличения силы:

Сила тело наполняет,
Сила в лапки залезает,
Быстро мой кулак летит —
Злобный демон будет бит!

Когда она открыла глаза, то обомлела: демон стоял прямо перед ней. Шевелил жвалами, разглядывая маленькую юми. Со жвал на пол падала ядовитая желтая слюна и тут же начинала дымиться. Как он сумел так быстро и незаметно подобраться? А может быть, заговор отвода глаз все еще действует и демон разглядывает не ее, а стену? Химей сделала осторожный шагок в сторону... Демон зашипел и ударил головой так быстро, что она едва успела увернуться. Стало ясно, что все-то он прекрасно видит.

Завопив от ужаса, Химей побежала по грязным коридорам Сдвига, а

смертоносный кхаду устремился за ней. Две большие передние конечности то и дело выстреливали вперед, норовя уцепить юми за хвост, а множество ног двигались синхронно и четко.

Недалеко от выхода в мир людей Химей сумела взять себя в руки, развернулась и дала демону бой. Увы, все закончилось совершенно бесславно. Демон был быстр и легко отразил почти все ее атаки, а когда ей все-таки удалось его задеть, выяснилось, что особого вреда ему юми причинить не способна: хитиновый панцырь надежно защищал кхаду от любых повреждений. Атак демона Химей удавалось избежать, однако было очевидно, что единственная ее ошибка будет стоить ей жизни. Брызги его слюны, попав на Химей, проели дыру в одежде и немилосердно жгли кожу.

Улучив момент, Химей юркнула в дыру в завале из старых досок, отдвинула старые пыльные вещи... затем другие вещи, не столь пыльные... и вылезла из шкафа в мире людей. Она услышала, как демон ломится за ней, разбрасывая доски и срывая с вешалок платья и плащи, взвизнула, захлопнула дверцы шкафа, уперла один конец посоха в ручку на двери, а другой — в стык между каменными плитами на полу и навалилась на посох всем своим весом. Может быть, демон увидит, что тут заперто, и просто уйдет?

Мощный удар в дверь, едва не отправивший Химей в свободный полет по комнате, показал ей, что вряд ли демон куда-то теперь уйдет. Он явно понял, что это не тупик, а просто преграда, и теперь проверяет ее на прочность.

Он ткнулся в дверь еще пару раз — дверцы трещали, грозя в любую секунду уступить его напору — и завозился, расчищая для себя пространство и прощупывая стенки. Химей с ужасом ждала новой атаки. Она тихо заныла, взывая к Кубоду, ибо в такой отчаянной ситуации только божественная помощь и могла бы ее спасти.

Скрипнула дверь комнаты. Быстро оглянувшись, Химей увидела женщину со странной аурой — Химей уже знала, что эту женщину зовут Мальварин и что она является женой военного инструктора Айдефа.

— Это ты кричала? — Спросила женщина.

— Ааааа!.. Тут демон!.. Спасииитеее!..

— Где демон?

— В шкафу!

Мольвири с любопытством посмотрела на шкаф, потом выглянула в коридор и позвала:

— Эдрик! Иди сюда! Тут какой-то демон.

Продолжая налегать на посох, Химей с опаской поглядела на дверцы —

как там запертая тварь? Что подделывает? Кхаду, однако, притих — то ли прислушивался к голосам в комнате, то ли готовился к новой атаке.

— Что еще за демон? — Скептически поинтересовался Эдрик. Зайдя в комнату и увидев висящую на посохе Химей, пренебрежительно отмахнулся. — Да она выдумывает все... — И развернулся, чтобы уйти. Мольвири положила ладонь на его плечо, останавливая бессмертного.

— Ааааа!.. Я ничего не выдумываю!.. — Завопила Химей. — Там правда демон!.. Очень большой и страшный!

— Вот такой? — Издевательским тоном поинтересовался Эдрик, наклоняясь и ставя горизонтально ладонь над полом на расстоянии вдвое меньшем роста юми.

— Нет!!! Больше!!!

— Вот такой? — С издевательской улыбкой Эдрик поднял ладонь на дюйм выше.

— Нет!!! Ааааа!..

Она заорала, потому что дверцы шкафа содрогнулись от нового мощного удара. На этот раз доски не выдержали и переломились в двух местах, а посох выгнулся так, что чуть не сломался.

— Большой, значит? — Переспросил Эдрик уже своим обычным голосом, без ехидства. — Тогда убери свою палку и отойди.

Химей так и сделала, потому как было ясно, что новой атаки ей все равно не сдержать. Подхватила посох с колокольчиками и шмыгнула в противоположный конец комнаты, где спряталась за юбку Мольвири. Она была так напугана, что даже не стала обижаться на тупого инструктора, не желавшего верить ей на слово, да еще и назвавшего ее великолепный посох с колокольчиками «палкой»! Ничего, все счета можно будет предъявить позже. После того, как каким-нибудь чудесным образом рассосется проблема со сколопендоровым демоном, готовящимся вылезти в мир людей.

Новый удар клешнеобразных отростков вышиб дверцы наружу — одна из них отлетела и ударилась о подоконник, другая повисла на единственной петле, жалобно скрипя и раскачиваясь. Кхаду, длиной тела превосходивший человека в полтора, а то и в два раза, скользнул в комнату.

Все последующее произошло так быстро, что Химей едва успела понять, что случилось. Хамовитый инструктор шагнул вперед и схватил демона за один из усиков левой рукой, наклоняя его голову вниз, и действуя при этом с такой силой и скоростью, каких Химей никогда бы не ожидала от человека. Одновременно с этим его правая рука пошла вверх,

на замах. Фиксируя левой рукой положение головы кхаду, Эдрик ударил ребром правой ладони между сочленениями панциря. Раздался хруст. Эдрик опустил голову кхаду еще ниже, уперся сапогом в шею, взялся обеими руками за голову и рванул вверх. С противным чавканьем голова отделилась от туловища — истекая кровью и какими-то неприятными слизистыми жидкостями, совершенно отвратительными как по виду, так и по запаху. Тело дергалось и сучило лапками, но Эдрик удерживал его ногой до тех пор, пока агония кхаду не прекратилась. Болезненно скривившись, он отбросил голову демона в сторону и стал разглядывать собственные руки — в тех местах, куда попала кровь демона, кожа лопалась и разъедалась, словно руки Эдрика кто-то облил кислотой.

Мольвири подошла и взяла его руки в свои.

— Мой герой, — нежно сказала она. — Благородный спаситель маленьких пушистых существ.

Эдрик рассмеялся и поцеловал ее, и Химей увидела, что руки, которыми он обнимал жену, вновь каким-то образом стали здоровыми и неповрежденными.

— Я же говорила, что это большой демон! — Недовольно заявила она, выходя, прихрамывая, на середину комнаты и косясь на тело кхаду — почти затихшее, но все еще изредка вздрагивающее.

Эдрик с иронией посмотрел на нее, но промолчал. Химей насупилась.

— Знаешь, сколько времени я с ним дралась?! Я билась с ним в Сдвигах и в Нижних Мирах, в опасных темных коридорах, и комнатах, заполненных обглоданными костями! Если бы я его не измотала, тебе бы ни в жизнь его не одолеть!

— Да, ты молодец, — Мольвири присела на корточки рядом с юми и расправила ее помятую одежду. Там, где она проводила рукой, мятая ткань становилась ровной, а порезы и дырки исчезали. — Не каждый способен противостоять такому страшилищу. Прости, что мы тебе не верили.

Когда она прикоснулась к распухшему от яда бедру Химей, юми ощутила прохладу. Боль ушла, кожу перестало жечь.

— Спасибо. — Сказала Химей. Она посмотрела на женщину, надеясь, что та погладит ее по голове (Химей знала, что людям нравится это делать), но женщина просто встала и лишь один раз, легко и рассеняно провела рукой по волосам Химей — в большей мере, как показалось юми, откликаясь на желание самой Химей, чем по каким-либо иным причинам.

Теперь Химей окончательно убедилась в том, что эта женщина — не человек. Она хотела спросить у женщины, кто она такая, но тут в комнату ввалились рыцари и слуги, подняли шум, разглядывая мертвого демона,

стали расспрашивать Эдрика и его жену о том, что произошло — и случай был упущен.

Мангус Краснозуб и Хангер Секира пожадничали и не ушли вовремя из замка Фальне. Рыцари под предводительством Синвора эс-Цагара, которых направил герцог Гэйбар, блокировали замок и перебили часть банды, грабившей окрестные поселения. Началась осада — довольно вялая, поскольку укреплен Фальне был хорошо, а осажденные прекрасно понимали, что никакой пощады к ним проявлено не будет и стояли насмерть. После пары попыток взять замок штурмом, во время которых осаждающие понесли существенные потери, все затихло. Синвор решил не терять людей, а взять замок измором.

В Айдеф привезли убитых — троих рыцарей и четырех оруженосцев. Тела еще одного рыцаря и двоих солдат забрали родственники прежде, чем они попали в Айдеф, и еще около десятка умерших солдат схоронили недалеко от осажденной крепости. В Айдеф привезли только благородных.

Послали за жрецом в храм Солнца, расположенный в южной части острова, а поскольку прибытия жреца не ждали раньше, чем через три дня, то тела умерших положили в один из погребов, предварительно освободив его от лишних продуктов — там, в прохладе, тела должны были сохраниться в целости.

Гуляя по замку, Мольвири увидела пожилую женщину, горько плачущую на скамье в дальнем конце коридора; она присела рядом и спросила, что случилось. Оказалось, что это мать одного из умерших; у женщины было пятеро детей, но двое умерли еще во младенчестве, старший сын отправился в море и погиб во время бури; дочь вышла замуж и несколько лет тому назад умерла во время родов; теперь женщина оплакивала своего последнего ребенка. Мольвири почувствовала жалость и боль, ей захотелось сделать что-нибудь, чтобы утешить несчастную мать, но что она могла? Люди смертны и должны умирать, таков порядок вещей; и чем прекраснее и чище любовь, тем большее горе принесет потеря. Мольвири сидела как на иголках: чем больше говорила женщина, тем яснее Белая Богиня ощущала, что находится не на своем месте. Ум говорил ей, что порядок вещей должен сочетать в себе свет и тьму, прекрасное и отвратительное, манящее и ужасающее, но сердце твердило, что так быть не должно. Можно допускать необходимость зла и страдания до тех пор, пока не столкнешься с ними сам — но как только это происходит, чувство того, что так не должно быть, затопляет душу, вытесняя все доводы разума.

Она могла исцелить рану или сделать черный от копоти котел вновь сверкающим и блестящим, но знала, что если попытается повлиять своей силой на женщину, то сделает ей только хуже. Ее любовь — и горе — станут чище, избавившись от различных посторонних мелочей, эгоистичных мотивов и случайных мыслей, и осознание потери делается яснее. Она отодвинулась от несчастной матери подальше, а затем, улучив момент, встала и ушла, направившись в подпол, где лежали тела — для того, чтобы понять, может ли она что-нибудь сделать с умершими. Увы, ей удалось только избавить их от следов разложения, закрыть их раны и убрать с их одежды следы крови и грязи — но умершие так и не ожили. Их души находились в других мирах, может быть в Аду, а может быть на Небесах, но скорее всего — в стране мертвых, куда отправляется большинство людей для того, чтобы забыть свое прошлое и когда-нибудь родиться на земле заново. Она пыталась найти души умерших, но не смогла — ее теперешних сил для этого было недостаточно. Кроме того, она вновь ощутила, как тает и теряет себя, и на этот раз поняла, что является причиной ее состояния: ее культ имел собственную силу, которой не следовало пренебрегать, и если, находясь в заточении на вершине Мирового Столба, в точке абсолютного равновесия, она не могла ни влиять на культ, ни быть объектом его влияния, то теперь ситуация изменилась. Она располагала небольшим количеством сил, связанных с той индивидуальностью, которой принадлежали ее Холок, Шэ, Тэннак и Келат, но при попытке выйти из рамок индивидуального существования, при попытке перейти к божественной жизни, включавшей в себя множество персоналий, потоков сил и даже целых миров — она теряла себя, потому что ее божественная сущность включала в себя теперь бисурит ее культа, а образ Мольвири, формируемый культом, слишком отличался от нее самой. Она ощутила себя в положении королевы, чьи министры взбунтовались, заперли королеву в башне и стали править от ее имени: со временем они даже нашли похожую на нее женщину, усадили на трон и показывали народу и придворным так, как будто бы это была настоящая королева. Из башни королеве удалось бежать и скрыться в трущобах под видом нищенки, но стоит ей объявить о себе — как ее вновь схватят и на этот раз не запрут, а казнят, как самозванку.

Стоя в погребке, Мольвири поежилась, но не от холода, исходившего от расположенных за тонкими перегородками блоков льда, а от озноба, пробравшего ее изнутри. Понимали ли ее братья, что творят, когда запирали ее в недрах Слепой Горы? В это было невозможно поверить. И все же Гайгевайс сказал: «Придет время, и ты поймешь, что мы были

правы» — неужели он именно на это и рассчитывал? Но что насчет их собственных культов? Ведь прошло столько лет, и они уже могли понять, что такое количество слуг, министров и придворных делает королей и королев не только могущественными, но и абсолютно беспомощными в том случае, если вся эта масса людей вдруг перестанет им подчиняться. Или, быть может, они полагали, что с ними ничего подобного никогда не сможет произойти?

В безусловной власти бога над своими бисуритами (в естественных условиях, а не будучи насильственно изолированным от них) прежде не сомневалась и Мольвири, и это была одна из причин, побудивших ее отвергнуть идею собственного культа: она не желала безусловной власти над смертными. Но теперь она усомнилась. Если есть условия, при которых «духовное тело» бога может отказаться следовать воле своего божества, и даже противоречить этой воле, то власть ее братьев, Солнечных Князей, вовсе не была столь незыблемой, как казалось им самим. Напротив: в самой их силе заключался изъян.

Первым ее порывом было обратиться к кому-нибудь из братьев, рассказать то, что она поняла и предупредить их, но разум возобладал и она удержалась от этого шага. На ее предупреждение не обратят внимания также, как и прежде не обратили внимание на ее нежелание создавать собственный культ. Они полагают, что знают лучше нее, как нужно действовать, и, что хуже всего — Пресветлое Солнце, отец и господин богов Света, на их стороне, а не на ее.

Погруженная в свои мысли, она возвращалась назад и вздрогнула, услышав плач женщины, потерявшей последнего из своих детей. Женщина бессвязно молила всех богов, и среди прочих упоминала имя Белой Богини Мольвири. Но Мольвири не могла ей помочь. Она не могла помочь даже себе.

Глава тринадцатая

Наблюдательная башенка возвышалась над крепостью лишь самую малость; издалека же она была и вовсе незаметна, сливаясь с выступами и балконами в верхней части цитадели. Брашская крепость сама по себе была слишком огромной, чтобы имелась необходимость в наблюдательной башне, значительно превосходящей ее высотой — при желании, все необходимые наблюдения за морем и сушей можно было бы вести, оставаясь на верхних площадках Браша. Однако, в башенке находились большие подзорные трубы, а также приборы, способные улавливать колебания мирового эфира, и герцог Фарен счел это обстоятельство достаточной причиной для того, чтобы, пройдя более четверти мили по верхним площадкам замка, подняться по спиральной лестнице, примыкавшей к внутренней стороне стен наблюдательной башни, на самый ее верх. Неделю назад из Дангилаты пришло письмо, подтверждающее его право на наследство, а третьего дня состоялась церемония, во время которой Фарен и знатные люди, прежде служившие его отцу, обменялись клятвами верности. Все формальности соблюдены, он надел корону герцога, а Нурдэн, муж его племянницы Ализии, также претендовавший на титул хозяина Браша, оставшись в меньшинстве, уехал в свое поместье еще до начала церемонии. Локур, муж его второй племянницы, на коронации присутствовал и клятву верности принес.

Вместе с ним наверх поднялись двое из четырех сопровождавших его рыцарей, а также Халлен эс-Халг, барон Катеор и тот молодой посыльный, из-за сообщения которого Фарен вообще забрался так высоко. Завидев герцога, капитан дозорных рывкнул на своих подчиненных, заставляя их отвлекаться от подзорных труб и эфирных линз, вскочить и поклониться сюзерену.

— Возвращайтесь к работе, — отмахнулся Фарен. Вопросительно посмотрел на капитана. Капитан отогнал от самого большого телескопа одного из своих подручных, едва успевшего вернуться на привычное место и предложил герцогу взглянуть самому. Телескоп был обращен на северо-восток, Фарен знал, что ничего хорошего он там не увидит.

Море чернело от кораблей. Фарен осторожно повернул трубу, оценивая размеры флота. Корабли были и к западу от того места, которое он увидел изначально, и к востоку.

— Сколько их, вы еще не считали? — Спросил он у капитана.

— Уже насчитали более двух сотен, ваша светлость, — ответил тот. — Будет еще больше. Не все пока еще видны.

— Понятно. — Фарен поджал губы. Все было в точности так, как писали шпионы. Весь королевский флот, корабли кланов и западные пираты. Ну, и конечно же, боевые ладьи Пяти Орденов. А ведь это еще не все. На Эн-Тике осталась большая часть вражеской армии, дожидаясь, пока пустые корабли вернутся в Терано для второго рейса.

— А что с эфиром? — Спросил он, кивнув в сторону двоих звездочетов, колдовавших над эфирными линзами.

— Докладывайте! — Велел им капитан.

— Очень много чар, ваша светлость, — ответил пожилой звездочет. — Сложно разобрать. Гора и лилия, и образы зверей — это проявляется чаще всего. Но бывают, хотя и редко, также семиконечная звезда и три кинжала.

— А полумесяц? — Спросил Фарен. — Элгар должен быть там, это совершенно точно.

По понятным причинам бессмертный магистр Ордена Полумесяца беспокоил брашского герцога больше всего.

Звездочет пожал плечами.

— Полумесяца мы не видели, ваша светлость...

— Смотрите лучше. — Велел Фарен. Толку от этих наблюдателей — никакого. Все, что они ему сказали, он уже и так знал. — Это все?

Он уже поворачивался, будучи уверенным, что ничего нового не услышит, когда звездочет произнес:

— Нет. Есть еще кое-что странное, ваша светлость.

— Что же?

— Капли.

— Капли?

— Да, капли. — Звездочет показал на прибор, представлявшую собой нагретую сферу, внутри которой расплавленные куски воска принимали фантастические очертания. — Воск странно себя ведет. Он поднимается вверх, а затем льется вниз множеством капель. И от этих капель появляются дыры в том воске, что остается внизу.

Фарен несколько секунд размышлял.

— И что бы это значило? — Спросил он звездочета.

Тот вновь пожал плечами.

— Теряюсь в догадках, ваша светлость. Возможно ли, чтобы варвары готовились обрушить на нас падающие звезды? Другого объяснения у меня нет. Нужно сильное возмущение, чтобы эфир показал такую сложную

картину, да еще и несколько раз... а волшебство, позволяющее обрушивать звезды, очень сильное.

— Не может быть. — Сказал Фарен. — Это волшебство под запретом со времен Стханата. Боги поставили могучих стражей стеречь пятое небо, где расположены звезды, да и сами заклатья давно забыты...

Но внутренний голос шепнул ему, что лунный бессмертный мог найти способ обойти стражей также, как ранее эти способы находили Небесные Избранники, что он мог разыскать старые заклатья или разработать новые... конечно, далеко не каждый мог этими заклатьями воспользоваться, требовалось высокое мастерство и высокий уровень Дара, но ни в мастерстве, ни в магической силе бессмертного второго поколения Фарен не сомневался. Он процедил ругательство и поспешил вниз. Браш был превосходно защищен от всех видов атак, однако прямого попадания метеорита мог и не выдержать.

Герцог приказал Халлену следовать за ним, а Катеону — вывести своих людей из цитадели и расположить их в восточном бастионе. Это противоречило тактике, о которой они договаривались ранее, Катеон начал задавать вопросы; Фарен жестом руки отмел все слова и возражения и послал барона выполнять приказ. Он сам почти бегом пересек верхние площадки Браша и добрался до лестницы, ведущей во внутреннюю Башню Лучей — место, из центра которого осуществлялось управление всей крепостью. Если смотреть сверху, своими очертаниями Браш напоминал звезду с короткими лучами или колесо с изломанным ободом; в самом центре находилась внутренняя башня — невидимая со стороны, скрытая стенами, бывшими выше нее на четверть, и внешними башнями, бывшими выше в полтора раза. Внешние башни достигали в высоту тысячи футов, стены — шестисот; однако внешние башни, будучи далеко вынесенными вперед, опирались на более низкую поперность, чем стены и внутренняя Башня Лучей, стоявшая точно на вершине скалы, что стала основанием для крепости. И если сверху Браш напоминал колесо, то со стороны он казался исполинским пауком, усевшимся между двух высоких скал на третьей, уступавшей им в высоте, расположивший свои длинные передние ноги у прибрежных камней, вцепившийся другими ногами в свою скалу, раскинувшись бастионам по скалам справа и слева и протянув задние ноги к началу Иладейской равнины. Вдобавок ко всему, три верхних уровня крепости были подвижными: двадцать четыре чародея управляли тремя уровнями Лучей, расходящихся в восьми направлениях; а тот, кто находился во внутренней Башне, управлял всем.

Фарен отдал приказ о приведении крепости в боевую готовность еще

раньше, как только посыльный из дозорной башни передал ему сообщение о приближающемся флоте; однако, подчиненным ему чародеям требовалось время, чтобы занять свои позиции — сейчас же, он надеялся, на своих местах должны были оказаться уже все и ему не потребуется тратить время, посылая солдат разыскивать опаздывающих и тащить их в узловые комнаты силком. К сожалению, он не мог быть целиком уверен в их подготовке и дисциплине — половина чародеев заболела той же хворью, что поразила и его брата: некоторые из них были еще живы, но совершенно невменяемы, другие давно умерли, третьи, кажется, шли на поправку, но все равно не могли еще управлять Лучами. Выбывших пришлось заменять дублерами, но дублеров не хватило, и пришлось привлекать старших учеников. Халлен был учеником Морхана, старшего сына герцога, а сам Морхан — дублером отца. К счастью, управлению Лучами Браша традиционно обучали всех детей правящего герцога, независимо от их числа — это делалось на случай внезапных смертей, дабы магическая цитадель никогда не оставалась без хозяина. Теперь Халлен, второй сын графа Канэра эс-Халга, стал дублером молодого герцога; Фарен подумал, что если он переживет этот набег, непременно нужно будет завести себе ученика, а лучше двух.

Он вошел в Башню Лучей, центральная часть которой представляла собой исполинскую круглую залу с терявшимся где-то далеко вверху потолком. В центре залы находилось возвышение с каменным столом с вырезанными на нем рунами, в центре же стола, на две трети утопая в камне, покоилась светящаяся хрустальная сфера с перемещающимися внутри нее тенями и сияющими бликами. Фарен поднялся на возвышение и положил руки на сферу; Халлен молча занял место за его левым плечом — в его задачи входило оттащить герцога от сферы и самому занять его место в случае, если Фарен, переоценив свои силы, потеряет сознание и упадет на стол: если этого не сделать, центральный узел Башни Лучей просто убьет командующего, и довольно быстро.

Фарен почувствовал, как его Тэннак соединяется с Тэннаком Браша — этот процесс напоминал сразу и растворение плошки воды в полной почти до краев бочке, и всадника, оседлавшего норовистого жеребца. Крепость стала его телом, камни его мясом, проемы — артериями, пустые залы — легкими, башни — конечностям, а расходящимся от центра Лучам в человеческом теле не было соответствий. Вдали от себя, на второстепенных узлах Лучей Фарен ощутил присутствие двадцати четырех чародеев — все были на месте, напряженные, собранные и готовые к бою. Крепость, выстроенная по правилам дежъёна Камней и Проемов, собирала

их силы воедино и умножала их во сто крат; Фарену оставалось лишь надеяться, что этого хватит, чтобы одолеть бессмертного и лидеров других Орденов.

Он сотворил заклятье виденья, посылая импульсы по одним Лучам и не касаясь других, пользуясь Тэннаком Браша и своим собственным, воспринимая прочих чародеев сразу и в качестве членов своего огромного тела, и в качестве отдельных сознаний, способных как выполнить приказ, так и воспротивиться ему; кроме того, от их мастерства и пристрастий зависело то, как именно приказ будет выполнен. Когда-то, когда он только начинал учиться управлять крепостью и отец описал ему взаимоотношения между командующим и баннеретами Лучей, Фарен подумал, что схожие чувства, вероятно, испытывает каждое из Светил, чьи энергии-Князья, наделенные разумом и волей, могли как проявлять покорность, так и поднимать мятежи, и даже в том случае, если они следовали воле Светила, их поведение могло быть чрезвычайно своеобразным.

Вот и сейчас каждый из тех, кого задействовал Фарен в этом заклятье, выполнил свою часть работы по-своему — некоторые лучше, другие хуже, а некоторые добавили к заклятью такие свойства, которых Фарен в первоначальном варианте не предполагал. Его восприятие и восприятие его подчиненных увеличилось взрывообразно — теперь Браш остался где-то внизу, а Фарен видел перед собой море, смотря на него с разных ракурсов и сторон, часть его «глаз» даже погрузилась в воду и наблюдала за происходящим на глубине от десяти до пятидесяти футов. Он увидел и флот, хотя и смутно — часть кораблей, хорошо укрытая чарами, как бы ускользала от его взора. Но это было неважно — он знал, где приблизительно они находятся, и этого было достаточно.

«Возможно, они собираются сбить с неба звезду и обрушить ее на нас, — беззвучно сказал Фарен своим помощникам. — Поэтому прежде, чем атаковать, нам следует позаботиться о защите.»

Баннереты Лучей откликнулись на его команду и три верхних уровня Браша пришли в движение. Послышался лязг металла, грохот и гул. Часть нижних и средних Лучей поднялась вверх, некоторые верхние, наоборот, опустились. В качестве основных стихий для творимого заклятья Фарен выбрал Землю и Воздух, кто-то из его помощников добавил Огонь и Воду для того, чтобы усмирить пламя, которое принесет с собой звезда — в идеале, впрочем, огонь и не должен был достигнуть крепости: звезда врежется в магический щит, в котором соединялись свойства воздуха и земли, и пламя растечется по нему, а частицы звезды упадут по сторонам от крепости, но не на нее.

После того, как щит был закончен, Фарен вновь обратил внимание на вражеский флот — корабли еще немного приблизились и уже можно было не опасаться, что заклятье ослабнет из-за большого расстояния. Фарен отдал приказ, и части Браша вновь пришли в движение. Теперь нижние Лучи опустились, вернувшись на свои места; средний подвижный уровень, поворачиваясь влево, сместился на четверть оборота, часть его Лучей немного поднялась, другие опустились; Лучи верхнего уровня также изменили положение.

Подул северо-западный ветер, небо потемнело, сгустились тучи. На море началось волнение, возраставшее вместе с движением кистей рук Фарена, легко покачивавшихся у хрустальной сферы, то нажимая на нее, то чуть отстраняясь. Он собирался устроить адскую бурю — такую, чтобы пенные валы поднялись выше гор и погребли под собой вражеский флот; однако очень скоро он ощутил сопротивление. Чародеи Ордена Свинцовой Горы делали волны тяжелыми и непослушными, заставляя море успокоиться, чародеи Лилии пытались вмешаться в работу Фареновского заклятья. Фарен побеждал: равный по силе и мастерству любому из магистров, кроме бессмертного Элгара, он находился в несравненно более выгодном положении, а мощь, даваемая ему Брашем, была слишком огромна, чтобы ей мог противостоять даже магический Орден, собранный воедино.

Изначально он и не предполагал, что Ордена осмелятся идти прямо к Брашу: хотя ни разу еще крепость не использовалась на всю мощь, попытки взять ее случались и ранее, и ничем хорошим для атакующих они не заканчивались. Фарен думал, что Ордена решат высадиться восточнее, попытаются заблокировать крепость с суши, либо сразу двинутся вглубь страны, либо высадятся тайно и пришлют сюда отряд Крылатых Теней с тем, чтобы Тени незаметно проникли в крепость, перебили охрану и захватили внутреннюю башню — во всяком случае, он бы поступил именно так. Но Ордена решили атаковать в лоб, и теперь, сметая их жалкие потуги противостоять мощи колдовской цитадели, он поражался тому, насколько Ордена оказались уязвимы и насколько легко он может уничтожить сейчас сразу два Ордена — не говоря уже о сопровождавших их пиратах и воинов варварских кланов... он почти уверился в том, что все закончится легко и просто, когда что-то вдруг изменилось. В действие его магии вмешалась сила более высокого порядка — властно и всеобъемлюще она подчинила себе Воду и Воздух, и заклятье, созданное Фареном, потеряло всякое значение. Лучи Браша продолжали работать, энергия уходила в воду и в небеса, но заклятье больше не встречало отклика: волны

и ветер целиком покорился иной силе, гораздо более могущественной. Точное местоположение источника этой силы Фарен не мог определить, но не сомневался, что она пришла с того корабля, на котором плыл бессмертный. Удручало то, что не было даже борьбы, какого-либо противостояния: Элгар просто отнял у него власть над морской стихией, и Фарен, сколько не пытался, не мог вернуть себе хотя бы часть этой власти.

«Какую магию он использует?» — Подумал молодой герцог. — «Неужели ему известны Имена Воздуха и Воды?..»

Истинные Имена обладали наивысшей властью над явлениями, и одна из граней между людьми и бессмертными пролегла в том, что бессмертным доставало силы использовать Имена, а смертным — нет; но даже среди бессмертных второго и третьего поколения большинство знало лишь одно Имя, свое собственное, и лишь немногим были ведомы Имена отдельных явлений. Князья редко делились этой магией даже со своими приближенными, а сам процесс постижения Имени, как правило, был столь долог и сложен, что даже бессмертные предпочитали тратить время на изучение каких-либо иных систем Высшего Волшебства, более простых в освоении.

Фарен перестал вливать энергию в бесполезное заклятье и несколько секунд размышлял. Имен у Элгара не может быть слишком много. Значит, нужно попробовать иные стихии.

Он передал команду баннеретам Лучей, и начал творить новое заклятье, делая на этот раз упор на Огонь и Землю. Средняя подвижная секция опять повернулась, на этот раз в обратную сторону. Теперь работали все три уровня Лучей: нижний и средний создавали основу заклятья, а верхний — маскирующие чары, что должны были показать противнику, будто с Огнем обороняющиеся решили соединить Воздух, а не Землю. В воздухе перед внешними башнями возникли сгустки огня и устремились к кораблям, оставляя за собой дымный след. Фарену казалось, что он держит эти сгустки в собственных ладонях, направляя их движение; часть пути он пронес сгустки без каких-либо затруднений, но затем ноша стала тяжелеть. Он, бывший в этот момент единым целым с магической цитаделью, сопротивлялся как мог, но сила, которая ему противостояла, как и при первой атаке, не оставила ему ни единого шанса. Какое бы волшебство не использовал Элгар, на Землю он мог влиять на порядок лучше чем Фарен, и воздушные иллюзии его не обманули. Сгустки, которые должны были взорваться посреди вражеского флота и потопить по десятку кораблей каждый, коснулись воды, когда до первых кораблей оставалось еще не менее четверти мили; Огонь зашипел и погас; от Земли в это заклятье было

привлечено свойство тяжести — Фарен накопил его и сжал подобно пружине, и вот теперь это ядро распадалось — медленно и бессильно, а не взрывообразно, как планировал герцог. Совершенно утратив связь с заклятьем, он сжал кулаки и закрыл глаза. Все заготовленные планы летели коту под хвост. Настало время принятия непростых решений.

Открыв глаза, он взглянул на юношей, стоявших у подножья возвышения. Их было четверо — самых быстрых и смысленных пажей, задача которых состояла в доставке приказов герцога внутри Браша.

— Передайте всем, кроме тех, кто стоит на Лучах, — твердо произнес Фарен. — Пусть немедленно покинут замок. Пусть воспользуются подземным ходом или южными воротами — как им удобнее. Крепости нам не удержать, она падет еще до начала ночи. Баннереты Лучей и я останемся здесь — постараемся задержать продвижение врага и нанести ему максимальный урон. Выполняйте.

— Сир... — Враз осипшим голосом спросил Халлен. — Вы уверены?

— Ты что, ничего не видел? Элгар погасил наши атаки так, как будто отнял игрушку у ребенка. А ведь пока он только оборонялся. Что будет, когда он нанесет удар? Необходимо спасти людей. Я видел бессмертных в Университете и при дворе, но и представить себе не мог, что глава Полумесяца настолько силен. Уходи вместе с остальным.

— Я вас не брошу.

— Уходи! — Рявкнул Фарен. — Это приказ.

Повесив голову, дублер ушел вслед за растерянными гонцами, а Фарен вернулся к сфере. По магической связи он в двух словах описал ситуацию — понимая, что большинство баннеретов Лучей осознают ее не хуже него самого, но понимая также, что обязательно найдутся те, кому следует разжевать очевидное. Затем он изложил новую стратегию: Лучи больше не действуют согласовано. Им казалось, что их преимущество — мощь, но Элгар наглядно продемонстрировал, что это не так. Однако Элгар там один, и как бы он ни был хорош, он не сможет отбивать сразу все атаки, если те будут различаться по характеру и выбирать в качестве цели разные корабли энтикейского флота.

«Сир, — возразил кто-то. — Но ведь там еще Гора и Лилия. По отдельности им будет остановить нас намного легче.»

«Я знаю, — ответил Фарен. — Большую часть наших заклятий они остановят. Но не все. Приступайте. Я буду оказывать поддержку то одному, то другому из вас.»

Поначалу нерешительно, а затем все активнее и смелее баннереты Лучей стали создавать заклятья и направлять их на приближающиеся

корабли энтикейцев: огненные шары, бури, вихри, стальные клинки, падающие с неба, и ледяные клинки, вырастающие из воды, жгучие светящиеся сияния и темные проклятья; из морских недр являлись устрашающие чудовища, которые вцеплялись в борта и утаскивали в воду моряков; корабли увязали в ряске или проваливались в воду, вдруг сделавшуюся слишком легкой, воздушной, не способной выдержать вес судна. Мощь Браша, хотя уже и не единая, а разделенная на двадцать четыре различных направления, поддерживала их усилия. Элгар гасил наиболее успешные атаки, но он не мог успеть везде; Ордена нейтрализовывали большую часть оставшихся воздействий, но не все. Когда затонул первый пиратский корабль, занимавший крайнее левое положение относительно прочего флота, Фарен понял, что сделал правильный выбор. Многого они так не добьются, но измотают и ослабят врага, насколько это возможно. Сам герцог сосредоточился на Элгаре — он более не ставил себе задачу переиграть бессмертного, но делал все, чтобы максимально отвлечь его, не дать сконцентрироваться на более слабых атаках. Фарен усиливал то одни, то другие Лучи — и прекращал поддержку сразу же, как только замечал, что Элгар принимается за защиту данного направления, и начинал поддерживать иное: по сути, он напоминал сейчас назойливую муху, которая никак не дает сосредоточиться на основных задачах. Он так увлекся этим противостоянием, что не сразу заметил, как ситуация изменилось. Один из баннеретов Лучей обратил его внимание на тьму, разлившуюся в районе, где, предположительно, мог находиться флагманский корабль противника; затем что-то начало происходить вокруг Браша.

Когда Фарен перенастроил заклятье виденья так, чтобы созерцать не только море, но и небо — он увидел, как темные тучи стягиваются над Брашем в зловещий водоворот, в центре которого зияла дыра. Неба, однако, в этой дыре не было видно, все та же клубящаяся тьма.

«Как и предсказал эфир...» — Подумал Фарен. — «Элгар подготовил заклятье падающих звезд.»

Он усилил энергетический купол над Брашем, гадая, сумеет ли тот выдержать падение сбитой с неба звезды. Но звезда на крепость так и не упала. Вместо нее клубящаяся набухшая тьма пролилась дождем.

Энергетический купол, созданный Фареном, оптимально подходил для задержки крупного, тяжелого, раскаленного тела — влага же, пусть часть ее и была задержана куполом, и стекла вне пределов крепости, частично все же просочилась через щит Фарена, а затем он понял, что что-то неправильное происходит с самим защитным заклятьем. То, что лилось с

небес, водой не было: более легкое чем вода, нечто среднее между темной влагой и черным дымом, оно разъело защитное заклятье за несколько секунд. Затем струи этой жидкости стали падать на Браш, и Фарен услышал истошные крики людей наверху и во дворе — не все еще успели покинуть замок. Заклятье виденья также оказалось повреждено; он чувствовал как стремительно выходят из строя верхние Лучи, а контролировавшие их чародеи — гибнут. Браш умирал. Судорожная попытка герцога отвести эту проклятую жидкость куда-нибудь в сторону успеха не принесла: эта отравка разъедала любые заклятья. И не только заклятья. Он потерял контакт со средним подвижным уровнем, потом начали гибнуть маги на нижнем. Часть из них все еще была жива, когда с потолка в большую залу, где находился Фарен, упали первые капли. Когда они коснулись лестницы, из ступеней повалил дым, а в самих каменных плитах появились разрастающиеся углубления.

Это был дождь из кислоты — поразительно сильной и универсальной, разъедающей как материю так и тонкие структуры с необыкновенной легкостью. Фарен не мог припомнить Высшего Волшебства, способного производить подобные эффекты; однако, он вспомнил все донесения о темных силах, с которыми заключил сделку король Энклед, и понял, что если не сама воскресшая Владычица Ядов помогала энтикейцам, то, несомненно, это был кто-то из самых ближайших ее фаворитов. В любом случае, северяне связались с силами, заключать с которыми сделки не следовало ни при каких обстоятельствах, ибо Последовавшие, в отличии от Князей Дна, отвергали союз с Солнцем и желали разрушить всю Сальбраву, не имея возможности обустроить ее так, как бы им хотелось. Королю Теланару следовало узнать обо всем этом: еретические учения, которыми он так увлекался, можно было и отложить в сторону на некоторое время, и умолить жрецов Света воззвать к своим покровителям: потом, когда зараза будет счищена с лица земли, а боги уйдут в небесные чертоги, можно будет вернуться к еретическим учениям и богохульству...

Эти мысли судорожно металась у него в голове, пока он бежал к выходу из зала. Потолок рухнул вниз, Фарена обдало обломками, пылью... и дымчатым ядом.

Ему показалось, будто его облили раскаленным железом, и это железо не остывало — напротив, соприкасаясь с плотью, оно разогревалось еще сильнее, разрасталось и стремительно расплзлось по всему телу. Крик герцога был коротким, срывающимся на визг. Затем он упал, но умер еще прежде, чем голова его коснулась пола. Вокруг падали камни и проливались струи черного дождя: магическая цитателъ была уже мертва

— также, как и последний командовавший ею герцог.

Глава четырнадцатая

Приглушив силу и сжавшись до человека, я стоял на палубе «Серебристого серпа» — одного из самых больших кораблей нашего флота, перевозившего через пролив особу Магистра Полумесяца, кардинала Гелана и двух командоров с подчиненными им людьми. «Серп» был перегружен и шел медленно; схожим образом дела обстояли и на других судах. Любая буря — и мы потеряем половину флота. Но бури, конечно же, не будет. Ни сейчас, ни тогда, когда подойдем к Брашу.

Мой брат, в облике лунного бессмертного, стоял на носу корабля, вглядываясь в горизонт, иногда он поворачивался и что-то говорил молодому, хорошо физически развитому человеку с красивым злым лицом и взглядом мучителя. Иные люди к этому двоим старались не приближаться. Юноша, еще плохо контролировавший свою силу, сегодня убил двух человек — они беззвучно орали от боли, корчась на палубе, пока не скончались. Беззвучно — потому что я парализовал их рты и языки одним из своих ядов, не желая, чтобы их крики напугали команду или вызвали ненужные вопросы у рыцарей Горы и Лилии, плывущих на других кораблях. Юношу, который говорит с Лицемером так, будто тот — его наставник, зовут Заль-Ваар, что в переводе с мидлейского означает Собиратель Мучений, но его положение ученика — лишь временное, вызванное необходимостью: на самом же деле он — наш брат, и сила его не уступает нашей; и даже более того — в прежние времена, будучи первым Князем, рожденным Темным Светилом, он сам учил нас, а после низвержения Горгелойга небезуспешно претендовал на лидерство среди Последовавших.

Потерпев поражение и будучи захвачен Князьми Света, Истязатель был принужден питать своей силой Ульвара, Бога Гнева. Действуя втроем — я, Лицемер и Кукловод — мы могли бы попытаться выдернуть Истязателя из той незримой тюрьмы, в которой он оказался заточен, повернуть вспять ток его силы, но также было очевидно, что наши действия не останутся незамеченными для Солнечных. При этом и мы, и Князь Света временно желали избежать открытой конфронтации: мы — потому что еще не были готовы к войне, наши противники — потому, что желали, чтобы мы выполнили за них ту работу, которую они не осмеливались сделать сами. Но если мы открыто бросим им вызов — а освобождение Истязателя, без

сомнения, могло стать таким вызовом — они будут вынуждены ответить. Поэтому мы поступили иначе. Дух Истязателя был соединен с серым ветром — я наполнил ядом один поток, который его составлял, побуждая этот поток вести себя иначе; Кукловод дал нам одну из своих кукол, предназначив ее стать аватарой Князя Боли; Лицемер, захватив поток с измененными свойствами, слился с ним и соединил его с куклой, как бы введя нашего брата в его новое воплощение. Это воплощение должно было стать человеком, но необычным: к нему капля за каплей будет перетекать сила от серого ветра. Прежняя личность Истязателя окажется стерта, но его сила, с нашей помощью, воплотится теперь в новой форме. Вместо разрушения темницы мы тайно выведем нашего брата через потайной ход, и есть надежда, что Солнечные Боги, его тюремщики, не скоро заметят неладное. Ульвар будет слабеть, а Истязатель — становится сильнее; к тому моменту, когда правду уже невозможно будет скрывать, мы должны отыскать способ освободить Убивающего — и тогда все преимущества Солнечных, вся мощь, накопленная ими за истекшие тысячелетия, потеряет значение. Либо они переиграют нас и вновь уничтожат — тогда и так, как им будет выгодно, и еще больше укрепят свою власть на земле.

Состоит ли Кукловод в сговоре с Солнечными? Ни я, ни Лицемер почти не сомневались в том, что некогда между ними была заключена сделка, но каков ее характер и в какой мере Кукловод станет соблюдать условия договора — мы не знали. Мы бы не стали доверять ему вовсе, если бы он не сказал, что знает о том, что мне был передан Живой Алмаз Палача. Это означало, что ему известно имя мятежного бога, Кукловод осведомлен о его действиях и до сих пор не предал его доверия. Это меняло картину. Кукловод разыгрывал собственную партию, и опасался, что мы испортим ему игру, однако и лояльность Золотому Светилу и его детям он выказывал лишь в той мере, в какой это соответствовало его планам. Быть может, он с нами лишь потому, что желает узнать, удалось ли нам найти какой-нибудь способ освободить Убивающего; если таковой способ обнаружится, он немедленно сообщит о нем Солнечным Князьям, но пока этого не произошло, они, возможно, тешатся мыслью о том, что в нашей среде завелся изменник, что Кукловод станет их глазами и ушами и что таким образом они целиком контролируют ситуацию и точно знают ту меру опасности, которую мы на данный момент представляем. Если эта версия верна, нам следовало не отталкивать Кукловода, а пользоваться его услугами и выказывать доверие — пусть Солнечные пребывают в безмятежных иллюзиях до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Школа Железного Листа падет, но ее гибель не будет быстрой. Может

быть даже, мы позволим возгордившимся людям убить нас, уничтожить Пять Орденов и войска Эн-Тике — чем больше разрушений и смертей, страданий и предательств, тем лучше. Гибель Ильсильвара насытит нас, но и собственную армию мы не будем особенно беречь — в текущем виде Ордена и кланы слишком ненадежны. Многим из них лучше умереть, оставшимся придется измениться. Вместо Пяти Орденов мы создадим один, и ни благородства, ни чести, ни чего-либо подобного там не будет и в помине. Адепты нового Ордена будут осознано служить тьме, и мне больше не придется беспокоиться о том, что они сделают с моими змеенышами, которых я поместил в их тела и души — будет установлен прочный симбиоз, основанный на доверии и взаимопомощи. Но вся эта шелуха, все эти светлые рыцари Лилии с благородными идеалами, все эти чародеи Семирамиды и Полумесяца, балансирующие между злом и добром, все эти необузданные воители Свинцовой Горы, слишком тесно связанные с природными, естественными стихиями — все это должно уйти, ослабнуть и исчезнуть, сгнить заживо, предать само себя — для того, чтобы затем возродиться в совершенно новом качестве. Некоторые, к сожалению, себя так и не предадут. Тидольф Ал-Келтур, Магистр Лилии, начал понимать, что происходит, слишком рано — особенно его встревожили послания, пришедшие от кардинала Рекана, отправленного на восток, в Маук. Тидольф мог натворить немало бед — если бы мои маленькие тени и демонята, приставленные следить за всеми мало-мальски значимыми персонами Орденов, кланов, а также за командующими регулярной энтикейской армией и капитанами пиратов, не сообщили мне о том, что Тидольф мутит воду. Тогда я посетил его, выбрав момент, когда он был один и поместил в его сердце гуханкло, Червя Раба; сопротивление Тидольфа было отчаянным, но коротким. Мои маленькие змейки, иллефна-цате, Таящиеся Яды, жили в людях, маскируясь под татуировки на их телах, они влияли на своих носителей, но слабо, и не принимали за них решений; гуханкло же не был предназначен ни для обучения, ни для убийства Безликих — его единственная задача состояла в том, чтобы парализовать волю носителя, запустить свои отростки в Тэннак и Келат и полностью перехватить контроль. К сожалению, поведение порабощенных слегка менялось, они переставали учитывать нюансы, действовали прямолинейно и зачастую глупо — что неудивительно, если вместо человека решения принимает сидящий в нем червь! Со временем безумие нарастало, ибо гуханкло отравлял своими выделениями духовные тела носителя: если змеенышей я создавал из смеси крови и слюны, то гуханкло рождалось из смеси слюны и испражнений. Однако, на короткой

дистанции Черви Рабов подчас были незаменимы. Я посетил Браш и поместил трех червей в сердца герцога и его сыновей, заставив их предпринять атаку на Терано — атаку, после которой северное герцогство Ильсильвара осталось без флота, а король Эн-Тике получил великолепный повод объявить Ильсильвару войну. Сейчас гуханкло находился в сердце Тидольфа и выедал изнутри его душу, а Тидольф делал то, что нужно было мне и ждал своей участи. Его нужно будет убить прежде, чем изменения станут заметны окружающим — я собирался покончить с ним во время одного из первых боев, обставив дело так, как если бы удар нанесли ильсы, или, возможно, Безликие. Гибель Магистра вызовет в сердцах его рыцарей скорбь и жажду мести — эти чувства, безусловно, облегчат мне процесс их совращения. А пока Тидольф послушно одобрял инициацию, в ходе которой я помещал иллефов на руки его кардиналов и командоров; у многих возникали сомнения в том, правильным ли путем их побуждают идти, нарастал ропот, но я надеялся, что война все быстро расставит по своим местам и мне не придется влагать гуханкло во всех высокопоставленных адептов Ордена Лилии.

Мы еще не видели берега, когда оборона Браша начала действовать. Нас попытались потопить — Лицемер пресек это, используя Имена Воздуха и Воды, затем отправил на дно снаряды, состоящие из Земли и Огня. Чародеи Браша, однако, преподнесли нам сюрприз, оставив попытки победить грубой силой и разделив основной магический поток на множество направлений. Лицемер не успевал перехватывать все атаки, и несколько кораблей мы потеряли. Наблюдая за боем и действиями брата, я подошел ближе к носу корабля. Заль-Ваар скалился и нетерпеливо сжимал кулаки — он хотел принять участие в сражении, но не было врага, одни заклинания.

— Почему только Имена? — Спросил я Лицемера. — У Элгара ведь была и другая магия.

— Ключ Полумесяца тут мало поможет, — откликнулся Лицемер. — А к Лабиринту Безысходности я обращаться не хочу. Те, кто видел, как Элгар пользуется им прежде, сразу почувствуют разницу. Если же сдерживать силу, эффект от Лабиринта будет меньший, чем от Имен.

— Имена вызовут не меньше вопросов, когда окажется, что у тебя их слишком много для обыкновенного бессмертного. Я предполагал, что Браш может стать крепким орешком и заранее кое-что приготовил. Призови меня.

Я назад отступил и растворился в тенях, а Элгар Атфитрит, воздев руку с краслетом в виде змеи, стал выкликать слова призыва. Это представление

привлекло внимание матросов, рыцарей и высокопоставленных шишек Ордена — они поняли, что их глава решил пустить в ход нечто более серьезное, чем то, что он использовал прежде. И когда между кораблями разлилась тьма и я возник там, паря над водой в форме теневого демона тридцати футов ростом, они уже были морально готовы и, по крайней мере, не стали с перепугу бросаться в меня боевыми заклятьями.

Подчиненную мне Сферу Жгучих Дождей я приблизил к миру людей еще раньше, когда мы только покинули Тerano: вся эта масса окружающей корабли воды вызывала во мне недоверие. Донаэн, бог океана, был Лунным Князем, но после того, как Лунных заперли на Луне, наши Солнечные красавцы прибрали к рукам немалую часть их силы. Салург, бог дождя, возвысился, и приобрел власть над всеми видами воды. Я всегда ненавидел его, и эти чувства были взаимными: вода смывала мой яд, но и моя сила отравляла его воду. Сферу Жгучих Дождей я сконструировал давным-давно, еще до начала войны Остывших Светил, и несколько раз успешно применял ее против Князей Света, заставляя их оступать от Шейдобха. Салург каждый раз пытался перехватить у меня над ней контроль, но безуспешно, ибо Сферу эту я делал в первую очередь как оружие против него самого, используя найденные (а затем — извращенные) частицы силы бога дождей для того, чтобы противостоять его магии. Теперь я вновь использовал Сферу — правда, по неизмеримо менее значимому поводу, чем прежде, но, по крайней мере, сейчас она была под рукой, и мне хотелось испытывать, как она будет работать после стольких лет — ведь нельзя было исключать и того, что какие-нибудь боги или бессмертные за прошедшие тысячелетия могли ее повредить. Но Сфера сработала как часы, вниз пролилось ровно столько эфирной кислоты, сколько было нужно, чтобы разрушить крепость.

Элгар повелительным тоном приказал мне убираться, что я и сделал — по крайней мере, с точки зрения наблюдавших за представлением людей. Однако, ушел я недалеко — лишь отступил от мира людей на один шаг, и вновь вернулся, возникнув среди руин Браша в виде неотчетливой тени. Все было скрыто испарениями от проедающей камень и дерево черной влаги. Если оставить все как есть, флот не сможет подойти к Брашу, люди будут умирать, едва вдохнув эти пары. Поэтому, хотя уменьшать присутствие своей силы мне и не было приятно, я заставил отраву, выплеснувшуюся из Сферы, изменить свои свойства так, чтобы сделаться менее опасной — по крайней мере, не разъедать больше камни и не отравлять воздух.

Я ощутил движение... внимание... присутствие. В мирах, невидимых

глазу людей, ко мне приближались духи этих мест. Вероятно, совмещение Сфер всерьез их обеспокоило, раз они явились сюда гурьбой. Я с интересом ожидал, что они предпримут, разглядывая каждого из них по очереди.

Хеллигион, Всадник Севера, спустился с третьего неба, на котором расположены хрустальные горы, отражающиеся в алмазных небесах — в тех Сферах обитают короли стихий и боги островов, морей и долин. Его борода казалась корнями тысячелетних деревьев, корона — ледяными вершинами Алгафаридских гор, глаза — горными озерами, тело его было необъятным, как весь Ильсильварский север, а лошадью ему служил холодный северо-западный ветер. В правой руке он сжимал топор на длинной рукояти, а в левой — круглый щит с полуистершимся изображением дракона.

Пантера и леопард, танцевавшие в круге, спустились вниз и спрыгнули на камни у мертвых бастионов справа и слева от разрушенного Браша. Их рык сотряс горы, а ярость проистекала от того, что те, кого они обязаны были защищать, оказались отравлены моей магией и бесславно погибли: в центральной крепости — от пролившегося с небес яда, в соседствующих с ней бастионах — от ядовитых паров. Пантера и леопард на знамени Ильсильвара символизировали темное и светлое, женское и мужское начала, а круг мог служить символом любого из трех Светил, в зависимости от того, кто и с какой целью трактовал значение ильсильварского знамени. Хранители государства ильсов усмотрели вызов в том, что демон разрушает колдовские бастионы оберегаемых ими людей и пришли восстановить порядок на своей территории.

Со второго неба сошел король Вебларед, родоначальник династии, долгое время владевшей севером Ильсильвара. Короля сопровождало множество героев и властителей, произошедших от его семени, а после смерти — взятых на небо, в родовой замок, представлявший собой более совершенную и воздушную копию их первого замка в мире людей, расположенного у восточной границы Иладейской равнины.

С пятого неба сошел Иунемэй, воинственный дух южной звезды, истребляющей демонов — бессмертный, поставленный богами наблюдать за миром людей и первыми тремя небесами, не допуская проникновения в них обитателей Нижних Миров. Его доспехи сияли, а длинное копье, похожее на пойманную молнию, дрожало и изгибалось в правой руке. Иунемэй, как правило, не обращал внимания на различную мелочь, призываемую людскими чародеями, но именно к нему обращались они тогда, когда призванный демон отказывался подчиниться или выходил из-

под контроля.

— Убирайся прочь с этой земли, Горгелойгово отродье! — Проревел Хеллигион и затрубил в рог, побуждая духов камней и ветров обрести форму и стать его армией.

— Здесь тебе места нет. — Вторил ему Иунемэй. Духи, оберегающие ильсильварское государство, вновь зарычали, а Вебларед поклялся расцечь мою душу на десять частей и разбросать по Нижним Мирам в отместку за то, что я сделал с герцогом Халдором и его сыновьями.

Ни один из них не понимал, кому бросает вызов — они видели перед собой лишь темного бессмертного, пусть и наделенного немалой силой.

Я поднял руку и призвал четырех хуриджаров — Аг-Доэна, Шулоу, Аг-Нава и Фoa-на-Куто — по одному на каждого из явившихся сюда, если считать зверей со знамени Ильсильвара за одно существо.

— Убейте их всех, — приказал я своим сыновьям. — Убейте их воинов, слуг и родичей, разрушьте их обиталища и напейтесь крови тех, кто им дорог в отместку за непочтительность, проявленную ими к вашему отцу.

Глава пятнадцатая

Гэйбар эс-Таннорт, герцог островов Хадой, Лаку, Рамин и Ёф, сжал губы и хмуро посмотрел на посетителя. Старик склонился в поклоне, его взгляд выражал отчаянье и мольбу. Некоторые из рыцарей, охранявших герцога, вероятно, сочувствовали посетителю, но еще более ясно Гэйбар ощущал их гнев.

Старика звали Рикан Немайн, и он был одним из придворных барона Фальне. Его сын погиб, когда головорезы Мангуса и Хангера заняли замок, и, вероятно, ему еще повезло — в отличие от его собственных детей, внуков Рикана, Дейры и Зейгара, взятых в плен вместе с Риканом. Старика бросили в яму вместе с другими не слишком богатыми придворными и слугами — там не было крыши, и когда шел дождь, вода лилась прямо на головы пленников; грязи там было выше щиколотки, а вонь от их собственных испражнений стояла невыносимая, ибо, конечно же, пиратов мало волновали условия, в которых были вынуждены существовать те пленники, что были отбракованы их капитанами и не должны были быть забраны в рабство. Зейгара посадили не в яму, а в башню, и это значило, что красивый четырнадцатилетний паренек вскоре окажется в трюме пиратского корабля, а затем будет продан в рабство на острове Энгеу или на каком-нибудь другом. Но хуже всего обошлись с Дейрой — малышкой Дейрой, которую Рикан когда-то качал на руках, напевая ей колыбельные песни; красавицей Дейрой, обрученной с одним из двоюродных племянников Фальне — ее утащили куда-то наверх и все две недели, что Рикан провел в яме, он слышал ее крики из верхней части донжона. Сторожа, охранявшие яму, развлекались тем, что мочились на головы людей, находившихся внизу; один из них в ответ на отчаянный вопль Рикана «Что вы творите с моей внучкой?! Есть ли у вас сердце?!» засмеялся и сказал, что Дейру и еще одну молодую девку, из служанок, привязали к кроватям: этих двух Мангус и Хангер отдали на потеху своим командам, прочих же молодых и смазливых девок запретили трогать, поскольку они предназначались для продажи. Рикан кричал, умолял, проклинал — над ним либо смеялись, либо не обращали внимания.

Когда замок осадили, ничего не изменилось. Крики Дейры становились все глуше, лишь изредка взрываясь истошным воплем: ступни ее ног жгли раскаленным железом, если она вдруг проявляла строптивость,

отказывалась делать те отвратительные вещи, к которым ее принуждали пираты. Затем, в какой-то день, старика вдруг вытащили из ямы и приволокли в донжон, где бросили на колени перед Краснозубом — Хангер, раненый при последнем штурме, отлеживался в это время в другой части Фальне. Мангус сказал, что Рикан еще может спасти своих внуков — как и всех прочих людей, взятых в плен в этом замке. Для этого Рикан должен отправиться в лагерь Синвора эс-Цагара и сообщить о том, что Мангус и Хангер готовы отпустить пленников, если Синвор отведет войска. Замок Фальне стоял на побережье, и бухта была хорошо видна из его окон, и корабли пиратов, пусть и захваченные островитянами, по-прежнему, стояли у причала. Чтобы не было подвоха, первой из замка выйдет небольшая группа морских разбойников — они проверят корабли и подготовят их к отплытию, после чего дадут сигнал остальным. Тогда отряды Мангуса и Хангера покинут Фальне, оставив тут и пленников, и большую часть добычи — в противном же случае Мангус обещал перебить всех. Чтобы мотивировать Рикана, он показал ему внуков: Зейгар исхудал, но выглядел лучше, чем опасался Рикан, но вид Дейры поверг его в ужас. Ее обожженные ступни были покрыты волдырями, груди и живот — в синяках и мелких порезах, один из сосков откушен, губы разбиты, а изо рта воняло мочой. Грязные простыни были в пятнах крови, также следы семени и крови были на бедрах и половых органах Дейры. Ее взгляд — бессмысленный, остановившийся, взгляд отчаявшегося животного был так не похож на веселый и внимательный взгляд Дейры, которую помнил старик. Она уже ни на что не надеялась и просто ждала смерти. Однако, она была еще жива — в отличии от другой девушки, умершей от издевательств два дня назад. Он протянул руку, хотел коснуться ее, пообещать, что вытащит ее отсюда, но его схватили, выбросили за ворота и вновь поспешно закрыли их, не желая давать отрядам Синвора ни шанса. Прихрамывая, старик побрел к лагерю, его остановили, он сообщил о своей миссии, его доставили к предводителю и Рикан повторил свой рассказ. Синвор задумался. Он не хотел ошибиться, да и мольбы старика тронули его сердце. Он продолжил осаду, но дал Рикану коня и отправил вместе с ним своего кузена, велел тому узнать решение герцога и сообщить о нем в лагерь.

И теперь Гэйбар, разглядывая больного седого старика, должен был принять решение, которое окончательно сломит его.

— Никаких сделок, — проговорил он. — Уступить один раз в подобном деле — значит дать понять этим и подобным им негодьям, что нами можно управлять, захватывая заложников. Пойдя сейчас на сделку ради спасения

обитателей замка Фальне, мы поставим под угрозу множество других жизней в будущем: у нас на Ханое слишком много прибрежных поселений — рыбацких и торговых деревушек — которые легко захватить...

— Нееееет!!!! Молю вас!!!! — Закричал старик. — Заклинаю всеми богами!..

Гэйбару стало жаль старика, но менять решение он не собирался.

— Как ты думаешь, чем займутся Секира и Краснозуб дальше, если мы их сейчас отпустим, и сколько еще жизней ими будет отнято, прежде чем кому-то представится случай покончить с ними?

Старик, однако, не слышал вопроса: он кричал, умоляя герцога спасти его внуков. Он пополз на коленях к трону, и тогда Гэйбар, поймав взгляд одного из охранников, показал глазами на старика. Солдат поднял Рикана за плечо и ударил по лицу, отстраняя от герцога и заставляя замолчать.

— Ваша светлость, — подал голос Милнир эс-Цагар. — Позвольте сказать.

Герцог перевел на него взгляд.

— Слушаю, — тон его голоса был холоден и как будто предупреждал: не смей присоединяться к просьбе старого министра.

— Почему бы не пойти на хитрость? — Сказал Милнир. — Сделаем вид, будто мы приняли их условия. Пусть выйдут из замка и побегут к своим кораблям. Мы перекроем выход из бухты и перебьем их.

— Ты предлагаешь мне дать слово, а затем нарушить его? — Гэйбар прищурился.

— Простите, ваша светлость, — рыцарь склонился в поклоне. — Ничего подобного я не осмелился бы вам предложить. Посланника пираты отправляли в наш лагерь и им совсем необязательно знать, что мы отвезли его в Айдеф для того, чтобы вы приняли решение. Мы сделаем вид, будто говорим сами за себя; и я спокойно солгу в лицо этим негодьям, потому что они бесчестные люди, и я не вижу бесчестия в том, чтобы солгать тому, кто сам не имеет чести. Позвольте нам сделать это, ваша светлость.

Герцог некоторое время разглядывал рыцаря, размышляя о том, стоит ли после этой войны приблизить его к себе за ум и умение обходить моральные запреты, или же стоит держать его на расстоянии — по той же самой причине.

— Я хорошо помню замок Фальне, — сказал он наконец. — Я был там несколько раз. Из башен прекрасно просматриваются и бухта, и море. Если корабли, которыми вы решите заблокировать бухту, будут близко, пираты заметят их, поймут, что мы задумали и не выйдут. Если же корабли будут далеко — у Краснозуба и Секиры появится шанс уйти, а я не хочу давать

им этого шанса. Поэтому вы согласитесь на сделку, но не подпустите людей, которых они вышлют, к кораблям. Захватите их, но не убивайте. Сообщите тем, кто останется в замке, что к сдавшимся мы проявим милосердие, а те, кто станет сопротивляться — будут умирать мучительно и долго. У них и так мало людей, и лишившись еще одной группы, они вряд ли сумеют отразить новый штурм. Если они согласятся и сдадутся, убейте всех быстро, если откажутся и продолжают упорствовать — отдайте заплечным мастерам тех, кого удастся взять живьем после штурма. Но не медлите со штурмом: я хочу, чтобы этот гнойник был выжжен как можно скорее.

Милнир молча поклонился. Он держался иного мнения относительно того, что следует делать, но был слишком умен, чтобы спорить с герцогом тогда, когда тот явно желал настоять на своем решении. Старик огласил зал новым воплем, в котором мешались мольбы, рыдания и проклятья.

— Заприте его где-нибудь, пока не успокоится, — поморщился герцог. — Или, лучше, пока все не уляжется.

Стража уволокла Рикана. Пока его тащили вниз, он оглашал коридоры замка криками, и придворные выходили из своих покоев или посылали слуг узнать, что происходит. Мольвири отправила служанку, заплетавшую ей волосы; вернувшись, Рейма поведала ей печальную историю старика. Мольвири попросила Рейму уйти; она в беспокойстве ходила по комнате, думая о том, чем может помочь. Когда пришел Эдрик, она рассказала ему все, но он только пожал плечами.

— Наш молодой герцог пытается изображать из себя жесткого и бескомпромиссного правителя, — сказал бессмертный. — Но что-то я сомневаюсь, что он будет успешен в этом амплуа. Для такой роли маловато у него жизненного опыта. И ума. Хотя как знать. Со временем опыт у него появится, да и ума, может быть, наберется.

— Меня беспокоит не герцог, — сказала Мольвири. — А люди в Фальне, подвергающиеся невыносимым пыткам и унижениям и почти наверняка обреченные на смерть — если только вдруг пираты не поверят Синвору и не сдадутся, после того, как их товарищей схватят. Но я не верю, что они сдадутся. Не после того, как Синвор схватит их товарищей, показав тем самым, что не считает себя обязанным держать данное им слово.

— Скорее всего, ты права. «Скорее всего» — потому что люди иногда совершают поразительные глупости, слепо следуя за своей верой, и если вдруг пираты поверят, что их помилуют, то могут и не сложить два и два. Люди легко обманываются и склонны видеть лишь то, что хотят увидеть.

— Но ведь ты не думаешь, что они обманутся на этот раз?

— Не думаю.

— Значит, пленники замка Фальне обречены?

Эдрик пожал плечами.

— Похоже, что так.

Мольвири поймала его взгляд.

— И это говоришь ты? Бессмертный воитель, который освободил меня?

Меч, сразивший одного из Адских Князей?

Эдрик закатил глаза.

— Я не вижу разницы, умрут они сегодня или завтра, — сказал он.

— Мне их жалко.

— А мне нет. Я тел-ан-алатрит. Я рассказывал тебе, что это значит.

Мольвири положила руку ему на грудь.

— А еще ты сказал, что может быть, ваша Школа неправа. Преклони-ка колено.

— Зачем?

Мольвири с упреком на него посмотрела.

— Разве ты признавался мне в любви? Дарил цветы? Пел романтические песни под окном? Мы живем здесь как люди, но ты ничего этого не сделал. Ты просто совратил меня, воспользовавшись моей неопытностью и незнанием тонкостей человеческих отношений. Вставай на колено. Будем добирать то, что пропустили.

Вздохнув, Эдрик преклонил колено. Ситуация забавляла, но он запретил себе смеяться и даже улыбался не так широко как хотелось бы. Она что-то задумала. Ему было любопытно посмотреть — что, и ради этого он согласился поучаствовать в ее маленьком спектакле.

— Эдрик Мардельт! — Торжественно произнесла Мольвири. — Я, дама твоего сердца и твоя возлюбленная, велю тебе, не мешкая, отправиться в замок Фальне и освободить всех томящихся там пленников.

— Ты делаешь успехи в куртуазии. — Заметил Эдрик.

— Вы. — Мольвири сверкнула очами.

— Ах, простите. Вы делаете успехи, моя прекрасная госпожа.

— То-то же. — Она довольно улыбнулась. Потом подозрительно посмотрела на него. — Так ты поедешь?

— Ну а куда мне деваться?..

Мольвири нахмурилась, и Эдрик поправился:

— Ведь не может же рыцарь отказать в такой пустяковой просьбе своей прекрасной даме...

Мольвири кивнула.

— Отправляйтесь, сир, и пусть ваши намерения и поступки будут благородны и чисты, и да пребудет с вами мое благословление.

Глава шестнадцатая

— Я выбрал Ильсильвар в качестве первой страны, которую мы возьмем силой, потому что ее защищает Школа, — произнес Лицемер. — Школа может оказать нам сопротивление в мире людей, следовательно — ее необходимо нейтрализовать. Ты не возражал. Я полагал — это от того, что ты оцениваешь ситуацию также, как и я. Позже рассказ Истязателя о силе, которую тел-ан-алатриты, украв у меня и у Гедкая Оружейника, стали использовать для достижения бессмертия, лишь укрепил меня во мнении, что выбор сделан верно. Но теперь становится ясно, что твои мотивы были совсем не такими, как мне казалось.

— Ты говорил с Кукловодом. — Констатировал я.

— Дело не только в нем. — Возразил мой брат. — С момента воскрешения я похитил множество лиц, и некоторые из них принадлежат бессмертным обитателям неба. Там гуляет слух, что Князя Света не вмешиваются в происходящее на земле потому, что наша деятельность их полностью устраивает. Источник ереси в Ильсильваре раздражает их уже много лет, но выкорчевать его они не способны. Слишком много тех, кто некогда обучался в Школе, обитают теперь на нижних небесах и в верхних кругах Ада, слишком много родственных связей у людей и небожителей, слишком много союзов заключено. Если Солнечные нанесут удар по Ильсильвару, то могут получить гражданскую войну у себя на небесах. Раньше они уже так поступали, и Школа, несколько раз едва ими не уничтоженная, сделала выводы из предыдущих поражений. И поэтому наша деятельность Солнечным как нельзя более кстати: мы спалим Ильсильвар, а они явятся под конец, выступив в роли спасителей, и низвергнут нас.

— Несомненно, они мечтают об этом. — Я улыбнулся.

— Почему ты не сказал мне о том, что заключил союз с одним из Князей Света?

— Союз? — Я отрицательно покачал головой. — Я бы так это не назвал. Он принес мне в дар Живой Алмаз Палача и дал совет относительно действий, которые нам следует предпринять, если мы хотим избежать открытого противостояния в первое время. Затем у меня был разговор с тобой, мы обсудили стратегию, и ты объяснил, почему наш первый удар должен быть направлен на Школу и Ильсильвар. Выходило,

что предложенное Солнечным полностью соответствует нашим интересам. Пусть они видят в происходящем свою выгоду — какое нам до этого дело? Нам нужно время для того, чтобы накопить силы и возродить братьев. Пусть думают, что мы выполняем за них грязную работу.

— Ты не ответил на вопрос о том, чем объясняется твое молчание, — сказал Лицемер, посмотрев на меня. — И потому у меня закрадывается подозрение, что ты ведешь собственную игру и вовсе не желаешь достичь той цели, которую мы все ставили перед собой изначально.

Я усмехнулся.

— А как в эту версию укладывается то, что я помог тебе возродиться?

— Не знаю. Возможно, ты хочешь войны для того, чтобы вновь предать всех нас в самый решительный момент — на этот раз для того, чтобы выгадать себе наилучшие условия. Может быть, присоединение к тем, кто возлег на Дне, не способно удовлетворить твои аппетиты. Возможно, ты хочешь создать собственное царство в срединных мирах, покорив своей воле Сферы в верхних кругах преисподней и даже, возможно, какие-то из тех, что находятся на нижних небесах. Я не знаю.

В ответ мне оставалось только рассмеяться.

— Ты жил во мне, пока я был человеком...

— В частице тебя, а не в тебе...

— ...и я согласился отдать тебе свою душу. Ты получил доступ к моей сущности Князя и мог бы сделать меня своей маской. Ты видел все мои мотивы.

— Я помню это, — признал Лицемер. — Однако это не означает того, что теперь ты думаешь также, как и тогда, когда я владел тобой.

— По-твоему, на протяжении столетий у меня могли быть одни намерения, а теперь вдруг стали другие? И это твое обвинение основано лишь на том обстоятельстве, что я не счел нужным посвящать тебя в свои секреты?

— Это обвинение основано на предположении о том, что ты мог предусмотреть мою сделку с человеком Льюисом, — как всегда ровным голосом ответил Лицемер. — Ты мог отделить и спрятать часть себя, и забыть о том, что спрятал. Я увидел ту часть, которую ты был готов мне показать, убедился в твоей искренности и позволил Льюису соединиться с тобой. А затем, когда ты стал восстанавливаться уже в качестве Князя, проникать в свои бисуриты и осознавать целые миры как части собственного внутреннего пространства — ты впитал ту часть, которую некогда отделил и все вспомнил. Твоя божественная сущность была разбита на тысячи частей, и Льюис — лишь одна из них. Думаешь, я об

этом не помню? В любую из остальных ты мог вложить свои самые тайные, самые коварные намерения и планы, которые не собирался показывать мне.

Я расхохотался. Но смеялась лишь одна из моих личностей — другие занимались своими делами в Нижних Мирах, а третьи обдумывали, что ответить Князю Лжи. При общении с ним у всех рано или поздно возникали сложности. Ирония судьбы: Князь Лжи требовал абсолютной искренности и не соглашался на меньшее.

— Все это пахнет тотальной паранойей, — сказал я. — Ты не веришь Кукловоду, не веришь мне... наверное, при желании можно и Истязателя в чем-нибудь уличить... кого еще? Крысолова? Палача?..

— Истязатель потерял память и почти всю свою силу. Местонахождение Крысолова нам по-прежнему неизвестно. Палач мертв.

— Ну, с твоим настроением после того, как первый восстановится, второй найдется, а третьего мы воскресим — всегда можно придумать какую-нибудь хитроумную теорию заговора, объясняющую, каким образом все это было нацелено против тебя, против Властелина или против наших планов по возвращению Солнечного Убийцы.

— Ты уходишь от прямых ответов, — холодно произнес Лицемер. — Ни опровергаешь, ни подтверждаешь обвинение — потому что знаешь, что я в любом случае почувствую ложь... или ее отсутствие.

— Мне не нравится то, что меня вообще в чем-то обвиняют — тем более, совершенно бездоказательно. — Резко ответил я. — Мы ведь хотели забыть прежние распри. И что? Все-таки возвращаемся к старому?

— Мне бы этого не хотелось.

— Тогда не начинай эти разговоры без причины.

— Причина есть, — сказал Лицемер. — Ты вел переговоры с одним из Солнечных. Вероятно, вы заключили какой-то договор, пусть ты это и отрицаешь.

— Ты уже знаешь, почему...

— Я хочу полностью увидеть вашу беседу. — Перебил меня Князь Лжи. — В том виде, в каком она происходила. И, пожалуйста, без лишних фантазий. Ты ведь знаешь, что я их сразу замечу.

Я пожал плечами, выдохнул ядовитый дым и соткал из него видение для своего брата.

...Солнце взошло, как обычно, и небо, не считая редких облаков, было почти ясным, но что-то случилось с миром людей на востоке Яртальского

княжества. Свет казался туслым и безжизненным, вместо утренней свежести ветер приносил горьковато-сладкий запах гниения, и все вокруг — землю, воду, воздушное пространство — словно поглотила незримая тень. Потом тень стала гуще, а вонь — невыносимое: всякий, кто вдыхал аромат, исходивший от далеких холмов на востоке, терял рассудок и умирал. Темное облако сгустилось на вершине одного из холмов и поползло вниз. Растения на расстоянии мили от него чернели и выгнивали, животные сходили с ума и гибли, а духи полей и цветов забывали себя, теряли прежнюю природу и становились исчадиями мрака. Вода в ручьях засмердела, земля стала слизистой, как густой кисель.

По мере продвижения облака на запад начинало казаться, что в его центре кто-то есть: там двигалась фигура человека, целиком состоящего из темноты, или, быть может, человекоподобного демона. Когда ядовитая аура накрыла одну из деревень, ее обитатели умерли прежде, чем успели обратиться к своим богам. Тень двигалась к столице княжества — неспешно и властно.

На перекрестке дорог, на сером валуне, сидел молодой монах: светло-алые и голубые цвета одежды, амулет на шее и пояс, завязанный определенным образом, ясно выдавали в нем служителя Шелгефарна, Бога Смирения. Монах беззаботно улыбался, глядя на надвигающуюся тьму и поигрывал в пыли концом длинного посоха; когда тьма приблизилась и ядовитые пары протянулись к монаху, к пространству вокруг него и за него — он поднял посох и велел ядовитым парам смириться, а затем повелительным движением отбросил назад силу, источаемую аурой демона.

Темнота стала еще гуще; и не нужно было обладать ясновиденьем, чтобы ощутить, как стягиваются в эту точку силы подземного мира, как разрастается мощь демона в центре темного облака; как приходят в движение мистические Сферы, пребывающие за пределами Сферы видимого человеческого мира — чтобы, совместившись в указанном Князем Демонов месте, уничтожить не только монаха, но и всю страну за его спиной, обрушив на нее дожди из кислоты и разрушительные вихри.

Однако прежде, чем это произошло, монах улыбнулся и поднял руку, прося пришедшего остановиться.

— Я много наслышан о тебе, и мое уважение к твоей силе и твоим поступкам безмерно, — с улыбкой произнес юноша. — Однако, сейчас ты лишь начал восстанавливать свою прежнюю мощь и проиграешь мне этот бой — особенно, если я призову своих родичей. Но я не хочу сражаться. Я пришел не для войны, а для беседы,

Темнота клубилась и разрасталась, Князь Демонов увеличился в размерах и перестал быть похожим на человека; в мгlistых клубах дыма и пара скользили многочисленные черные щупальца. Сначала казалось, что демон так и не ответит, но затем над перекрестком дорог раздался голос, похожий на переливание тягучей вязкой жижжи:

— Я тебя слушаю.

— У меня есть два дара, — сказал юноша. — Один из них — Живой Алмаз твоего брата.

Он сунул руку в складки одежды, извлек на свет мерцающий красноватый камень и протянул его темноте.

Темная фигура стала меньше и вновь обрела черты, схожие с человеческими. Человекодемон, окруженный ореолом ядовитого темного дыма, шагнул вперед и протянул руку. Юноша вложил камень в открытую ладонь.

— Второй мой дар — совет, — столь же легко и непринужденно сказал он. — Если вы с братом ищите место на земле, где можно посеять хаос, обратите внимание на Ильсильвар. Там, под кожей человеческого королевства, притаилась организация существ — некогда бывших людьми, а ныне бессмертных — желающих низвергнуть Князей и самим придти к доминированию в Сальбраве. Если ваш обреченный, но бесспорно героический поход против всего сущего начнется на западной части материка, если Ильсильвар превратится в пустыню, а Школа Железного Листа будет истреблена — думаю, Князья Света удержат свою руку и не нанесут по вам немедленный удар после того, как станет известно, что вы с Палачом возродились. На долгую задержку рассчитывать не следует, но какое-то время у вас будет — можете попытаться за это время осуществить любой из своих безумных планов. Небеса уверены в своей силе и им кажется, что они готовы ко всему.

— А это не так? — Спросил человекодемон.

Монах беззаботно пожал плечами.

— Может быть, и так, может быть и нет — кто знает? Будущее предугадать невозможно... если, конечно, ты не владеешь анкавалэном, — он улыбнулся. — Это все, что я хотел сказать. А теперь прощай и всего наилучшего.

Он повернулся и уже вступил на призрачный путь, ведущий на небеса, как вдруг вспомнил о чем-то, и поставил ногу обратно на землю.

— Да, и еще... Я действую от своего имени, а не от лица всех Князей Света — многие из них слишком хорошо помнят вас и скорее откусили бы себе языки, чем вступили бы в переговоры. Поэтому лучше бы тебе не

болтать о нашей встрече. Я помог вам один раз, и, быть может, помогу еще, но лишняя болтовня с вашей стороны может и не позволить мне сделать это. Теперь прощай.

Монах вежливо поклонился и исчез, став тающим бликом света.

— Шелгефарн, сын Травгура и Элайне, первый принц света, бог смирения и послушания... — Задумчиво произнес Лицемер, когда видение развеялось. — Когда нас убивали в Шейдобхе, о нем еще ничего не было известно. Я знаю о нем из памяти моих новых лиц... но не нахожу причин, в силу которых он стал бы действовать против своей семьи.

— Могу сказать тоже самое, — кивнул я. — Но, полагаю, он-то как раз считает, что действует в интересах своей семьи. Он не помнит ни первой войны Изначальных, ни Войны Остывших Светил, и не знает, какой ценой далась Солнечным Князьям их победа. Он не видел ни гибнущих миров, ни истребленных рас, не переживал распада сотворенных им Сфер и безжизненного хаоса там, где недавно цвела жизнь, которую он ощущал как часть своей собственной... Он Князь Света и думает, что почти всемогущ, а лизоблюды на Дне чешут ему пятки и тешат его самомнение. Его раздражает Школа, а нас он не воспринимает как серьезную угрозу. Вернее, он думает, что мы открытый и явный враг, уничтожить которого можно в любой момент, а Школа несет скрытую угрозу, и особенно — его силе, ибо предлагает смертным свободу вместо послушания и гордость вместо смирения — и поэтому, с его точки зрения, Школа более опасна, чем мы.

Лицемер долгое время не отвечал. Он казался полностью погруженным в себя.

— Ты говоришь убедительно, — произнес он наконец. — И вероятно, какие-то из Солнечных действительно думают так. И я бы согласился с тем, что ты верно угадал мотивы Шелгефарна... если бы не видел созданного тобой видения. Оно во всем точное? Ты ничего не добавлял и не убавлял?

— Точное. Не добавлял и не убавлял.

— И тебе ничего не показалось странным?

— Послушай, братец, — я покачал головой. — Я тогда только воскрес из мертвых. Я переживал восторг и ощущение стремительного роста силы, возвращение власти над бисуритами, объединение различных сознаний в одно соборное... много чего еще. Я не был настроен на холодный анализ происходящего. Сам факт того, что кто-то из Солнечных пришел для

переговоров — уже показался мне довольно странным. А что странного увидел ты?

— Обрати внимание, как он говорит: «Князя Света», «они», «им кажется»... он ни разу не сказал «мы». Он отделяет себя от них.

— Либо хочет, чтобы мы так думали. Это может быть и уловкой.

Капюшон, под которым пряталась каменная маска, чуть сдвинулся вправо, потом влево. Лицемер не был согласен со мной.

— Не стоит все усложнять. Наилучшая ложь ничем не отличима от правды, ибо во всем соответствует ей.

— Ты полагаешь, он и вправду что-то затевает — или готов затеять? Устал быть всего лишь принцем и хочет занять трон Судьи Богов? — Я сделал паузу, обдумывая эту идею. — Я бы не стал на это рассчитывать. Слова о том, что он готов помочь, скорее всего — лишь уловка.

— Мне нужно поговорить с ним. — Сказал Лицемер. — Я должен понять, в чем он лжет. Князь Света думает, что может переиграть нас на нашем же поле... что ж, посмотрим, как он играет.

Хотя его голос оставался, как и всегда — кроме тех случаев, когда он одевал краденую личину — безэмоциональным, а каменная маска не меняла своего выражения, мне показалось вдруг, что мой брат улыбается.

Глава семнадцатая

Жрец прибыл в Айдеф поздним вечером, в тот же день, когда замок покинул Эдрик Мардельт. Лил дождь, и дороги размокли от грязи. Одиноким усталым странником постучался в ворота.

— Кого там принесла нелегкая?.. — Пробурчал Рейдаф Первельт, открывая смотровое окошко.

— Мое имя Неймон, — хрипло ответил человек в плаще, с которого ручьем лилась вода. — Я жрец. Я промок и замерз, пустите внутрь.

Рейдаф захлопнул окошко и открыл калитку, позволяя страннику войти.

— Жрец? — Переспросил он. — Что-то вы быстро прибыли, достопочтенный. Из храма жреца мы ждали не ранее завтрашнего вечера, а то и послезавтрашнего.

— Я не из вашего храма, — ответил Неймон. — Я странствующий жрец, член гешского монашеского братства.

Рейдаф присвистнул.

— Ого! Из самого Геша к нам прибыли, значит? Далековато вы забрались. А с какой целью?

— Я проповедую учение Белой Богини Мольвири, последней и самой совершенной из Солнечных Княгинь. В ней пребывает полнота солнечной благодати, и принесенная ею весть чиста и не запятнана искажениями и ошибками.

— Вот как... — Рейдаф почесал затылок. — Ну что ж, добро пожаловать, достопочтенный. Нэб, позови там кого из мажордомов... пусть определят, куда устроить на ночь господина жреца, а заодно и накормят.

Раказ Эбвельт, рыцарь герцога Гэйбара, зевнул и поплотнее закутался в плащ. Светало, но Солнца еще не было видно. Да его и не увидишь за этой проклятой пеленой туч. Хорошо, хоть дождь кончился. Раказ и Джейнор вместе со своими людьми дежурили сегодня во вторую половину ночи, охраняя лагерь Синвора эс-Цагара и наблюдая за замком Фальне, и холодный осенний дождь порядком попортил им нервы. Костры нещадно дымили, а резкий переменчивый ветер бросал пламя — и исходившее от него тепло — то в одну сторону, то в другую. Одежда Раказа пропахла

дымом, он промок и кашлял.

— Чертов замок, — пробормотал он, протягивая холодные руки к огню.
— Чертовы пираты. Чертов барон. Чертов герцог.

Неужели нельзя было дать Краснозубу и Секире спокойно убраться отсюда, после того, как они разделались с бароном? У них свои дела, зачем только герцог решил влезть в эту историю? Чтобы показать, что он тут на острове главный и трогать его вассалов никто не смеет? Раказ выругался еще раз. Чертов идиот. Следил бы лучше за своими вассалами, и прижимал бы к ногтю тех, кто пиратствует не так, и не вовремя — как Фальне — и все было бы в полном ажуре. Но нет, своим неумелым управлением он создал проблему, которую теперь расхлебывать должен Раказ и прочие рыцари, подчиненные Синвору. А ведь вместо этого они могли бы сидеть в тепле, пить вино, жевать оленину, бросать кости в шутов, смеяться и лапать за разные места грудастых служанок.

Крик Кэйджа вырвал его из пелены печальных размышлений. Раказ недовольно обернулся к оруженосцу, оставленному наблюдать за Фальне, пока его господин пытался согреться у костра.

Кэйдж выглядел очень взволнованным.

— Сир!.. Сир!.. Вы это видели?

— Что «это», дурья башка?

— Это... это... оно только что было здесь! — Оруженосец размахивал руками, показывая на Фальне. — Пролетело рядом со стеной!

— Ну что там пролетело? — Раказ, прищурившись, посмотрел на нижнюю часть стен и на ту часть рва, который был ему виден. — Голову, что ли, чью-то опять скинули?

В начале осады пираты периодически скидывали вниз головы обезглавленных придворных, но вот уже больше недели не прилетало ни одной, и всем почему-то стало казаться, что это развлечение наскучило бойцам Секиры и Краснозуба.

Кэйдж замотал головой.

— Нет, сир, это что-то другое! Оно влетело в замок, а не вылетело!

— Влетело? — Повторил Раказ, опять посмотрев на оруженосца. — Что ты несешь? Птица, что ли?

— Нет, сир, не птица. Длинное, летело у стен, — Кэйдж показал пальцем стену у правой башни. — И блеснуло так, как будто оно из металла.

— Может, упало чего?.. Ну, может меч кто из этих головорезов вниз уронил?

— Говорю же, сир — оно не вниз летело, а вверх! Хотя ваша правда

— на меч очень похоже!

— Как меч может лететь вверх? Совсем что ли ум за разум зашел?

— Не знаю, сир! — Оруженосец виновато пожал плечами. — Говорю что видел.

— Ни хрена ты не видел. Уснул, видать, вот и привиделась чертовщина какая-то.

— Да я же тут стоял, сир! — В голосе Кейджа прорезались возмущенные нотки. — Не сидел даже.

— Стоя уснул. Бывает.

— Да не спал я! Травгур Судья мне свидетель!..

— Тихо. — Сказал Раказ, поднимая руку. На оруженосца он больше не смотрел — пытался, повернув голову, вновь уловить те звуки, которые, как ему показалось, он только что услышал. — Помолчи-ка немного.

В наступившей тишине они отчетливо услышали вопли и лязг оружия со стороны Фальне. Глаза оруженосца расширились.

— Я же говорил...

— Рот закрой! — Рывкнул Раказ, продолжая слушать.

С диким криком один из пиратов прыгнул со стены. Он продолжал орать, падая вниз и замолчал лишь тогда, когда разбился о камни внизу.

— Это что-то новенькое... — Хрипло пробормотал рыцарь, разглядывая окровавленное переломанное тело, медленно сползавшее в ров.

— Да уж... — Побелевшими губами подтвердил оруженосец. — Раньше такого не было...

Раказ повернулся и решительно направился вглубь лагеря. Крики упавшего пирата, несмотря на то, что были приглушены большим расстоянием, все же разбудили в лагере нескольких рыцарей и оруженосцев, но Синвор еще спал.

— Сир! — Раказ потряс командира за плечо. — В замке... черте что... Пираты со стен прыгают.

— Что?.. — Синвор, еще толком не проснувшись, уставился на рыцаря. С начала осады он постоянно не высыпался. — Зачем?

— Не знаю, сир. Прыгают и орут. Непонятно...

Синвор встал и вышел из шатра. Пересек лагерь и принялся разглядывать Фальне. По меньшей мере, четверть обитателей лагеря, занималась тем же. Еще четверть натягивала сапоги и кольчуги и готовилась к ним присоединиться.

— Крики слышу. — Констатировал Синвор. — А где прыгающие пираты?

— Видать, перестали. — Раказ пожал плечами. — Вон там один упал. Он показал на темное пятно на камнях, едва различимое в предрассветных сумерках.

— А чего они орут-то? — Спросил Синвор.

— Не знаю, сир. Может, не поделили друг с другом чего. Или, может, пленники восстали.

— Да?.. А чего ж мы тогда сопли жуем?.. — Синвор повернулся к лагерю и заорал:

— Подъем!!! Лестницы на стены!.. Живей! Живей!..

Зевая, его подчиненные подхватили лестницы и понесли их к стенам. Ждали стрел, дротиков и камней, пока пересекали ров, но у бойниц никого так и не появилось. Крики стихли, и Фальне хранил зловещее молчание. Установили лестницы, Когда первые бойцы оказались на стенах, их глазам предстало кровавое зрелище. Повсюду валялись мертвые тела воинов Секиры и Краснозуба — некоторые продолжали сжимать оружие в остывающих руках, другие, по всей видимости, даже не успели обнажить его. У многих тел не хватало конечностей, иные были разрублены напополам — вдоль, поперек или наискось — в третьих были проделаны вертикальные сквозные дыры, при том пробиты были не только тела, но и доспехи, как спереди, так и сзади. Какая сила могла бы совершить все это, никто и представить себе не мог.

Открыли ворота, и Синвор эс-Цагар въехал во двор захваченной для него крепости.

Искали живого пирата, но не нашли ни одного. Пленники, выпущенные из ямы, ничего не видели — слышали вдруг крики и лязг, но никаких новых голосов, кроме голосов все тех же пиратов, оравших благим матом, не раздавалось. Посоветавшись, рыцари Гэйбара пришли к выводу, что замок освободила неведомая сверхъестественная сила, направленная, по всей видимости, Солнечными Богами на землю в ответ на мольбы отчаявшихся пленников и вновь вернувшаяся на небеса по выполнении своей миссии.

На следующее утро Неймон был приглашен к столу герцога — как выяснилось, герцогиню в юности наставлял гешский жрец, приплывший, как и Неймон, на Велиморские острова с материка, и с тех пор она относилась к гешскому жречеству намного уважительнее, чем к местному.

— Они только пьют да жрут, — пожаловалась Эльза. — Обряды творят кое-как.

— У нас жил тут один, — сказал герцог. — Но я его прогнал.

— За что? — Спросил Неймон.

— Девочку одну совратить вздумал. Грязная история. — Гэйбар махнул рукой, показывая, что говорить об этом не хочет.

— Коварны уловки и многочисленны сети, расставляемые Князьями Тьмы на пути взыскующих Света, — скорбно вздохнул Неймон. — Если же удастся им уловить в свои сети жреца — в Преисподней веселье и праздник. И будет так до тех пор, пока миру, каким мы его знаем, не придет конец, зло не будет истреблено окончательно, а сила Белой Богини не очистит бытие от скверны, приведя его в новый, лучший вид.

Эльза кивала, слушая жреца и глядя на него чуть ли не влюбленно: ее наставник говорил точно также, чуть ли не слово-в-слово.

— Теперь вот чуть что — приходится посылать за жрецом в храм, а храм далеко. Неудобно. — Сказал герцог. — Месяц назад Эльза родила сына, нашего первенца. Послали в храм — жрец ехал чуть ли не неделю, а когда приехал, заломил такую цену за обряд, что, признаюсь, захотелось мне в отхожей яме его утопить за наглость.

— Старые слуги наших солнечных владык, увы, развратились, — поддакнул Неймон. — Берут деньги за совершение обрядов — но разве можно продавать благодать? Подлинные святые учителя жили подаянием и не брали за свои дела ничего кроме того, что приносили им в дар.

— Да-да, — благочестивым голосом заметила баронесса Кирра эс-Реин. — Последние времена настали... Всюду корыстолюбие и разврат.

Сидевший рядом муж хотел было напомнить Кирре о том, как застал ее с лакеем несколько лет тому назад, и о том, как она увольняла служанок за какую-нибудь мелкую провинность, удерживая при этом большую часть их жалования и заявляя назидательно, что они должны быть ей благодарны за то, что она им вообще хоть что-то платит... хотел сказать, но вовремя прикрыл рот и благообразно промолчал.

— Я слышал, сейчас вы тоже ждете посланцев из храма? — Произнес Неймон, посмотрев на герцога.

Тот кивнул.

— Так и есть. У нас тут случилась небольшая война... ну как война: пираты взяли замок. Мы их там зажали, но сопротивляются они отчаянно, и вот уже семь трупов. наших. Надо сопроводить их в последний путь, да некому.

— Если вы опасаетесь, что посланные из храма могут задержаться, я... мог бы прочесть отходные молитвы.

— О, это было бы весьма кстати! — Обрадовался герцог.

Позавтракав, спустились в кладовую, где лежали тела. Неймон заметил, что к левой руке каждого из покойников привязан маленький мешочек и поджал губы.

— Что это такое? — Спросил он, показывая на мешочки.

Кроме герцога, тут было еще несколько придворных — столько, сколько смогло поместиться в небольшой кладовой. Всем было интересно посмотреть, что станет делать иноземный жрец и как он себя поведет, но вопрос его удивил всех присутствующих.

— Ну как же... — Сказал кто-то. — Там монеты, чтобы отдать их стражам в стране мертвых...

— Я знаю, что в этих мешках. — Холодно перебил говорящего Неймон. — Но что эти мешки делают на рыцарях? Разве они были дикарями и чернокнижниками, или какими-нибудь нечестивыми скайферами, молящимися Темным Князьям?

— Конечно же нет. — Твердо ответил герцог.

— Тогда зачем почитать Князя Мертвых и выплачивать ему дань? Ваша светлость, ваш небесный сюзерен — Солнце, и все силы тьмы пред его силой — ничтожны.

— В этом я нисколько не сомневаюсь. Но если не почтить слуг Князя Мертвых, они не будут довольны и вместо покоя в мире теней наши рыцари и оруженосцы станут испытывать там мучения.

— Это суеверия. Правда же состоит в том, что, почитая Князя Мертвых и его слуг, вы сами отдаете своих людей в его власть. Следует убрать эти мешки и очистить павших от скверны, которую они принесли. Кладовая, однако, для этого не слишком подходит. У вас есть домашнее святилище или часовня?

— Да, в юго-восточной башне.

Герцог не был уверен, что стоит нарушать традицию, однако как-то так вышло, что, ответив «да» на последний вопрос, он словно согласился и со всем, сказанным ранее. Во всяком случае, он не стал возражать, когда жрец срезал мешочки с рук рыцарей и оруженосцев, а когда Неймон попросил перенести тела в часовню — кивнул, выражая свое согласие.

Придворные позвали слуг, и те перетаскивали тела. Неймон осмотрел часовню и обнаружил дорогое ритуальное одеяние, росшитое золотом. Часовня ему понравилась — просторная, украшенная статуэтками и священными изображениями.

— Я переоденусь и подготовлюсь, — сказал он. — Было бы хорошо, если бы пришли все, кто желает почтить память покойных.

Герцог распорядился пригласить всех благородных обитателей замка, а

также старших слуг. Мольвири приглашение застало в комнате Кейт, двоюродной племянницы герцога — девушки болтали и вышивали; на вопросы о своем прошлом Мольвири отвечала правдиво, но так, что создавалось впечатление, будто ее братья — члены странной религиозной секты, убеждения которых она не разделяла; она неопределенное время томилась в темнице, пока не пришел Эдрик и не освободил ее.

— А что с твоими братьями? — Спросила Кейт. — Эдрик убил их?

— Нет, — Мольвири покачала головой. — Но он хотел бы их убить.

— Как их зовут?

— Гефракос, Орис-на-Талло, Алийн, Зейн^[1]... — Она произнесла еще несколько слов на мидлейском, которые некогда служили титулами, указывавшими на свойства Солнечных Князей, а ныне были совершенно забыты.

— Где дают такие имена? — Спросила Кейт.

— На востоке. — Улыбнулась Мольвири. Весь мир находился к востоку от Вельдмарского архипелага.

— А как называется ваша страна?

— Лей-на-Ярроун^[2].

— Никогда не слышала о такой. Где именно она находится?

— Я плохо разбираюсь в географии, — сказала Мольвири, и это тоже была правда.

Когда их позвали на службу, Кейт отложила шитье.

— Пойдем! Там будет новый жрец, из самого Геша! Хочу посмотреть, как он служит.

Мольвири заколебалась, но все же последовала примеру Кейт, рассудив, что погружение в человеческую жизнь не будет полным, если совершенно исключить из нее религиозную составляющую; кроме того, у обитателей замка могли появиться вопросы, отчего она избегает религиозных церемоний. Девушки спустились вниз, надели специальные деревянные башмаки-ходули — во дворе из-за дождя все раскисло, и без ходуль можно было провалиться в грязь выше щиколотки — и таким образом пересекли двор. У часовни толпился народ, еще больше людей было внутри; Кейт потащила Мольвири за собой. Служба уже началась. Они не успели даже занять мест, намеченных Кейт, как Мольвири почувствовала дурноту. Это было намного хуже, чем раньше, утром и вечером. Окружающий мир поплыл, она ощутила озноб и жар, навалилось безразличие, а храм стал головой чудовища, в рот которому она зашла сама, добровольно, по собственной глупости, и теперь рот захлопнулся и

начал переваривать ее. Мольвири обхватила плечи руками и, дрожа, пыталась справиться с дурнотой, но жрец продолжал службу, и ей становилось лишь хуже. Если бы ей не было так плохо, она бы поняла, что нужно бежать отсюда как можно скорее, но все произошло слишком быстро. Она потерялась в пространстве и перестала рационально оценивать происходящее, она не видела, куда можно было бы убежать, потому что весь мир, вся вселенная стали пастью проглотившего ее чудища. Когда ее затрясло, люди стали оглядываться.

— Что с тобой? — Ахнула Кейт.

Вместо ответа изо рта Мольвири вырвался мучительный стон. Она покачнулась и упала. Придворные ахнули и зашептались, кто-то склонился над ней.

Жрец закончил службу быстрее, чем собирался. Произнеся завершительную молитву, он подошел к группе людей, хлопотавших рядом с Мольвири. Там же был и Гален Сидалрид, пожилой замковый лекарь. Голову Мольвири приподняли, между зубами просунули нож, а Кейт кружевным платочком вытерла кровь — Мольвири прокусила себе губу. Жрец прищурился и, сложив ладони перед грудью, произнес короткую молитву Белой Богини. Мольвири опять затрясло; все отчетливо услышали лязг ее зубов по ножу.

— Это не эпилепсия, — уверенно произнес брат Неймон. — Она одержима.

— Бросьте, — отмахнулся один из рыцарей — безнадежно влюбленный, как и многие другие обитатели замка, в загадочную жену военного инструктора. — Вам бы только одержимых и еретиков выискивать. У моего дядюшки была падучая — все ровно также.

— Нет, не так же, — терпеливо сказал жрец. — В ней демон, мучающийся от благодати, источаемой Белой Богиней Мольвири и отраженно пребывающей в нас, ее ничтожных слугах, и во всяком, возносящим ей мольбу с чистым сердцем. Прочтите молитву и убедитесь сами.

Рыцарь стал возражать, тогда Неймон поднял руку, призывая его замолчать и сказал:

— Повторяйте за мной. Благая Княгиня, последняя из рожденных Солнем и первая из зачатых в его божественном лоне, наш свет и надежда, святая госпожа, источник нашей радости и силы, освети наш путь своим пречистым светом, омой наши сердца в его сиянии...

Жрец произносил молитву громко и уверенно, и люди, стоявшие вокруг, поначалу негромко и нескладно, стали ее повторять. На чьей

стороне правда в споре жреца и рыцаря они увидели сразу: женщина в белом платье вновь забилась в судорогах и закричала:

— Нет!!! Прекратите!!! Не надо!..

В ее крике содержалась нечеловеческая сила: по храму как будто пролетел ветер, свечи погасли, пламя в светильниках затрепетало, часть священных статуэток опрокинулась. Люди чувствовали, что от женщины исходит одна сила, а в молитве содержится другая, и эта, вторая, оберегала их от силы одержимой. Они поняли вдруг, что восхищение, даже преклонение перед ней, любовь к ней, симпатия и иная душевная нежность, возникавшая при виде ее скромного и прекрасного образа — все это было, иллюзией, фальшивкой. Истинная сила Белой Богини, принесенная на остров гешским жрецом, открыла им глаза: с самого начала жена Эдрика использовала какие-то чары, чтобы влюбить в себя всех обитателей замка и лишить их здравого рассудка и рассудительности. Но на деле она была всего лишь красивой девушкой, в которую вселился демон обольщения, и не более того.

Это понимание овладело не всеми и не сразу, но число молящихся росло, и тогда они ощутили, что сила демона уступает, а сила Белой Богини, сила жреца и храма, соборная сила молящихся распространяется и побеждает. Рыцари Гэйбара уже не столько поддерживали, сколько держали женщину — впрочем, она уже почти затихла и не сопротивлялась. Ее взгляд сделался пустым и безразличным: та жизнь, которая в нем оставалась, была наполнена мукой, отчаянным сопротивлением наступающему бессилию — однако, жизни в ее взгляде оставалось все меньше и меньше. И вместе с этой, утекающей жизнью, что-то происходило с ее телом: люди, касавшиеся его, ощутили, что оно стало легче и проницаемее: там, где были одежда и плоть, теперь находился сгущенный свет, оказывавший сопротивление рукам, касавшимся его — но не так, как это делает плотный предмет, а так, как сопротивляться движению могли бы вода или сильный поток ветра. Жрец начал читать молитву об изгнании нечисти, но закончить ее не успел: на улице послышался визг рвущегося воздуха, и почти сразу башня содрогнулась от удара. Одна из стен словно взорвалась — на людей, стоявших рядом с ней, полетели обломки камней и куски штукатурки. То, что ворвалось в святилище, убило жреца быстрее, чем обитатели замка успели разглядеть его облик, и лишь затем, когда стальная молния, смявшая и отбросившая к алтарю тело служителя Белой Богини, развернулась и двинулась к одержимой — уже не столь быстро, меняя форму и принимая облик человека по ходу движения — они поняли наконец, кто столь грубо и

бесцеремонно вмешался в происходящее. Один из рыцарей попытался задержать его, заступив дорогу и вытянув меч так, чтобы его кончик оказался приставленным к горлу военного инструктора — Эдрик, не замедляя шага, нырнул под меч, сломал рыцарю руку и отшвырнул его с дороги. В часовне началась паника — часть придворных бросилась к выходу, рыцари обнажили оружие и отступили, некоторые встали телами так, чтобы закрыть своими телами герцога. Но бессмертный не обращал на них никакого внимания, люди его не интересовали.

— Мольвири! — Позвал Эдрик, опускаясь на колени перед богиней.

Тело Мольвири, более никем не поддерживаемое, продолжало висеть в воздухе так, как будто бы она лежала на наклонной поверхности или сидела, вытянув ноги, в невидимом кресле. Окружавшее ее сияние стало ярче... нет: она сама постепенно превращалась в сияние. Крошечные частицы света, словно светлячки, отлетали от нее и таяли в воздухе. Взгляд Мольвири — как взгляд самой вечности, бесстрастной и пустой.

— Мольвири!.. — Вновь позвал Эдрик. Ему показалось, что что-то изменилось: будто бы в этом совершенном, но бездушном великолепии промелькнула тень девушки, которую он знал; тень богини, словно пришедший в этот мир из далекого прошлого, из времен, когда боги еще не ведали страха и жадности, и щедро дарили миру свою силу и самих себя, ничего не требуя взамен. Эдрик протянул руку и коснулся ее руки... попытался коснуться. Он ничего не ощутил, перед ним был призрак, тающий в воздухе, и последняя искра живого чувства была отдана Эдрику, как прощальный дар, во взгляде богини, теряющую свою смертную оболочку и связанную с этой оболочкой личность. Ему показалось, что она пытается сказать «Спаси меня...» — но не может: ее уже не было здесь, и призрак сделался прозрачным, а затем полностью истаял и распался на множество световых огоньков прежде, чем его сердце успело стукнуть три раза.

Ее уже не было, а он продолжал стоять на колени, бездумно глядя на место, где она только что была. Ее крик застал Эдрика в двадцати милях от замка; он услышал его не ушами, а как-то иначе, одним из тех мистических чувств, что присущи Тэннаку; он бросил лошадь и устремился к замку в своем бессмертном обличье, не беспокоясь уже более о том, чтобы изображать обычного человека — но опоздал. Возможно, появись он на минуту ранее, убийства жреца и нескольких благочестивых идиотов хватило бы, чтобы ее спасти, но время было упущено, и сила, скопившаяся в бисурите ее культа, поглотила ту, кому этот культ был посвящен. Не для этого ли Солнечные Князья, ее братья и лелеяли религию Белой Богини,

рассчитывая когда-нибудь выпустить Мольвири из тюрьмы и насильно сделать ее той, кем она быть нисколько не желала? Что с ней теперь произошло? В каком виде она существует? Не очнулась ли она в Эдеме — изменившаяся, почти всевластная, не сомневающаяся более в своем праве навязывать свою волю мирам, лежащим у нее ног, и править людьми как стадом безмозглых скотов? Стала ли она одной из тех, кого Эдрик считал тиранами и ворами, похитившими у людей свободу и силу анкавалэна? Забыла о себе-прежней, посмеялась над причудами юности и воссела на солнечном троне, рядом со своими братьями и сестрами, осиянная славой Золотого Светила, воспеваемая бесчисленными множествами светлых духов, праведников и бессмертных? Или же она осталась собой, и история повторится вновь: когда она пробудится в Эдеме, ей, как и раньше, предложат выбор, и она, как и раньше, отвергнет почти абсолютную власть, купленную ценой порабощения тех, кто иначе мог бы стать наследниками Князей и Светил, превзошедшими их в силе и мастерстве — отвергнет, и вновь будет заточена где-нибудь, лишена всякой возможности действовать?

Эдрик медленно встал на ноги. Заглядывая ему в глаза, люди пятились назад и кричали, угрожая или умоляя, ибо в глазах его притаилась смерть. Но он не видел людей и не слышал их крики. Он поднял голову и посмотрел туда, где сквозь созданный им пролом в каменной кладке башни виднелся кусочек хмурого неба.

«Я взойду на девятое небо. — Подумал он. — Достигну Эдема и отыщу ее там. И я убью любого, кто встанет у меня на пути, будь то ангел, человек или бог.»

2014 г.

Примечания

1

Судья, Небесный Океан, Красавец, Свет... (мидлейский)

2

Обитель богов